

3

Русская речь

1976

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1976 май — июнь

В номере:

Во имя торжества коммунизма	3
Л. И. Скворцов. Сокровищница языковой культуры	7
Ф. П. Сороколетов. О втором издании Большого академического словаря	16

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. М. Соловьев. Цвет и жанр в произведениях Пушкина	24
Ю. Т. Листрова. Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина	28
Н. С. Авилова. Читая Державина (Стихотворение «Ласточка»)	33
А. В. Дудников. О языке романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева	36
В. Е. Захарова. Метафора в письмах Чехова	40
А. В. Бармин. Мудрость эпоса	45
А. А. Варламова. Словообразование как стилистическое средство	50
Говорят делегаты IV съезда писателей РСФСР (Кайсын Кулиев, Виктор Астафьев, Виталий Закруткин, Евгений Носов)	56

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Произношение сочетания -чи-	62
Л. П. Катлинская. Единственное или множественное?	65
В. Б. Сорокин. Колодцы, поля и... предлоги	70

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Л. И. Еремينا. Формы представления в языке художественной литературы	72
В. Н. Пыганова. Спустить и опустить	77
Р. П. Рогожникова. «Вроде Володи...»	81
Г. Н. Акимова. Спецкурсы и спецсеминары на кафедрах русского языка	85

ИСТОРИЯ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А. У. Урусиллов. Чабан	95
Е. А. Левашов. Авоська	99
А. Жаримбетов. Лебеда	102
Н. В. Попова. «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали!»	106
В. А. Меркулова. Жерлянка	109

ПО КАРТЕ НАШЕЙ РОДИНЫ

Э. М. Мурзаев. Байконур	111
И. Г. Добродомов. Астрахань	114
Е. С. Отин. «Подземная» топонимия Донбасса	117

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Р. Русинов. Русские слова в болгарском языке	121
Л. Б. Воскресенская, Н. И. Хренова. Вопросы культуры речи в работах болгарских лингвистов	126

ШКОЛА

Н. В. Чурмаева. Листая учебник	129
А. С. Дымский. Без усталости. А есть ли усталость?	132

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Р. И. Аванесов. Еще раз об искусстве устной речи.	136
---	-----

СОВЕДУЕМ ПРОЧИТАТЬ

А. Вомперская. «Имена московских улиц»	137
--	-----

ХРОНИКА

С. И. Виноградов. 75-летие со дня рождения С. И. Ожегова	141
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение)	143

Практикум по стилистике	35, 44, 49, 61, 69, 139, 147, 148
-----------------------------------	-----------------------------------

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Шахматы — 149. Мормышка — 153. Сенаж — 155. Белянка, пестрянка — 157

*На обложке: Байконур. Рисунок В. Толстоногова
При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь» обязательна*

ВО ИМЯ ТОРЖЕСТВА КОММУНИЗМА

В обстановке высокой политической и трудовой активности рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, монолитной сплоченности партии и народа в Кремлевском Дворце съездов в Москве состоялся XXV съезд КПСС. За работой съезда пристально следила вся мировая общественность. Советские люди с огромным воодушевлением восприняли Отчет Центрального Комитета КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В Отчете был дан глубокий, марксистский анализ развития нашей страны в девятой пятилетке, определены задачи партии в области внутренней и внешней политики. Исторические завоевания Родины Октября демонстрируют перед всем миром силу наших идей, действенность нашей политики, созидательную энергию советского народа.

Всенародное одобрение получили «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». За период девятой пятилетки советское общество добилось высоких и устойчивых темпов развития экономики в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС. Возрос экономический и научно-технический потенциал страны. Успешно ре-

шалась главная задача пятилетки — обеспечение значительного повышения материального и культурного уровня советского народа.

Новую пятилетку по справедливости называют пятилеткой эффективности и качества. В этом состоит одна из главных ее особенностей. Вместе с тем «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предопределяют и количественный рост нашей экономики в огромных масштабах. Так, национальный доход планируется увеличить на 96 миллиардов рублей. Возрастет почти на 197 миллиардов рублей продукция промышленности.

Десятый пятилетний план, как и предыдущие планы, будет программой развития всех республик, наций и народностей, образующих нашу великую социалистическую Родину. Наша страна вступила в важный период своего динамичного, поступательного развития. Неугасимый светоч марксистско-ленинского учения озаряет наш славный путь.

Мощным фактором укрепления и развития советского общества, действенным средством борьбы за претворение в жизнь высоких идеалов коммунизма является русский язык, ставший языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. Дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие нашей страны в условиях научно-технической революции, быстрый рост межнациональных связей ведут к постоянному повышению роли и значения русского языка, к усилению его влияния на все стороны духовной жизни народов Советского многонационального государства. Неизмеримо возросли и окрепли международные позиции русского языка, в наши дни он стал одним из самых изучаемых языков мира.

Оценивая XXV съезд КПСС как важнейшее событие в жизни страны, советские ученые-языковеды хорошо знают, что их мирный труд стал возможным благодаря активной и целеустремленной ленинской внешней политике, которую неустанно проводят ЦК КПСС, Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Коммунистическая партия и Советское правительство повседневно заботятся о развитии отечествен-

ной науки. Для плодотворной деятельности научных коллективов у нас созданы самые благоприятные условия. Новым признанием выдающихся заслуг советских ученых явились всенародные торжества, посвященные 250-летию Академии наук СССР.

Роль науки в жизни нашего общества, в укреплении экономической и оборонной мощи страны, в развитии социалистической культуры все более возрастает. И это, в свою очередь, налагает новые обязанности на работников советской науки. «Курс партии состоит в том,— говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев,— чтобы и впредь проявлять постоянную заботу о развитии большой науки, о ее главном штабе — Академии наук... Партия высоко ценит деятельность академии и будет поднимать ее роль как центра теоретических исследований, координатора всей научной работы в стране». Принимая эту высокую оценку партии, советские ученые хорошо понимают свою ответственность за повышение эффективности научной работы, ускорение практического освоения научных достижений.

В начавшейся пятилетке наука о русском языке будет развиваться в следующих важнейших направлениях:

— **изучение русского языка в связи с развитием социалистического общества; место и роль русского языка в современном мире и в межнациональном общении народов СССР;**

— **разработка теоретических основ культуры речи и создание массовых нормативных пособий; научные принципы преподавания русского языка в средней и высшей школе; описание грамматического строя русского языка;**

— **развитие лексикологии и лексикографии, подготовка словарей разных типов; изучение истории русского языка на различных этапах его развития.**

Языковедам-русистам предстоит новыми трудами и исследованиями ответить на заботу партии и Советского государства о развитии отечественной науки, сделать новую пятилетку важным периодом

в изучении русского языка на современном этапе развития социалистического общества.

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза определил новые горизонты в продвижении нашей страны к торжеству коммунизма. Советские ученые, педагоги, деятели культуры были и остаются верными помощниками партии в достижении этой великой цели.

Очевидно, что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем.

Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики

Основной задачей советской науки является дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества, повышение ее вклада в решение актуальных проблем строительства материально-технической базы коммунизма, ускорения научно-технического прогресса и роста эффективности производства, повышения благосостояния и культуры народа, формирования коммунистического мировоззрения трудящихся.

Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы

СОКРОВИЩНИЦА ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Художественная литература была и остается искусством слова, высшей формой национальной языковой культуры. Нет, да и быть не может хорошего литературного произведения с невыразительным, вялым, неточным, плохим языком. Стилистическая и языковая ущербность прямо противопоказаны подлинной литературе, в которой глубина содержания, идейная насыщенность выражается в отточенных формах. Именно поэтому для настоящего писателя — мастера работа над словом превращается в каждодневный, постоянный, пожизненный труд. Читатели о нем обычно знают лишь по конечному результату.

Язык художественной литературы (да и литературный язык в целом), закрепляя культурные традиции, накапливая в национальной сокровищнице памятники духовной культуры народа, является не только вершиной речевой культуры, но и мерилom и «точкой отсчета» явлений, осознаваемых в качестве нормативных.

Многотомные толковые словари национальных языков всегда строились и строятся на широкой базе литературно-художественных источников — на материале языка писателей прошлого и настоящего, равно как и на материалах публицистики, научной литературы, периодики.

«При имени Пушкина, — писал Н. В. Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе (разрядка моя. — Л. С.), заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка». Сравнение Пушкина с лексиконом не случайно. В совре-

менном русском языке мы называем словом *лексикон* обычно чей-нибудь запас слов в собственной речи, говоря, например, что у того-то или у того-то «бедный», «ограниченный» и т. п. лексикон, то есть именно запас слов. В старину слово *лексикон* значило 'словарь' — свод лексики языка, все его словарное (и смысловое) богатство. Еще В. И. Даль толковал слово *лексикон* как 'словарь, речник, словотолк, словник, словотолковник'.

У Анатолия Франса есть короткая, но очень емкая и поэтичная статья-заметка — «Лексикон», которую можно по праву назвать восторженным гимном словарям и всему словарному делу, подлинным признанием в любви этому удивительному творению человеческих рук и разума.

«Я часто ловлю себя на том, — признается писатель, — что отлыниваю от работы, зарывшись в какой-нибудь большой словарь, разросшийся, словно густодистивный лес... Ведь словарь — это вся вселенная в алфавитном порядке! Если хорошенько подумать, словарь — это книга книг. Он включает в себя все другие книги, нужно лишь извлечь их из нее...

Я сказал, что люблю словари. Я люблю их не только за большую пользу, приносимую ими, но и за все то, что есть в них прекрасного и величественного... Здесь мысли, радости, труды и горести наших предков и наши собственные, памятки общественной и личной жизни всех тех, кто дышал... воздухом, которым мы дышим теперь, в свою очередь; подумайте, что каждому слову словаря соответствует мысль или чувство, которые были мыслями или чувствами бесчисленного множества людей; подумайте, что все эти собранные вместе слова — дело плоти, крови и души родины и человечества!».

Сказано все это вдохновенно, красиво, возвышенно — и справедливо. Чтение словарей было одним из излюбленных занятий К. Маркса и В. И. Ленина. Глубоко понимая общекультурное значение словарного дела, Владимир Ильич Ленин заботился о скорейшем издании словарей-справочников массового типа, был вдохновителем первых шагов советской русской лексикографии.

Для писателя словари и справочники разных типов — это источник разнообразных знаний и сведений, источник поэтического вдохновения и речевой ориентир (вспомним пушкинское: «Хоть и заглядывал я встарь в Академический словарь»). Да мало ли что еще значат словари для писателя!

В той же заметке «Лексикон» А. Франс рассказывает, что молодого Бодлера, попросившего свидания с Теофилом Готье, маститый писатель встретил вопросом: «Читаете ли вы словари?». Бодлер ответил, что читает их охотно. И хорошо сделал, добавляет А. Франс, «ибо Готье, поглощавший бесчисленное множество словарей по различным искусствам и ремеслам, почитал недостойным звания писателя, поэта или прозаика, всякого, кто не находил бы удовольствия в чтении лексиконов и толковых словарей».

Чтение толковых словарей — полезное и увлекательное дело не для одних только писателей. И это вполне понятно. Продолжая и развивая шахматовские традиции отечественного языкознания, советские лексикографы исходят из того, что в толковых словарях не должны содержаться плоды отвлеченных «научных» соображений, а должен быть представлен надежный языковой материал, из которого видна была бы картина реальной речевой жизни народа в наши дни, писательская манера словоупотребления — в лучших ее образцах — прежде и теперь. За годы Советской власти у нас в стране изданы тысячи словарей — одно- и двуязычных, синонимических, фразеологических, народных говоров, словарей писателей, толковых разных типов и др. Последний по времени академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах в 1970 году удостоен Ленинской премии. Начата подготовка к изданию нового многотомного словаря; ведется работа над историческими словарями, издается многотомный «Словарь русских народных говоров» ...

Словарная служба языковедов не прекращается ни на один день. И писатели — нынешние и будущие — непосредственно участвуют в этом важном общекультурном деле: ведь они создают тексты будущих словарных иллюстраций, не зная об этом и, конечно же, над этим не задумываясь. Между тем ответственность их перед Словом от этого «незнания» ничуть не уменьшается.

«Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще... Обращаться со словом нужно честно», — писал Н. В. Гоголь в статье «О том, что такое слово». Эти справедливые слова сохраняют свою силу и сегодня. Точный стиль и слог писателя есть результат сознательного отношения к слову, вдумчивого изучения его различных смысловых оттенков.

Конечно, в художественной, поэтической речи есть своя точность, значительно отличающаяся от точности общей грамматики. Язык произведений искусства оценивается прежде всего с позиций самого искусства. Верно передать мысль и чувство, реалистически воссоздать язык и образ, духовный мир героя — вот о чем прежде всего заботятся художники слова в работе над своими произведениями. Подлинная правда жизни повестей и романов А. И. Герцена заставила И. С. Тургенева произнести знаменитую теперь фразу: «Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг» (письмо к П. Анненкову). Но ведь именно Тургенев не раз обращался к молодым писателям России с страстными призывами беречь великий русский язык, умело обращаться с этим великим национальным достоянием и наследием.

Необычность писательского слова, внешне противоречащая прописным грамматическим истинам, на деле часто оказывается точностью искусства, точностью свежего взгляда на примелькавшиеся вещи. Необычный, но такой памятный всем и образно зримый «розовый конь» С. Есенина «в весенней гулкой рани» — это, может быть, освещенный утренней румяной зарей белоснежный красавец-скакун (вспомним картину К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня»).

А знаменитые «желтые дожди» К. Симонова («Жди меня») — это бесконечные падающие с мутного неба водяные струйки, сливающиеся в прозрачную стену на рыжем фоне осеннего леса и вонзающиеся в мокрую желтую глину... Все это примеры поэтической образности, художественной точности слова, над которой не властны предписания практической грамматики и риторики.

Нельзя думать, однако, что художник вполне свободен от законов языка, от требований грамматики и орфоэпии. В большинстве случаев свободу так называемых «поэтических вольностей» мы преувеличиваем. Да и всегда ли можно провести четкую грань между такого рода вольностью и обыкновенной смысловой, грамматической или произносительной ошибкой? Думается, что не всегда.

В стихах хорошего русского советского поэта Николая Рыленкова есть такие строки: «Пускай угрюмые догматики // Ворчат, я к этому привык. // Я до сих пор еще грамматике // Нет-нет и покажу язык...». Сказано это, конечно, больше для парадокса или для красного словца, и принимать это утверждение всерьез не приходится. Ведь

у того же Рыленкова мы находим такие откровенные признания и призывы: «Я пил полынь и мед — не пресное питье — И знаю цену слов, где время отстоялось». Или еще: «Все береги: родную речь, // Где слово с корнем жизни связано ...».

Многим, вероятно, известны крылатые слова Пушкина (из «Евгения Онегина»): «Без грамматической ошибки // Я русской речи не люблю». Конечно же, это сказано в шутку. Потому что в пору своей творческой зрелости поэт признавался: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо): 1. останавливал взор на *отдаленные громады*, 2. на *теме гор* (темени), 3. *воил* вместо *выл*, 4. *был отказан* вместо *ему отказали*, 5. *изумену* вместо *изумну*. Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место» (статья «Опровержение на критики»). Нас и сейчас не перестает удивлять и восхищать пушкинское отношение к справедливой языковой критике. Но ведь не зря же говорили в старину, что грамматика владеет даже королями.

Язык наш — это не только и не столько «оболочка» мысли, но в известном смысле и сама мысль. В языке, в его истории и современном состоянии каждый народ выражает себя, при этом «выражает себя всего полнее и вернее» (И. И. Срезневский). Писателей, ученых, педагогов, всех, кому дороги судьбы родного языка, острое понимание этого делает чуткими и нетерпимыми к тому, что в языке оказывается сорным, наносным, что затуманивает, затупляет живую творческую мысль.

Высока ответственность мастера-художника перед читателями, перед литературой и языком — и в конечном счете перед будущим национальной культуры.

Методу социалистического реализма, впитавшему лучшие черты многовековой отечественной литературы, органически присущи такие языковые черты, как тонкая и свободная индивидуализация стиля авторского повествования и многообразие форм речевой характеристики персонажей. В этих чертах находит отражение стилистическое богатство и внутреннее единство национального русского языка. Задача писателя и журналиста, каждого говорящего и пишущего — умело и бережно обращаться с этим великим богатством.

К сожалению, это бывает не всегда. Ведь если есть, как мы сказали, нарочитая художественная «корявость»

слога, то есть еще и стилистическая глухота, и простая языковая неграмотность, а подчас и фактическая ошибка. Вот только один пример.

Перед нами начало обычного (впрочем, как мы увидим, не совсем обычного) судебного очерка, где автор говорит о себе и своем герое — прокуроре в таком высоком стиле: «Могу сказать, что он был моим первым лодчманом в извилистых (!) и порою мрачных шхерах (?!), ведущих к Истине» (О. Козополянский. Кто виноват?.. — «Человек и закон», 1974, № 7, стр. 115). Сразу же скажем, что лодчманы в «извилистых шхерах» не плавают. *Шхеры* — это утесы и скалистые острова. Что касается автора очерка, то он, очевидно, имел в виду не шхеры, а *фиорды* (*фьорды*). Но в таком случае возникает вопрос: правомерно ли сравнивать путь к Истине с движением в узкий залив-фиорд? Не проще ли было обойтись и без *шхер*, и без *фиордов*?

В последние годы телевидение и кинематограф активно обращаются к инсценированию художественных произведений. Здесь также не обходится без накладок, и поэтому следует, на наш взгляд, еще раз напомнить о необходимости бережного воплощения литературного слова на большом и малом экранах.

В интересном в целом телевизионном спектакле «Плотничьи рассказы» по известной повести Василия Белова (сценарий В. Ткаченко и П. Резникова, редактор И. Сахарова) вологодский плотник, пожилой человек Олёша Смолен то нормально по-северному «бкает», а то вдруг странно «якает» («а ты *вазьмёшь*», «*дравá* рубить», «*сахá*») и даже «якает» («из-за *яво*»), что уже совсем не пристало мужику-северянину. Эта фальшивинка в сценах из народной жизни вредит и телефильму, и литературному произведению.

И не надо думать, что актера до спектакля следовало обучить всем деталям точного «вологодского диалекта». Дело ведь не в буквальном копировании говора, не в фотографической точности. Такая точность, оборачиваясь языковым натурализмом, к подлинному искусству никакого отношения не имеет. Актеру в этом случае необходимо было услышать и достоверно передать всю мелодику, интонацию речестроя, которая в целом (дело ведь не в отдельных словечках!) и создает характерный и неповторимый рисунок северного, вологодского «говорка». Эта интонация, кстати сказать, легко улавливается и «вычитывается» из самого текста прекрасной беловской повести. Достаточно раскрыть

любую страницу «Плотницких рассказов» и прочесть, даже не вслух, а про себя, несколько строк, чтобы убедиться в этом.

«... До Питера ехали двенадцать дён. Ехали и по ночам, лошадей накормим — и опять в путь. Иду за распусками, да сам себя ругаю: почто, думаю, мне дураку было те два с половиной блина лопать? Сидел бы сейчас в теплой беседе да кудели у девок из прялок дергал. Про Таньку как вспомню, так сердчишко-то и лягнет под шубой. А полоз вот скрипит, лошади фыркают, кругом темный лес. По ёлкам красный месяц колобом катится, волчица перекликается со своим серым хахалем. Мне и жаль самого себя, и плакать противно, слезы перерос, до крепости не дорос» (В. Белов. Плотницкие рассказы, VI).

Ясно, что дело тут не в диалектных формах (*дён* вместо *дней* и т. п.) и не в лексических диалектизмах (*беседа* — ‘посиделки, вечерка’), а в самом строе народной речи, системе образных средств («месяц колобом катится») и народно-поэтических формулах живой беседы («слезы перерос, до крепости не дорос»).

Пример своеобразного «натурализма наоборот» — буквализма находим в недавней кинематографической инсценировке одного из ранних рассказов А. П. Чехова «Цветы запоздалые».

В одной из сцен этого кинофильма героиня, княжна (княжна!) Маруся Приклонская смущенно просит у своего слуги Никифора денег взаймы: «— Голубчик, Никифор, миленький... *Займите мне* (курсив здесь и далее мой.— Л. С.) завтра пять рублей. В последний раз ... Можно? — Можно-с., — отвечает Никифор. — У меня только и есть пять. Возьмите-с, а там бог пошлет... — Я отдам, голубчик. Ты *займи*». А в самом конце фильма уже и брат Маруси, Егорушка Приклонский, приходит к доктору Топоркову с просьбой: «— *Займите мне* пять рублей».

Если обратиться к тексту рассказа Чехова, то этой последней реплики Егорушки мы в нем вообще не найдем: она «сконструирована» сценаристами по модели предыдущего диалога Маруси и Никифора. А тот диалог действительно взят целиком из чеховского рассказа.

Думается, однако, что в обоих этих случаях можно и нужно было обойтись без полуграмотного южнорусизма *займи мне* (вместо литературного *дай взаймы, в долг*). Этот авторский южнорусизм явно по ошибке вложен молодым Чеховым в уста начитанной молодой дворянки и

ее брата, отставного гусара («— *Займи мне рубль*», — просит он сестру). Вспомним, что рассказ этот относится к 1882 году и подписан был еще псевдонимом: «А. Чехонте».

В том, что это именно южновеликорусизм, сомневаться не приходится. О нем писали русские филологи уже с середины XIX века. Например, в работе К. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (1855) приводится однокорневой глагол *нанять* с примером-иллюстрацией: «— Нанял ли ты свой дом? — вместо: отдал ли в наймы». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (издание 2-е, 1880) в статье «Займать» читаем: «*Занимать* — займовать, брать взаймы, в долг. *Когда нанял — знаю, когда отдам — не знаю. Не шутка нанять, а шутка отдать. Сколько ни занимать, а быть платить*». И далее: «В Новороссии говорят *занимать* вместо *ссужать*: *займите мне сто рублей*».

В чеховском рассказе, как в этом нетрудно убедиться, выражение *займи мне* не несет никакой функциональной стилистической нагрузки: это и не провинциализм, и не характерологическое средство. В реальной жизни княжна Маруся и ее непутевый брат Егорушка могли сказать только: «дай (дайте) мне взаймы», а не «займи(те) мне». Никто, наверное, не упрекнул бы авторов сценария кинофильма за «поправки» текста Антоши Чехонте, от удвоенной ошибки которого по их воле страдает теперь Антон Павлович Чехов.

Необходимую предпосылку правильного владения языком и стилем отечественные языковеды всегда видели в сознательном отношении к слову, к тончайшим его элементам, выражающим разные оттенки смысла. Об этом писали И. И. Срезневский, А. А. Потебня, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.

Академик Л. В. Щерба считал, например, что сравнительные достоинства отдельных литературных языков определяются несколькими факторами, среди которых исследователь выделял в особенности три.

Первое — это словарное богатство; наличие разнообразных средств выражения как для общих, так и для частных понятий.

Второе — богатство синонимии, так как именно синонимические ряды образуют систему оттенков одного и того же понятия.

Третье — это степень внутренней сложности средств выражения или, говоря иначе, это богатство готовых воз-

можностей выражать разнообразные оттенки мысли и чувства.

Каждый из этих факторов есть результат многовекового развития литературного языка, созданный трудами ряда поколений и закреплённый в лучших образцах письменного и устного творчества. Совокупность этих факторов определяет такие черты развитого литературного языка, как сложность и «отзывчивость» его выразительных средств, гибкость, способность выражать все, что нужно для выполнения его важнейшей функции, — быть орудием мышления, воздействия и взаимопонимания.

Таким образом, в основе всякого развитого литературного языка лежит накопленное веками сокровище фраз, словосочетаний, комбинаций, фразеологизмов, изречений, пословиц и поговорок. Но эта сокровищница оказывается гораздо большим сокровищем, чем обыкновенно думают, отмечал Л. В. Щерба. Обыкновенно ее понимают как сумму накопленной народом мудрости. Между тем в самом языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей, потенциалов и линии речевого поведения будущих поколений, живых наследников этого сокровища. Именно поэтому, говорил Л. В. Щерба, «правила употребления слов выводятся из всей совокупности читаемого в данном коллективе материала, т. е. из всей актуальной литературы» (статья «Литературный язык и пути его развития»).

Языковая сокровищница содержит богатый запас материалов для выражения новых мыслей и чувств; она — вечно живой источник искусства слова, и отказ от нее означал бы не что иное, как необходимость начинать накопление с самого начала.

Наша современная языковая сокровищница, строго говоря, начинается в XIX веке (вспомним ленинское определение: «от Пушкина до Горького...»), но начинается она, конечно же, не с нуля, не с пустого места. Ведь основоположник русского литературного языка нового времени Пушкин был прямо связан своим творчеством с XVIII веком, а в то время, как известно, активно читаемой была сокровищница древнерусской литературы, накопление которой в свою очередь началось еще в IX веке на базе мировой культуры и письменности того времени.

Окончание следует

Л. И. СКВОРЦОВ

О ВТОРОМ ИЗДАНИИ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Словарный сектор Института русского языка АН СССР начал работу по подготовке второго издания семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ). Переиздание его вызвано необходимостью дать широкому читателю справочное пособие, представляющее образцовые нормы современного литературного словоупотребления, раскрывающее все богатство лексики XIX—XX веков.

В наше время, когда русский язык стал средством межнационального общения народов СССР и одним из важнейших мировых языков, потребность в словарях значительно возрастает, увеличивается их роль как учебных пособий. ССРЛЯ занимает особое место среди всех толковых словарей русского языка. В нем собрано и объяснено более 120 000 наиболее употребительных слов литературного языка. Отражая нормы современного словоупотребления, семнадцатитомный словарь преследует и цели справочного характера, служит путеводителем при чтении русской классической литературы XIX—XX веков. Являясь толковым и нормативным, он включает в свой состав общеупотребительную лексику, дает в основном филологические (не энциклопедические) толкования значений слов, отмечая при этом устойчивые сочетания, речевые обороты, выражения, иллюстрирует значения, оттенки значения и особенности словоупотребления цитатами из образцовых произведений художественной, научной и общественно-политической литературы XIX—XX веков, дает грамматическую характеристику толкуемых слов, указывает уда-

рения, особенности произношения и написания, вводит нормативные указания путем стилистических помет при словах, функционирование которых ограничено определенными условиями (устар., простореч., разг., обл., спец. и т. п.), приводит исторические сведения. Все это делает семнадцатитомный словарь неопределимым пособием по культуре русской речи.

ССРЛЯ получил широкое общественное признание, им пользуются научные работники, писатели, журналисты, переводчики, педагоги — все, кто любит и изучает русский язык в нашей стране и за рубежом. Но, изданный крайне малым тиражом, словарь давно уже является библиографической редкостью, поэтому его переиздание стало необходимо.

Новое издание ССРЛЯ не ставит перед собой задачу преобразовать тип Большого академического словаря. Основные цели и задачи первого издания сохраняются, принципы отбора и семантической разработки слов, приемы грамматической и стилистической характеристики в основном остаются неизменными. Однако в Словаре обязательно будут внесены изменения, происшедшие в языке за последние тридцать лет. Во втором издании словарь должен как можно точнее отразить состояние лексики и фразеологии русского литературного языка наших дней: разработка лексического материала в словаре должна соответствовать современному уровню научных знаний о языке.

При подготовке нового издания ССРЛЯ преимущественное внимание будет уделено обновлению словника, усилению принципа объективности в оценке языковых фактов, исправлению различного рода ошибок и неточностей, уточнению стилистических оценок и характеристик, проверке и подбору цитатного материала. Словарь будет стремиться раскрыть образцовые нормы употребления лексики русского литературного языка в ее современном состоянии. Нормативность достигается отбором слов, показом грамматических форм и ударения, стилистической характеристикой и указанием на сферу употребления слова, показом тех значений и оттенков, которыми слово обладает в системе литературного языка нашего времени.

ОТБОР СЛОВ

Язык находится в состоянии постоянного развития и изменения. В определенные периоды истории языка происходят своеобразные лексические взрывы, когда наблю-

даются весьма интенсивные изменения в словарном составе. Такой взрыв наблюдается сейчас, в эпоху научно-технической революции. В связи с бурным развитием социалистической культуры, науки, техники, промышленности и сельского хозяйства словарный состав русского языка заметно пополнился и пополняется новыми словами и значениями, развившимися у «старых» слов; многие слова и целые разряды лексики расширили сферу своего употребления, изменилось их место в системе лексики русского литературного языка.

Создание словарей национального языка связано с целым рядом трудностей и предполагает решение многих сложных проблем теоретического и практического порядка. Это является основной причиной длительных сроков подготовки и выпуска словарей. Так, ССРЛЯ создавался на протяжении более четверти века.

Естественно, что он не мог полностью отразить происходящие в языке изменения. Вообще надо заметить, что все словари отстают с регистрацией языковых процессов в современном языке, поэтому к моменту выхода их в свет часть информации устаревает, а новые явления не получают отражения. Между тем, установить и зарегистрировать состав лексики современного литературного языка является одной из основных, центральных задач толкового словаря. Вот почему проблема словника второго издания ССРЛЯ приобретает первостепенное значение. Можно сказать, что именно составом словника второе издание более всего будет отличаться от первого. Предполагается, что общее количество слов во втором издании ССРЛЯ достигнет примерно 150 000 единиц, то есть увеличится на 30 000. Так, только на букву «а» будет включено более 1100 новых слов. Словарь пополнился за счет: а) новых слов и значений, которых в период создания ССРЛЯ не было в русском языке: *акваланг, аквалангист, видеотелефон* и т. п.; б) слов и значений, имевшихся в русском языке в период составления ССРЛЯ, но ставших широкоупотребительными лишь в последние 30 лет: *абстракционизм, алгоритм, веземной* и т. п. Пополнение словаря составляет различные тематические и структурно-грамматические разряды лексики: общественно-политическая лексика, многочисленные разряды специальной лексики и терминологии (термины различных наук, производственно-технические термины, специальная лексика из области искусства, спортивная терминология и т. п.), этнографизмы

(аксакал, базука, бармен, бистро, азу, беляши и т. п.), названия рыб, животных, птиц, названия кушаний, предметов обихода и т. п. Подсчитано, например, что в настоящее время в спортивной терминологии известно более 25 000 терминов, многие из которых стали широкоупотребительными, известными за пределами спортивного словоупотребления. Спортивная лексика и фразеология заметно входят в настоящее время в лексику и фразеологию общелитературного языка. Особенно значительны пополнения в сфере специальной научной и технической терминологии, которые создаются за счет новых терминов или за счет терминов, ранее существовавших в языке, но расширивших границы своего употребления лишь в последнее время. Постоянное возрастание количества терминологической лексики в общем употреблении связано с происходящей теперь научно-технической революцией, с ростом и распространением научных и технических знаний, с повышением престижа науки и количественным ростом специалистов — носителей научных и технических знаний. Однако во второе издание ССРЛЯ будут включены только те специальные слова и термины, которые стали достоянием широких кругов образованных людей.

Основная масса вошедших в русский язык слов составляется из широко распространенных обозначений новых реалий, понятий, а также новых сочетаний фразеологического характера: *лайнер, лазер, игровой, интервьюение, каркасно-панельный, катапультирование, науковедение, нейлоновый, голубой огонек, голубой экран, цепная реакция, орбитальный, ракетоноситель* и т. п. Большое место среди пополнений занимают широко распространенные слова и выражения разговорной речи: *капиталка, навалом, неотложка, очкарик, тянуть резину* и т. п. Значительны пополнения и среди имен существительных, различных словообразовательных классов; прилагательных, глаголов, наречий; в Словарь будет введено большое количество сложно-сокращенных слов, ставших особенно продуктивными в наше время (сравните в этом отношении слова с первой частью: *авто-, космо-, радио-, теле-, кино-* и другие). Будут отмечены новые значения и оттенки значения, развившиеся у слов, включенных в первое издание ССРЛЯ.

Отбор предполагает не только включение новых слов и терминов, но и исключение из словника архаизмов, малоупотребительных слов, которые были в первом издании

на основе расширительного толкования понятия «современный русский литературный язык» (это прежде всего относится к первым томам Словаря, содержащим материалы, характерные для словоупотребления XVIII века). Из Словаря будут выведены слова, которые уже в пушкинское время были неактуальны, также как и слова, не находящие подтверждения в источниках словарной картотеки, на основе которой был составлен Словарь. Большие исключения будут сделаны из состава узкоспециальных терминов, не имевших ни раньше, ни теперь широкого распространения в общелитературном языке: *аксолотль*, *блинт*, *препуццум*, *фаут*, *эхин* и другие; областные слова, не подтвержденные достаточно убедительными материалами из литературы XIX — XX веков; производные слова, легко образуемые по законам русского словообразования, но фактически не употребляющиеся; некоторые существительные на *-ние*, *-ость*, *-ство*; искусственные образования страдательного залога. Предполагается, что только на букву «а» будет исключено около 200—250 слов.

УСИЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НОРМАТИВНОСТИ

Во втором издании ССРЛЯ будут пересмотрены характеристики многих слов под углом зрения современного понимания языковых фактов. Нормативные указания должны быть приведены в соответствие с современными нормами и живыми представлениями о правильном и неправильном. Это будет способствовать усилению нормативного принципа словаря и освободит его от многих излишних архаических сведений и характеристик. Однако более строгое проведение нормативных характеристик и оценок не предполагает исключения всех вариантных форм. Наоборот, в некоторых случаях целесообразно введение новых, не отмеченных словарем, но укрепившихся в современном словоупотреблении конкурирующих способов выражения. Таким образом, одна из задач нового издания ССРЛЯ в переоценке вариантов в соответствии с их реальным сегодняшним положением в системе литературного языка, в исключении неоправданного уравнивания неравноценных вариантов. Это будет достигнуто путем устранения мнимо равноценных заголовочных пар и перенесения неактуального или стилистически отмеченного варианта из заголовка в справочный отдел, уточнения нормативных характеристик форм слова в словарной статье и в справочном отделе более жесткими ограничениями (с

иным устаревшим произношением, с иным устаревшим написанием и т. д.), путем включения в новое издание продуктивных новообразований (акцентологических, морфологических, синтаксических). Указания на новые продуктивные формы с необходимым стилистическим комментарием будут соответствовать нормативным задачам Словаря и удовлетворять принципу историзма (отражение перспективы и ретроспективы в развитии языковых единиц).

Усилению принципа нормативности Словаря будет способствовать также уточнение стилистических оценок и характеристик слова, усовершенствование способов и приемов показа сферы и условий его функционирования, хотя набор стилистических помет, принятых в ССРЛЯ, остается неизменным и во втором издании. Представляется необходимым все стилистические характеристики давать с точки зрения стилистических норм современного русского литературного языка.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК И НЕТОЧНОСТЕЙ

ССРЛЯ создавался в течение длительного времени, принципы его составления не раз менялись и уточнялись, над ним работал большой коллектив составителей и редакторов, не все части Словаря были одинаково хорошо обеспечены материалами картотеки. Все это приводило к большому разнообразию в приемах и способах описания одинаковых фактов. Во втором издании необходимо унифицировать подачу многих лексико-семантических групп слов (термины родственных отношений, названия дней недели, глаголы звучания и т. п.), сложно-сокращенных слов, глаголов с аффиксом *-ся* (собственно-возвратные и страдательные значения), относительных прилагательных, существительных на *-ние*, *-ство* и других разрядов производных слов.

Одним из главных направлений новой работы является исправление всех ошибок и неточностей в разработке семантической структуры слов, грамматической и стилистической характеристиках, в сведениях, содержащихся в справочном отделе и т. п. Особое внимание будет обращено на проверку толкований специальных терминов и слов, примыкающих к специальной терминологии (как известно, в ССРЛЯ нередко проявлялось стремление к неоправданному энциклопедизму в толковании терминов). Задача филологического словаря — истолковать значение

термина, но не описать понятие, которое этим термином выражается.

Одним из достоинств ССРЛЯ является богатейший иллюстративный материал, делающий Словарь не только справочным пособием, но и своеобразной книгой для чтения. Иллюстрации, сопровождающие каждую словарную статью (каждое значение, оттенок значения и особенности употребления) не только подтверждают наличие в языке того или иного слова, но нередко дополняют его семантическую характеристику, показывают специфику употребления и сферу жанрово-стилистического функционирования, особенности сочетаемости слова и его связей с другими словами.

Во втором издании некоторые принципы иллюстрирования будут уточнены.

Весь цитатный материал, содержащийся в Словаре, нуждается в проверке и тщательном просмотре. В цитатах наиболее ощутимо время составления словаря с его общественно-политическими, идеологическими и философскими взглядами, с его успехами в развитии производства, науки, культуры. С течением времени определенные цитаты могут устаревать. Естественно, что цитатный материал должен быть в значительной мере обновлен и «осовременен».

Работа над подготовкой нового издания ССРЛЯ уже начата, однако и в процессе осуществления этого лексикографического предприятия будет продолжаться уточнение некоторых принципов Словаря и способов разработки лексического материала. Будет продолжаться и обогащение материальной базы — картотеки цитат из произведений современной художественной, публицистической, научной и научно-популярной литературы, ибо от состояния лексической базы зависит в конечном счете качество каждого словаря.

Подготовку второго издания ССРЛЯ ведет тот же коллектив, который осуществил его первое издание. Главным редактором Словаря является член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин.

Второе издание ССРЛЯ должно устранить все лексикографические пробелы и недостатки первого, сохранив его бесспорные достоинства. Это приблизит Словарь к выполнению основной задачи — быть активным пособием по культуре русской речи, задачи, которую в свое время выдвинул В. И. Ленин.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

*К 165-летию
со дня рождения
В. Г. Белинского*

Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами.

В. Г. Белинский. Литературные мечтания

Грамматика не дает правил языку, но извлекает правила из языка. Общее незнание этих правил, т. е. незнание грамматики, вредит языку народа, делая его неопределенным и подчиняя его произволу личностей: тут всякий молодец говорит и пишет на свой образец. В формах языка должно быть единство. А этого единства можно достигнуть только строгим исследованием, как правильное должно говорить или писать то или другое. Это искание правильности должно быть доведено до педантизма — для успеха самого языка. Пусть будут тут злоупотребления, они отвергнутся обществом, и живое слово не покорится им . . .

В. Г. Белинский. Грамматические разыскания... В. А. Васильева

Цвет и жанр в произведениях Пушкина

Использование цвета в литературном произведении является дополнительным средством выявления своеобразия в стилистике как единичного произведения, так и творчества писателя в целом.

Цвет в литературе, в отличие от цвета в живописи,— функция неосознанная, интуитивная.

Своеобразие цвета в различных жанрах творчества Пушкина определяется в данной работе количественно, путем подсчета (в процентах) спектров различных произведений. Этот способ использовался ранее Андреем Белым при анализе цвета у Гоголя. Кроме того, нами введено понятие о *цветовом числе*, характеризующем цветовую насыщенность литературных произведений, где

$$\text{цветовое число } C = \frac{\text{Число упоминаний того или иного цвета}}{\text{Число печатных листов произведения}}$$

Поразительно глубочайшее различие цветовых спектров литературных жанров! Лирика, поэмы, сказки, драматические произведения находят у Пушкина своеобразное цветовое решение.

По насыщенности красками сказки занимают одно из первых мест во всей русской литературе. Цветовое число сказок $C=74$.

В сказках очень много *золота*. Так, в сказке «О царе Салтане» Пушкин пишет широко и обобщенно: «Весь сияя в злате, // царь Салтан сидит в палате», а тридцать три богатыря выходят на берег, в чешуе златой горя. Постройки также сверкают золотом: «Корабельщики... На знакомом острову // Чудо видят наяву: город новый, златоглавый. // Пристань с крепкою заставой».

Еще обильнее использование в сказках *белого* цвета: «Глядь поперх текучих вод, // Лебедь белая плывет»; «Лебедь белая мол-

чит//И, подумав, говорит». Если в «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о рыбаке и рыбке» преимущественно синий и золотой цвета, то в «Сказке о мертвой царевне» — белый. После отъезда мужа царица смотрит в поле.. «С белой зори до ночи.. Только видит.. Снег валится на поля, Вся белешенька земля». И царица-мачеха «высока, стройна, бела». Но и молодая царевна тоже «белолица». «И не диво, что бела»,— говорит о ней мачеха.

А далее следует десятикратное повторение вопроса: «Я ли всех белее?». «Свет мой, зеркальце! Скажи, // Да всю правду доложи: // Я ль на свете всех милее, // Всех румяней и белее?». А ей зеркальце в ответ: «Ты, царица, всех милее, // Всех румяней и белее».

Повторы поддерживают этот *белый* расстилающийся тон всей сказки.

Устойчивые, прикрепленные эпитеты создают в сказках впечатление плотности и насыщенности небольшого числа красок. Спектр сказок характерен малым числом красок вообще (всего девять) и резким преобладанием в нем трех — *белой*, *золотой* и *синей*.

«Трехкрасочная» палитра сближает «Сказки» со «Словом о полку Игореве». Столь же схож колорит сказок с колоритом устного народного творчества.

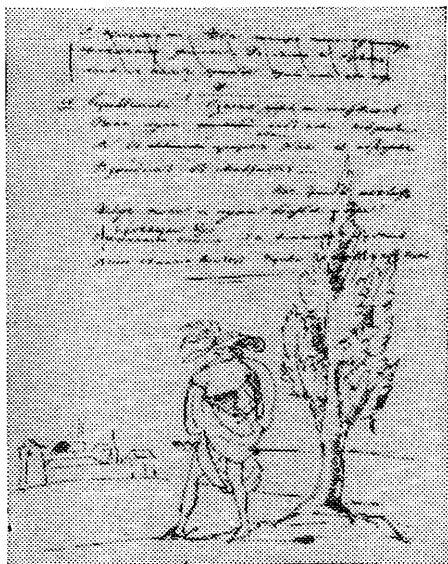
Другой характер носит цветопись драматических произведений. Цветовое число их очень невелико $S=8,9$. В них преобладают две краски: *черная* — 46,1% и *белая* — 16,6%.

Тона *черный*, *белый*, *серый* в драматических произведениях Пушкина составляют очень высокий процент — 62,7, значительно превышающий средний процент в произведениях русских писателей.

Из драматических произведений Пушкина наибольшим цветовым числом обладает «Каменный гость» — $S=20,7$; затем идет «Русалка» — $S=14,6$. В «Скупом рыцаре» — $S=4,4$; в «Сценах из рыцарских времен» — $S=2,6$; и, наконец, наименьшее цветовое число в «Борисе Годунове» — $S=2,2$.

В «Борисе Годунове» всего три упоминания цвета: *рыжие* волосы, *голубые* глаза, *черный* монах. Красочность «Бориса Годунова» сближается с драматургией Шекспира, у которого цветовое число равно шести (например, в «Гамлете»), тогда как цветовое число в романе «Сестры Беатрисы» Метерлипка составляет 43. Среднее цветовое число главнейших «романов-трагедий» Достоевского — $S=5,5$, что сближает его в этом отношении с драматургией Шекспира и Пушкина.

Необычен спектр «Песен Западных Славян», состоящий, подобно спектру сказок, только из семи цветовых тонов. В то же

«Каменный гость».
Рисунок Пушкина
на рукописи.
1830

время спектры их мало схожи между собой. В «Песнях» контрасты *черного и белого* (белый в «Песнях» оттенен особенно сильно) составляют 31,7% всего спектра: «Было тихо. С высокого неба Город белый луна озаряла» (Видение короля); «Или вы уж не сербы — цыганы? Или вы не мужчины — старухи? Вы бросайте ваши белые дома. Уходите в Велийское ущелье» (Воевода Милош); «Где осталось ее [Елицы] белое тело, Церковь там над ней соорудилась» (Сестра и братья); «Где осталось ее белое тело, на том месте озеро провалило» (Сестра и братья).

Сильное звучание придано *черному* тону: «Догадалась она, завопила: Будь же богом проклят ты, черный, Коль убил ты отца родного! С той поры Георгий Петрович. У людей прозывается Черный» (Песня о Георгии Черном). Черный тон звучит в «Песнях» утрюмо, становится признаком несчастья, страха.

Певучесть ритмов «Песен», скупая, но крайне образная красочность в народном стиле сближают «Песни» со «Сказкой о мертвой царевне». Эти стихи — великолепное воспроизведение напевности и красочности народной словесности.

Каждый из жанров решен Пушкиным совершенно своеобразно. Легко заметить, что спектр одного жанра отличен от спектра другого. По отношению к Пушкину невозможно говорить о едином цветовом спектре его творчества.

Пушкин принадлежит к числу тех редких писателей, которые изменяют свой колорит в зависимости от жанра и тех задач, которые решаются в художественном произведении. В этом он отличен от таких художников, как Державин, Лермонтов, Тургенев и Толстой, для произведений которых характерно постоянство и единство цветовой палитры.

Амплитуда цветовых колебаний в произведениях Пушкина исключительно велика. В этом отношении к Пушкину в известной степени приближается Гоголь, у которого мы находим значительное различие при переходе от многоцветных «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с максимальным цветовым числом $S=65$ до малокрасочных петербургских повестей и «Мертвых душ» — $S=16$. Однако столь ярко выраженного объективного колорита, как у Пушкина, мы ни у кого из русских писателей не находим.

С. М. СОЛОВЬЕВ

Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего...

В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 году

Из русского языка Пушкин сделал чудо. Справедливо сказал Гоголь, что «в Пушкине, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка». Он ввел в употребление новые слова, старым дал новую жизнь; его эпитет столь же смел, оригинален, как и резко точен, математически определен.

В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 году

Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина

Новые исследования литературоведов, историков языка, лингвистов подтверждают величие и современность А. С. Пушкина. К таким исследованиям относится и изучение художественных функций немецких вкраплений в произведениях великого писателя и поэта.

Термин «иноязычные вкрапления» сравнительно недавно вошел в научный обиход.

Под иноязычным вкраплением понимается вставка в русскую речь отдельного слова или отрезка текста на чужом языке, например: «И пьяницы с глазами кроликов „In vino veritas“ кричат» (А. Блок). Профессор А. А. Леонтьев расширил это понятие, включив в него и частичные иноязычные вкрапления разных типов, характерные для речи иностранцев, плохо владеющих русским языком. Возникают они прежде всего в результате переноса иностранцем навыков владения родным языком в русскую речь. Например, у Л. Н. Толстого в «Отрочестве»: «Я был под Ульм, я был под Аустерлиц, я был под Ваграм», — говорит Карл Иванович.

Иноязычные вкрапления находятся за пределами русского языка, его словарного состава и используются в русской речи в одноразовом порядке.

Многие русские писатели XVIII—XIX веков нередко вставляли в языковую ткань своих произведений немецкие вкрапления. Их объем, тип, происхождение и другие качества находятся в прямой связи с особенностями индивидуально-художественного стиля писателя, с местом персонажа в системе художественных образов произведения, с мировоззренческими особенностями творчества писателя, с традицией эпохи. Не случайно персонажи-немцы говорят по-русски у разных авторов неодинаково.

А. С. Пушкин ввел в язык своих произведений 34 немецких вкрапления. Мало сказать, что употребление каждого из них художественно мотивировано, что они выполняют в рамках произведений многообразные стилистические функции.

В «Борисе Годунове» диалог двух капитанов (француза Маржерета и немца Вальтера Розена) весь приводится на немецком и французском языках. Обращение Маржерета к Вальтеру Розену (говорил Маржерет на французском языке) с четырехкратным немецким: „Mein Herr“ (сударь) и реплики-ответы Розена по-немецки: „Es ist Schande; Sie haben Recht; Ich glaube das“ (Жаль; Вы правы; Я надеюсь на это) — создают два национальных характера: темпераментного француза и сдержанного, спокойного немца.

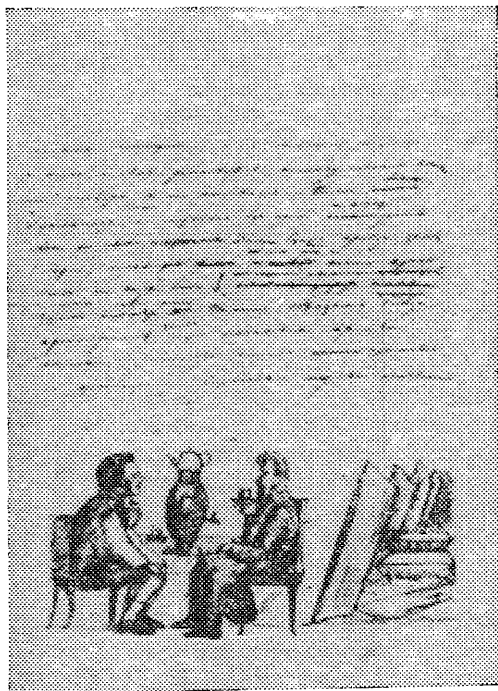
Характеры двух капитанов (немца и француза) обрисованы точно, психологически убедительно. И в этом случае двуязычие их речи не случайно: оно отражает не раз имевшее место в истории России положение, когда на стороне русской армии сражались иноземные полки во главе с офицерами разных национальностей — французами, немцами. И каждый, зная язык другого, говорил на своем родном языке. Аналогичная ситуация в армии союзников, выступивших против Наполеона, была отражена в романе Л. Толстого «Война и мир».

Исследователь творчества А. С. Пушкина Д. Д. Благой, отмечая новаторство драматурга, разрушившего закон «трех единств», подчеркивает, что писатель нарушает в трагедии «Борис Годунов» и четвертое, как он сам назвал, — «единство слога». Здесь звучит не только высокий «штиль» традиции классицизма, но и живая речь, соответствующая социальному положению действующих лиц, их национальной принадлежности.

В «Гробовщике» описывается серебряная свадьба сапожника-немца, живущего в России и научившегося говорить по-русски. Все гости (немцы) говорили на родном языке, тосты же произносили по-русски. Один из них воскликнул: «За здоровье тех, на кого мы работаем», и пояснил уже по-немецки: „unserer Kundente“ (за наших клиентов).

Это вкрапление воссоздает немецкий колорит обстановки на свадьбе и служит реалистическому отображению речи немцев, живущих и работающих в России, но не забывших своего родного языка. Оно дается рядом с русским выражением: «за тех, на кого мы работаем» — как уточнение мысли, важной для последующего хода событий в повести.

В «Капитанской дочке» немецкое вкрапление введено в русскую речь старого генерала немца Андрея Карловича, с которым служил когда-то отец Гринева. Наряду с частичными немецкими

*«Гробовщик».
Рисунок Пушкина
на рукописи.
1830*

вкраплениями в речи Андрея Карловича есть и прямая вставка разговорного немецкого слова «Schelm»: «О, этот Швабрич превеликий Schelm...». В современном русском языке оно уже вошло в лексическую систему как разговорное.

Таким образом, немецкие вкрапления в произведениях А. С. Пушкина помогают реально воспроизвести как немецкую, так и русскую речь персонажей-немцев в тех случаях, когда они не говорят по-русски или говорят, но слабо.

Другой тип немецких вкраплений — это немецкие слова, приспособленные к системе звукотипов русского языка и дающиеся в русской графике. Они отмечены у А. С. Пушкина в трех случаях: два из них в речи опять-таки генерала Андрея Карловича (*брудер*, *камрад*, ср. нем.: *der Kamerad* — ‘товарищ, приятель’; *der Bruder* — ‘брат’). Участвуют они в воспроизведении элементов макаронической речи немца: «Но так ли пишут к старому камрад?.. Эхе, брудер, так он еще помнит стары наши проказ?».

Разновидностью этого же типа немецких вкраплений является *васисдас*, но художественная функция его уже иная: оно употреблено в описании Петербурга:

Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас.

Евгений Онегин

В XVIII веке ломаная русская речь немцев воссоздавалась в комедиях главным образом при помощи фонетических, реже — грамматических явлений немецкой речи. Например, речь Вральмана из комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина: «Чефо паяться, мая матушка? Расумнай теловек никахта ефо не сапирет, никахта з ним не саспорит: а он с умными лютьми не сфясывайся, так и пудет плаготенствие пожие!.. Сфая кампания то ли тело!».

Это же однотипное фонетическое явление мы встречаем в речи принца Трумфа (И. А. Крылов. Поддипа).

Иное у А. С. Пушкина. Он почти совсем отказался от внешнего копирования ломаной русской речи немцев. Большая часть вкраплений, введенных в речь генерала Андрея Карловича, — языковые явления, ставшие еще до А. С. Пушкина традиционными при передаче речи немцев: *поже мой, тавно ли, молотец, фремя, серемонии, софесно, ешовы рукавиц*. Заметим, что все они включены в первые фразы генерала. В дальнейшем же фонетических и грамматических ошибок в его речи нет. Проследим на примере эволюцию речи Андрея Карловича: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!»; «Милостивый государь Андрей Петрович, надеюсь, что ваше превосходительство...» Это что за серемонии? Фуй, как ему не софесно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?»; «Бедный Миронов!.. Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронова добрая была дама и какая была майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?»; «Ай, ай, ай... Это плохо, очень плохо. На дисциплину работников никак нельзя положиться. Что будет с белной девушкой?». Слову *майстерица*, образованному от заимствованного из немецкого языка *der Meister*, А. С. Пушкин придал фонетические черты немецкого языка.

Отказавшись от чисто внешнего копирования и утрирования особенностей ломаной русской речи немцев, А. С. Пушкин увеличил художественную, психологическую нагрузку на каждое из тщательно отобранных им и использованных в повести немецких вкраплений.

В. Г. Белинский считал, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи». Передает это Пушкин при помощи явлений семантической интерференции, которые он вводит в русскую речь персонажей-немцев: «Покамест надобно взять терпение» (вместо: набраться терпения); «Завтра праздную мою серебряную свадьбу» (вместо: свою). Великий русский писатель тонко подметил и использовал в «Капитанской дочке» характерное для иностранцев незнание русской фразеологии, русских пословиц и поговорок, разговорных конструкций, которые составляют душу языка. Читая письмо отца Гринева, Андрей Карлович замечает: «Теперь о деле... К вам моего повесу... гм... держать в ежовых рукавицах... Что такое ешovy рукавиц? Это, должно быть, русска поговрк...». На это молодой Гринева ответил: «...обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах...».

Приведенные языковые явления в речи Андрея Карловича выполняют ту же функцию, что и сделанное Гриневым (в духе русского человека) наблюдение: «Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своей трапезою был отчасти причиною удаления моего в гарнизон».

В. Г. Белинский в статьях о Пушкине отмечал, что чувство, лежащее «в основании его лирических произведений, всегда так тихо и кротко, несмотря на его глубину, и вместе с тем так человечно, гуманно». Гуманизм, человеческий такт характерен для всего творчества писателя. Он лежит в основе его произведений и наглядно проявляется в описании персонажей-немцев. Воспроизводя отдельными штрихами национальные черты своих героев, А. С. Пушкин вместе с тем не высмеивает их ломаной русской речи. В «Гробовщике» читаем: «Извините, любезный сосед,— сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха донныне слышать не можем». Но черты этой ломаной речи автор не воспроизводит, проявляя чувство «соразмерности» и «сообразности». Сосед-немец говорит в повести по-русски чисто, пожалуй, лишь несколько обстоятельнее и подробнее, чем если б это говорил человек русский.

Принципы отбора и использования немецких вкраплений А. С. Пушкиным получили дальнейшее развитие в русской литературе в творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других писателей. Особенно бережно реализовал и творчески развил их в своих произведениях Л. Н. Толстой.

Ю. Т. ЛИСТРОВА

Среди стихотворений Г. Р. Державина одним из наиболее известных, сохранивших популярность среди широкого читателя до наших дней, является стихотворение «Ласточка» (1792, середина 1794). Интимная интонация, задушевный тон делают его и теперь доходчивым и легко воспринимаемым:

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красnobела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!

Стихотворение написано, в соответствии с предметом описания, простым русским языком, изобилующим разговорными и уменьшительными наименованиями:

Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь,
трепещешь,
Колокольчиком в горлышке
бьешь.

Характерны сниженные,
просторечные обороты:

Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые *круги даешь*...

Ты часто как молния реешь
Мгновенно *туды и сяды*...

Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре...

Там холм, синий лес отдаленный,
Там *мошки толкутся* столпом...

Эта очевидная сниженность, интимность описания перекликается вместе с тем с высокими

ЧИТАЯ ДЕРЖАВИНА

*

Стихотворение
«Ласточка»

поэтизмами, характерными для стихотворного языка конца XVIII века:

Там гнутся с утеса в *понт* воды,
Там ластятся струи к *брегам*.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного *храм*...

Стихотворение «Ласточка» характерно чрезвычайно зримыми, выпуклыми пейзажными зарисовками, типичной для Державина точностью изображения предмета:

Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, *как жар позлащенну*,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, *синий лес отдаленный*...

Флот на воде с высоты виден именно как бы на фоне чешуйчатого серебра. Лес в отдалении видится синим, а не зеленым.

Той же точности изображения служит излюбленный Державиным прием создания сложных эпитетов:

О домовитая ласточка!
О *милосизая* птичка!
Грудь *краснобела*, касаточка,
Летняя гостя, певичка!

Державин не только ясно представляет и точно изображает предмет своего описания. Он хорошо знаком также с характером поведения ласточки:

Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И *прячешься в бездны подземны*,
Хладя зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна,—
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна...

Мало кто знает, что во времена Державина в науке господствовало мнение о том, что на осень и зиму ласточки впадают в спячку, как некоторые млекопитающие. Такое мнение восходило еще к Аристотелю и имело своим источником действительную способность некоторых птиц, в том числе и ласточки, впадать не в спячку, а в кратковременное оцепенение при неблагоприятных условиях погоды. Описание «спячки» ласточки находим также и

у Г. Х. Андерсена в сказке «Дюймовочка», где ласточка зимует в норе крота. Таким образом, Державин проявляет здесь и научные познания на уровне своего века. В стихотворении «Ласточка» образ цепенеющей на зиму птички, которая весной встает от смертного сна:

Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправа косицы,
Ты новое солнце поешь —

имеет еще глубоко личный подтекст. Стихотворение закончено после смерти горячо любимой жены, образ которой связывался поэтом с образом домовитой ласточки (см. стихотворение «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившую»). И, как противоположность воскресающей весной птички, звучит тема невозвратимой потери близкого человека.

*Кандидат филологических наук
Н. С. АВИЛОВА*

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Сопоставьте черновой и окончательный варианты приведенных текстов. Попытайтесь мотивировать само направление авторской правки.

Первоначальные редакции:

І а) «Базаров ей понравился — отсутствием всякого кокетства, самой резкостью суждений, дельной краткостью речи. Его ум, сухой и односторонний, но свободный и бойкий ее не отталкивал».

б) «Базаров ей понравился — отсутствием кокетства, самой резкостью суждений, дельной краткостью речи».

Окончательный текст:

«Базаров ей понравился — отсутствием кокетства и самую резкостью суждений» (И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах, т. VIII, стр. 282).

Первоначальные редакции:

ІІ а) «Заговорил скороговоркой старичок».

б) «Начал скороговоркой старичок».

Окончательный текст: «Начал старичок» (там же, стр. 288).

ІІІ. *Вместо:* «Одинцова бросила украдкой косвенный взгляд на Базарова».

В окончательном виде: «Одинцова нахмурилась» (там же, стр. 292).

О языке романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева

Одна из важнейших задач лингвистического анализа состоит в том, чтобы выявить собственно языковые элементы, лежащие в основе эстетической специфики данного произведения и определяющие творческую индивидуальность писателя.

В подтверждение высказанных соображений мы рассматриваем роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», в языковой ткани которого отчетливо выступают некоторые лингвистические особенности, характеризующие лексику и фразеологию, словообразование, морфологическую природу слов, а также синтаксическую структуру романа.

Тургеневская манера обращения с лексико-фразеологическим и словообразовательным материалом отличается целым рядом особенностей.

В романе «Отцы и дети» широко используются слова и выражения, имеющие разнообразную эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску. Здесь встречаются и разговорно-бытовые, и просторечные, и книжно-научные, и официально-деловые, и возвышенно-поэтические слова и обороты.

Если обратиться к разговорно-бытовой и просторечной лексике и фразеологии, то нетрудно заметить, что этот материал выступает в романе в нескольких самостоятельных амплуа.

Во-первых, разговорно-бытовая и просторечная лексика и фразеология используются автором как средство речевой характеристики героя. Указанная функция разговорной лексики особенно ярко проявляется в речи Евгения Базарова, демократизм которого, кроме всего прочего, подчеркивается также и тем, что его речь насыщена подчас даже грубоватыми словами и выра-

жениями: «Так для какого же дьявола вы нас к ней зовете?» (И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-и томах. М.—Л., т. VIII, 1964). Про Одинцову: «баба с мозгом», «тертый калач»; «...позвольте же и мне плюхнуться в мою стихию»; «...все равно вылить хвостом не стану».

Во-вторых, разговорная лексика, в виде вкраплений, нередко подается автором на фоне сугубо книжной, официальной речи для создания сатирического или юмористического эффекта: «Матвей Ильич отзывался с большим уважением о Гизо и старался внушить всем и каждому, что он не принадлежит к числу рутинеров и отсталых бюрократов, что он не оставляет без внимания ни одного важного проявления общественной жизни...». «Трудно передать словами, какою перепелкой влетел в комнату молодой прогрессист /.../ он все-таки робел до мозга костей и, вместо того чтобы произнести заранее затверженные извинения и приветствия, пробормотал какую-то дрянь...».

Особый тип контрастного сочетания разговорной и книжной лексики можно видеть в том случае, когда слова автора в конструкции с прямой речью тяготеют к «высокому стилю», а речь героя содержит разговорно-просторечные элементы. «Слуга, в котором... все изобличало человека новейшего, усовершенствованного поколения, посмотрел снисходительно вдоль дороги и ответил: «Никак нет-с, не видать».

В-третьих, разговорная лексика употребляется автором для описания бытовых сцен и картин. Например: «Ребенок опять засмеялся, устался на сундук и вдруг схватил свою мать всюю пятерней за нос и за губы».

И. С. Тургенев, например, искусно вплетает слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами в описание сельской картины, как она представляется размягченной, нежно-сентиментальной душе Н. П. Кирсанова, и этой маленькой лингвистической деталью тонко выделяет и главную черту в характере героя, и свое отношение к нему. То, что видит Н. П. Кирсанов, автор описывает в следующих словах: «Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиную рощу... Мужичок ехал рысдой на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи... приятно-отчетливо мелькали ноги лошадки...».

В несколько ином плане используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами для обрисовки облика Фенечки, ее непритязательности, а также духовной и физической свежести и чистоты. Фенечка, по словам автора, «жила тихонько, скромненько, и только по воскресеньям Николай Петрович замечал в приходской церкви... тонкий профиль ее беленького лица». Она живет в «небольшой низенькой комнатке»: «в одном углу возвы-

спалась кровать под кисейным пологом»; «в противоположном углу горела лампадка перед большим темным образом Николая чудотворца; крошечное фарфоровое яичко на красной ленте висело на груди святого...».

В некоторых случаях слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами служат у И. С. Тургенева средством создания юмористических и сатирических зарисовок. Так, сатирически заострен облик председателя казенной палаты — «сладкоглазого старика с сморщенными губами, который чрезвычайно любил природу, особенно в летний день, когда, по его словам, „каждая пчелочка с каждого цветочка берет взяточку“».

Не без юмора говорит И. С. Тургенев о помещике, который ездит к Одинцовой играть в карты. И это юмористическое звучание создается словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Приехал сосед..., толстенный, седенький человек с коротенькими, точно выточенными ножками, очень вежливый и смешливый».

Наконец, еще одна функция слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами состоит в том, что автор использует эти слова для выражения своей искренней симпатии и сочувствия героям или для выделения художественных деталей в описании картин русской природы. Например: «...Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней, из далекой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка — муж с женою»; «...маленькие пестрые тучки стояли барашками на бледно-ясной лазури...».

В авторских описаниях портрета или поведения героя И. С. Тургенев нередко использует слова «высокого» стиля. Так, Павел Петрович Кирсанов не просто сидит, а «восседает»; Николай Петрович не наклоняет, а «потупляет голову», не размышляет, а «предается горестной и отрадной игре одиноких дум»; лакей Петр не просто отвечает, а «ответствует» и т. д.

Обычно такие качества, как «трусость» и «дерзость» взаимно исключают друг друга, — между тем в романе сообщается о том, что воробьи прыгали и чирикали именно «со свойственной им трусливой дерзостью». Как правило, «застенчивость» и «развязность» также полярно противостоят друг другу, — в романе же Аркадий говорит с Катей «с какой-то застенчивой развязностью». Во всех этих случаях мы, конечно же, не увидим алогизмов, ибо по своей сути эти «единства контрастов» представляют собою один из самых совершенных образцов художественного использования антонимов. Точно так же, описывая красивые глаза Павла Петровича Кирсанова, автор употребляет в качестве однородных определений семантически несовместимые прилагательные *светлый* и *черный*: «Особенно хороши были светлые, черные... глаза».

Завершая далеко не полное, эскизное описание лексико-фразеологической структуры романа «Отцы и дети», мы в заключение укажем некоторые словообразовательные особенности данного произведения, так как они самым тесным образом связаны с его словарной системой.

Многие словообразовательные модели, которыми пользовался автор в период создания романа, в наши дни уже устарели и превратились в словообразовательные архаизмы. Особенно много устаревших моделей в словообразовании прилагательных. Например, для нас являются словообразовательными архаизмами следующие случаи, которые во времена И. С. Тургенева представляли собою живые типы, например: «студентская фуражка» (вместо современного «студенческая»); «симпатические люди» (современное — «симпатичные»).

Имеется у И. С. Тургенева и несколько примеров необычного индивидуально-авторского словообразования, например: «полузабывчивая дремота», «наш брат, самоломанный»; «немотствующее подкарауливание».

В качестве третьей, особенно яркой, черты в использовании книжной лексики следует указать на удивительное мастерство И. С. Тургенева в отборе возвышенно-поэтических слов для филигранных зарисовок, в которых могут быть запечатлены или красоты природы, или женская красота, или тонкие движения человеческой души. Например: «...влажная темная земля, казалось, еще хранила румяный след зари...»; «...первые робкие посещения, полуслова, полуулыбки, и недоумение, и грусть, и порывы, и, наконец, эта задыхающаяся радость»; «А в это мгновение целая погибшая жизнь в нем (Павле Петровиче) трепетала».

Особо выделяется тип контрастно-антонимической противопоставленности двух словообразовательных и словосочетательных элементов, формирующих единую целостную оценку. Так, И. С. Тургенев берет противоположные по значению прилагательные *темный* и *белокурый* и образует из них сложное прилагательное *темно-белокурый*, чтобы определить цвет волос Базарова.

Мало кто может сравниться с И. С. Тургеневым в искусстве понимать природу русского слова и тонко передавать еле уловимые оттенки его смысла. Это подтверждается также и изысканным этимологическим этюдом, который мы и находим на страницах романа «Отцы и дети»: «...,ясень“ по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и „ясно“ не сквозит в воздухе, как он».

(Окончание следует)

Профессор
А. В. ДУДНИКОВ

МЕТАФОРА В ПИСЬМАХ ЧЕХОВА

Письма художников слова представляют для читателей не только историко-литературную, но и эстетическую ценность. В этом отношении большой интерес вызывает эпистолярное наследие А. П. Чехова. Когда в 1912—1916-м годах были впервые опубликованы его письма, современники назвали их вторым собранием сочинений писателя.

Речевая экспрессия, художественная образность писем А. П. Чехова хорошо подмечены К. И. Чуковским в книге «О Чехове» (М., 1971). Он пишет, что в письмах скрывается «необыкновенная страсть к „живописанию словом“, к словесным портретам, словесным зарисовкам с натуры».

Общий тон писем А. П. Чехова, особенно в период до 900-х годов, носит шутливо-иронический характер. В этом проявляется личность их автора: его склонность к шуткам, с одной стороны, а с другой,— скромность, нежелание быть в центре внимания, стремление скрыть за шуткой свои переживания. В частных письмах писатель сохраняет непринужденность слога, стремление к пародированию, словесной игре.

Письма А. П. Чехова насыщены метафорами. С помощью употребления слов с переносным значением он дает меткую оценку литературных произведений, своих и чужих, в образной форме высказывает советы молодым литераторам, рассуждает о писательском труде.

Критически относясь к своим произведениям, А. П. Чехов строго оценивает их. «Мою рукопись благоволите возвратить мне,— пишет он редактору журнала.— Придется исправлять во многом, ибо это еще не повесть, а лишь грубо сколоченный сруб, который я буду пилить и красить, когда окончу здание» (А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. М., 1944—

1951). В письме издателю А. С. Суворину (15 марта 1890) о рассказе «Воры» он пишет: «Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши. Надо многое сократить и кое-что исправить».

С помощью метафорических образов оценивает А. П. Чехов и произведения других авторов. О книге американского писателя Торо в письме к В. Г. Короленко (17 октября 1887) он говорит: «...есть мысли, есть свежесть и оригинальность, но читать трудно. Архитектура и конструкция невозможны. Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, вытесняют друг из друга соки и, того и гляди, запищат от давки». В письме А. С. Суворину (27 ноября 1889) он сообщает о впечатлении от напечатанных лекций московского профессора Захарьина: «Вышли лекции Захарьина. Я купил и прочел. Увы! Есть либретто, но нет оперы. Нет той музыки, какую я слышал, когда был студентом».

Для письма А. П. Чехова характерно частое использование в роли метафор имен существительных, которые выступают в предложении в функции именного сказуемого. Е. Т. Черкасова отмечает, что в подобных случаях, когда метафоризация слова обусловлена его определенной синтаксической функцией, на первый план в метафоре выступает элемент эмоциональной оценки. Метафоры такого рода являются одним «из основных средств выражения острой социально-общественной оценки людей и событий» (Е. Т. Черкасова. Сб. «Исследования по языку советских писателей». М., 1959).

Метафора-существительное в предикативной функции дает автору возможность непосредственно и остро выразить свое отношение к описываемому явлению. Особенно ярко эмоциональная оценка проявляется в тех синтаксических конструкциях, где в роли подлежащего выступает семантически опустошенное местоимение *это*. Такова, например, резко отрицательная характеристика ненавистного А. П. Чехову писателя-драматурга Виктора Крылова: «Вы сердиты на Виктора Крылова. А Вы внимательнее посмотрите ему в оловянные глаза. Это животное с примесью лисьей крови. Он на каждого человека смотрит, как на добычу» (А. С. Суворину, 10 января 1894). Окончательно разочаровавшись в газете «Новое время», он развенчивает ее в письме к брату: «Как никак, а в общем „Новое время“ производит отвратительное впечатление... Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов, это черт знает что. Оле, пастыри Израилевы!» (Ал. П. Чехову, 5 февраля 1899).

Метафоры-существительные, выступающие в предикативной функции, служат средством образной характеристики явления

и в том случае, когда определяют существительные с конкретным значением. Так, в письмах литератору И. Л. Леонтьеву (Щеглову), советуя ему не писать для театра, А. П. Чехов использует следующие сопоставления: «Театр — это змея, сосущая Вашу кровь» (20 декабря 1888); «Займитесь беллетристикой. Она ваша законная жена, а театр — это напудренная любовница» (18 февраля 1889).

В письмах А. П. Чехова развернутые метафоры встречаются реже. Их можно отметить в размышлениях автора о писательском труде, в советах молодым литераторам. Такой совет о необходимости тяжелой, черновой работы дан в письме писательнице Е. М. Шавровой: «По-моему, надо пройти все ступени, прежде чем стать литературной графиней. Не стыдитесь быть титулярной советницей в салоне, пьющей по утрам вместо кофе — кофейную гущу. Бейте ворону-сороку, добьетесь до бела лебедя» (24 марта 1892).

Одно из рассуждений А. П. Чехова о литературном творчестве по своей метафорической образности напоминает известное изречение В. В. Маяковского: «Поэзия — та же добыча радия... Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». А. П. Чехов пишет: «В истекший сезон я написал „Степь“, „Огни“, пьесу, два водевиля, массу мелких рассказов, начал роман... и что же? Если промыть 100 пудов этого песка, то получится (если не считать гонорара) 5 золотников золота, только». (А. Н. Плещееву, 15 сентября 1889).

Примечательным свойством чеховских метафор является их конкретность, создающая предметно осязаемую образность. Различные явления и свойства, отвлеченные признаки и качества соотносятся с конкретными вещами и предметами. В метафоре, в отличие от сравнения, сопоставление двух или нескольких сходных по какому-либо признаку понятий выражается нерасчленинно. В письмах А. П. Чехова конкретно-предметная образность, основанная на неожиданных сопоставлениях, нередко создает юмористическую окраску текста.

«Боюсь показаться Вам очень большим эгоистом, — пишет он художнику И. Э. Бразу, приглашая его приехать во Францию для написания своего портрета, — но, право, мне ничего не остается, как вообразить, что Вы Ева, а я змий, и начать Вас искушать и соблазнять прелестями французского юга» (8 февраля 1898).

Юмористическая окрашенность метафор проявляется в уподоблении себя и своих близких различным животным, птицам и другим живым существам: сам он — литературный тюлень, издатель Лейкин — литературная белужина, писатель Леонтьев (Щеглов) — дятел, издатель журнала Ф. А. Куманин иронически назван

трудолюбивой пчелой. «В Вас, Лика, сидит большой крокодил,— шутит А. П. Чехов в письме Л. С. Мизиновой (28 июня 1892),— и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили».

Целям конкретизации образа служат и глагольные метафоры, особенно те, в которых действия, свойственные человеку, переносятся на мир неодушевленных вещей. Такое нарочитое «оживление» неживого приводит к шутливой окраске писем.

Олицетворение часто наблюдается в описаниях природы: «У нас в Мелихове,— пишет А. П. Чехов,— чудесная погода, луна будет улыбаться весь вечер» (Е. З. Коновичеру, 10 или 11 августа 1896); «У нас буря. Псёл вообразил себя морем и разбунтовался не на шутку» (А. С. Суворину, 28 июня 1888).

Средством создания комического служат метафорические эпитеты, комический эффект которых возникает благодаря их употреблению в индивидуально-авторских словосочетаниях: *драповый язык, мармеладное настроение, шипучие мысли, безнравственная погода*.

«Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика!» — обращается Чехов к Лике Мизиновой, в шутку применяя к ней такие определения, как *перламутровая* и *фильдекосовая*. В то же время возникает возможность двойного восприятия стоящего в однородном ряду с ними слова *золотой* — в его прямом значении и переносном — ‘дорогой’, ‘любимый’. Такая словесная игра придает всему обращению шутливый колорит.

С другой стороны, определения, обычно сочетающиеся с одушевленными существительными, могут быть применены к неодушевленным, что также создает комический эффект: «Жаль, что его „По пути“ ошпала цензура. Художественная, но заметно плешивая вещь (не цензура, а „По пути“). Зачем он отдал ее в цензурный журнал?» (А. Н. Плещееву, 9 февраля 1888. Речь идет о рассказе В. Г. Короленко «По пути»).

Расширение границ сочетаемости слов наблюдается и в других случаях, например, в описаниях погоды: «Погода у нас безнравственная, бленорейная, 3 градуса тепла» (Н. А. Лейкину, 24 декабря 1886); «Погода ужасная, дифтеритная» (Н. А. Лейкину, 23 августа 1884).

Интересно в письмах А. П. Чехова употребление слова *глазастый*. В просторечии и говорах оно известно в значении ‘бросающийся в глаза, яркий, пестрый’ в применении к названиям вещей. А. П. Чехов расширяет рамки употребления данного слова, используя его в сочетаниях: *глазастое объявление, глазастый рассказ, что-нибудь более выразительное и глазастое* (о заглавии повести). Так, он пишет А. С. Суворину: «На днях я прочел на

первой странице „Н (ового) в (ремени)“ глазастое объявление о выходе в свет „Cosmopolis'a“ с моим рассказом „В гостях“. Во-первых, у меня не „В гостях“, а „У знакомых“. Во-вторых, от такой рекламы меня коробит; к тому же рассказ далеко не глазастый, один из таких, какие пишутся по штуке в день» (6 февраля 1898).

Очень часто метафорические эпитеты в письмах А. П. Чехова конкретизируются путем распространения их сравнительными оборотами. Этот прием широко используется в художественной литературе. Ветер у Чехова не просто сухой и жесткий, а *сухой и жесткий, как переплет*, фразы в одном из произведений не просто тяжелые, а *тяжелые, как булыжник*, пьеса не просто легкая, а *легкая, как перышко*.

«У меня есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра», — пишет он А. С. Суворину (17 декабря 1890); «Пишите подлиннее, — просит Чехов Лилу Мизинову. — Будьте здоровы и не хандрите. Не будьте кислы, как клюква. Будьте рахат-лукумом» (Л. С. Мизиновой, 27 декабря 1897). С Украины он сообщает: «Тепло, птицы поют, крокодилы квакают. Псёл широк и величествен, как генеральский кучер» (В. А. Тихонову, 31 мая 1889).

Благодаря мастерскому использованию метафор и других изобразительных средств языка, письма А. П. Чехова поднимаются до высокой степени художественности. Эпистолярное творчество большого писателя неотделимо от созданных им художественных произведений.

В. Е. ЗАХАРОВА

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответ. См.: 1976, № 2, стр. 144.

I. В отрывке из романа А. И. Герцена «Кто виноват?» прежде всего следовало выделить *антитезу*: барыня, неторопливо проезжающая по просеке с французенкой, *противопоставлена* неопределенному множеству (саранча) «босых, полуголых и полусытых детей», которые «под предводительством старухи-птичницы, барчонка и барышни, нападали на масленки, волвянки, сыроежки, рыжички, белые», т. е. собирали грибы для господского стола.

Очень интересно *сравнение*, переходящее в *уподобление-метафору*: «саранча... детей». Для читателя, особенно тех лет, этот образ был социально-значим и содержал множество сведений... Некоторая «агрессивность» (саранча... детей), обусловленная и своеобразным игровым соперничеством, и, в большей мере, голодом, подкреплялась всем контекстом (под предводительством... нападала). *Метафоричность* образа *осложнена* *общим значением количества*: саранча — «неопределенное множество».

МУДРОСТЬ ЭПОСА

(Гнома в эпосе Сергеева-Ценского
«Преображение России»)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский мастерски владел музыкой русской речи. Эту власть он приобрел, обращаясь к истокам народного слова, для которого столь характерны «повороты от грусти к простодушно смешному и внезапному взлету на высоту человеческой мудрости» (Пришвин). Не случайно большие художники пера и кисти высоко оценивали эпосею Сергеева-Ценского «Преображение России». А. М. Горький, например, находил, что она «звучит изумительно музыкально», а И. Е. Репин часто вспоминал его «бравые строки, дымящиеся огнем и кровью».

«Преображение России» — эпосея, состоящая из четырех книг. Само сгущение изображаемого материала, переключки с прошлым, как необходимое условие поэтики эпосеи, и сама тема преобразования с далекими историческими экскурсами к ней требовали использования гномы как особого тропа.

У каждого из писателей-эпиков свои творческие ресурсы: афоризм главенствует у Горького, лирическое отступление — у Шолохова, притчевая форма — у Пришвина, Сергеев-Ценский нашел себя в гноме.

Гнома — один из распространенных жанров фольклора. В древнейшую эпоху творчества всех народов она означала мудрую мысль, суждение, изречение (Поэтический словарь А. Квятковского. М., 1966). Как и афоризм, гнома — вывод, жизненное обобщение, но вывод из очень длинной истории человечества. В гноме отражается непрерывность нравственной истории, живучесть прошлого в человеческой природе. По мнению Сергеева-Ценского, «каждый человек более или менее плотно сидит в сундуке своего прошлого, сундуке сложном, со множеством ходов и выходов, две-

рей и дверок» (цитируется по изданию: С. Н. Сергеев-Ценский. Собрание сочинений в 10 томах, М., 1955—56). В гноме нет неожиданности суждения, присущей афоризму с его предельной краткостью, она может быть пространной: «Воспоминания раннего детства редко посещают нас, и если они возникают на поверхности нашего сознания, то держатся недолго. Они робки, их пугает сложная взрослая действительность, они исчезают поспешно под напором ее, как тени утра перед натиском солнечных лучей, — иначе верный признак старости». Отличалась она и от других жанров. Она призвана была выражать моменты наивысшей духовной сосредоточенности, раскрывать окружающее в своей непреложной истине, проверенной опытом тысячелетий. В гноме утверждались нравственные ценности жизни, явления осмысливались не как единичный факт, а обобщенно. В области гномики, по мнению А. Н. Веселовского, «шел непрерывный отбор... одерживала верх наиболее яркая выразительная формула», эпическая гнома исключала позднюю лирическую назидательность, „учительность“» (А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, СПб., 1913, серия 1, «Поэтика»). Как троп гнома прошла долгий путь, являясь показателем стиля эпопей: от гомеровского «тому, кем любим, ненавистен не будешь» через толстовское «браки совершаются на небесах» до гномы Сергеева-Ценского: «Женщина всегда несет в себе вечность, даже если не догадывается об этом». Функции гномы стали подчиняться самой поэтике жанра.

Уже в «Севастопольской страде», этой, по слову автора, «ступени» к «Преображению России», встречается гнома, хотя сама тема преобразования (показать в сражающихся «человека нового, преобразенного, небывалого до этого в природе») только намечена. Здесь гнома еще редка и функция ее: заповедь главы, предварение исторических событий и их следствий. Например, ложное сообщение французов о состоявшемся якобы захвате Севастополя открывается гномой о мечтательности человеческой природы: «Человек мечтателен по натуре — его мысль быстра. Он недоволен слишком медленным, хотя и плавным, с учетом всех решительно причин и предпосылок, течением мировых событий. Ему так иногда хочется ускорить эти события, что он готов сам выдумать их и в свою же выдумку поверить». В итоговой книге, труде всей жизни Сергеева-Ценского, нравственная сторона преобразования взята глубже, сложнее стало время, поэтому функции гномы значительно расширены. Гнома уже звучит не только в авторских местах, ею говорят персонажи, в ней — любовь и ненависть, кипение гнева и сострадание. Но всегда сохраняется мера, живое звучание устной речи с логическим ударением на последнем слове фразы, где конечное ударение становится необходимым как завер-

шающий мажорный итог ее. Ярким примером такого построения является известный зачин из сборника древних песен Кирши Данилова: «Высота ли высота поднебесная...».

В эпической гноме нет категоричности суждений, дидактики, обличения. Через нее выявляется сущность любого события, важная черта характера, в ней — сжатая оценка происходящего. Особенно насыщена гномой первая книга эпопеи, повествующая о трагедийности непретворенного времени. Авторские места в гноме сохраняются, но она становится лапидарней и доверительней: «Кроме простых случайностей, что же есть в человеческой жизни?». Многие ставят гному в один ряд с пословицей, но в пословице нет авторского присутствия. В гноме Сергеева-Ценского авторский голос доминирует, выступая в различных вариантах. Так, помимо вопросительной интонации, происходит как бы слияние голоса автора с читателем: «Мы ведь никогда в сущности не знаем, что в нашей жизни важно для нас, что неважно, и как часто мы ошибаемся в этом»; автор разделяет свою жизнь, свою судьбу с жизнью читателя, с его судьбой. «Часто случается это, что только потерянное нами навсегда становится для нас по-настоящему дорогим и милым». Через гному раскрывается сложность духовного мира человека: «Каждая минута человеческой жизни — целый мир, сложный и темный, и что ни скажи о ней, — все будет не то». Авторское суждение о человеке несет в себе подчас пушкинскую прозорливую задушевность, например, о присущем человеку счастье-привычке: «Пока человек — только плохо связанная цепь привычек, отталкиваясь от одной, он проваливается в другую». Гномика авторской речи выступает и в форме попутного замечания: «Трудно искоренить в человеке надежду на лучшие времена», и приглашения читателя к совместному раздумью: «Да не бывает ли всякий человек самим собою только тогда, когда из себя выходит?». Гномой автор предваряет жизненные судьбы героев, дает возможность распрямиться их внутренней душевной пружине в дальнейшем сюжетном повествовании. После семейной трагедии, когда рухнуло в душе архитектора Дивеева построенное им «странное здание» о будто бы живой Вале и его «выключили гадливо» куда-то вон из-за «синего шмеля», герой «потерял себя», вновь звучит авторский голос: «Слишком много времени надо, чтобы себя найти, иным, бедным духом, не хватает для этого целой жизни; зато с какой стремительностью и быстротой иногда себя теряют!». Повествование о старшем сыне доктора Худолея, отрешившись от родного брата-революционера и увлекшегося «религией красоты», открывается гномой о молодости: «Молодость жестока, молодость себялюбива, молодость всегда забывает, чему она молилась вчера... это известно...». Однако автор не выносит окон-

чательного приговора юноше — «маркизу», сохраняя природу гномы: «Молодость не постоянна, конечно, и какая же она была бы иначе молодость?».

В ряде случаев гномой говорят персонажи, через нее раскрывается их внутреннее состояние. Так, глядя в «огромные иконные глаза» Натальи Львовны, а думая о судьбе Вали, Дивеев замечает: «Всякий непременно влюбляется в причину своей смерти». Но в этом замечании непроизвольно слышится и автохарактеристика героя, яснее становится судьба человека, признающего, что «пока о настоящей красоте и думать не смей... Это разврат». В гноме персонажей раскрывается сама идея образа. Маститый живописец Сыромолотов живет под девизом древнего арабского изречения: «Хороший гость необходим хозяину, как воздух для дыхания; но если воздух, войдя, не выходит, то это значит, что человек уже мертв». По мнению художника, если хозяин не в силах обогатить гостя духовно, зажечь его, заставить двигаться, то он сам — мертвец. Картины, создаваемые Сыромолотовым, принадлежат широкому кругу людей; смотреть их идут не только душевно больные из заведения доктора Худолея, но и здоровая духовно молодежь. Однако и здесь в само развитие характера часто вмешивается голос автора. Он имеет решающее значение и в последней книге эпопеи. Как вступление перед началом великих изменений и передвижений почти в мажоре звучит гнома о счастье: «Иногда так мало бывает нужно человеку для полноты счастья: просто только то, чтобы кто-то взял его, хотя бы даже за шиворот, и перетащил на другое место».

Прозе Сергеева-Ценского присуща солнечность и богатство колорита красок юга России. «Свежесть, широта и поэтичность», по словам К. Чуковского, как бы объединяет музыку слова с его живописью. Автор эпопеи считал, что «каждый мазок — это мысль художника». Испытанные им «муки слова» слышны, например, в гноме о голубом цветке: «Неразгаданной остается, как все спокон вечные тайны, — тайна цветов... Рождается ли человек с голубым в душе?.. Почему манит его всю жизнь голубое?..». Такой вопросительной интонацией заканчивалась в 20-е годы первая книга, но уже тогда писатель знал, что голубое море может обойтись с человеком весьма неласково: жизнерадостный юноша, приехавший издалека насладиться морем, окунувшись в него, погиб из-за своей бездумности, был выброшен волной на скалы. Окончательно же вопросительность была снята художником только в середине 50-х годов, в период завершения эпопеи. После картин борьбы за жизнь, в которой участвуют люди с «изъеденными солью и в ссадинах руками», победители стихий, которым «цены нет», закономерно последовали финальные строки первой книги: «Ревело море, бе-

пено-упрямо шло в атаку на сонный город». Главная тема последней, четвертой книги: раскрытие человеком тайн природы. Две стихии искусства — язык и природа органически сливаются в творчестве Сергеева-Ценского.

Характерная для эпопеи всеохватность жизни, пафос художника находят свое выражение у Сергеева-Ценского не только в гномической, но и в других формах поэтической речи. И все же описательный элемент в языке его эпопеи преобладает над диалогическим. Хотя писатель и использует присущие эпопее древнейшие формы развернутых эпических сравнений, афоризмы, воскрешает старинное величавое слово, главенствует у него все же гнома, определяя индивидуальный, неповторимый стиль художника.

Кандидат филологических наук

А. В. БАРМИН

Уфа

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответ. См.: 1976, № 2, стр. 37—38.

Неприятие романтической поэтики молодого Пушкина проявляется у Раевского в нежелании видеть специфику поэтических приемов, специфику поэтической речи вообще. Реальная логика его рассуждений вступает в конфликт с поэтической логикой Пушкина. Вот почему его ирония бьет мимо цели. Что можно возразить майору в каждом конкретном случае?

«Бледные тучи» и «туманная луна» — хорошо известный художественный прием, эналлага (своеобразный перенос обозначения).

«Сидеть на скале» или «над скалой». Предлог *над* многозначен. В поэзии той эпохи обычно употребление *над*, как *на*, в значении «на поверхности»: «домик над холмом», т. е. «на холме».

Настоящее или прошедшее действие? «Сном почило» — в прошлом или в настоящем? Раевский усматривает противоречие: ведь герой описывает то, что происходит в момент речи, и поэтому должно быть: «Вокруг меня все мертвым сном дочивает, а не почило».

Однако грамматического несоответствия здесь нет: здесь особое значение прошедшего времени глаголов совершенного вида — перфектное значение. Пример: «Журча еще бежит за мельницу ручей, Но пруд уже застыл...». Два глагола: один в настоящем времени, другой в прошедшем, а между тем несоответствия временных планов нет; «застыл» — важно не то, что застыл в прошлом, а то, что и сейчас он «застылый», покрыт льдом.

«Напелась под рулями» — чисто поэтическая символика. Подобные нарушения реальности — обычны во всех искусствах.

«На Эльбе ни одной скалы нет!» — на это ничего не скажешь, кроме того, что сказано — «Да это поэзия!».

Тема данного стрывка поэмы — политический гнет, царящий в дореволюционной России, осознанная необходимость бороться за ее освобождение. В тексте эта тема раскрывается через художественный образ: Россия, задыхающаяся, барахтающаяся в сугробах бюрократизма и лжи.

Однокоренные слова несут в этом тексте особую смысловую нагрузку, помогая автору средствами словообразования завершить художественный образ, развернуть тему борьбы за освобождение отечества. Здесь использованы четыре глагольных образования. Прямое значение слова *дышать* — «вбирать и выпускать легкими воздух». Присоединение приставок к производящему глаголу не только видоизменяет его значение, но и, сообщая производным словам метафоричность, способствует возникновению у них дополнительных смысловых оттенков. Так, глагол *отдышать* ассоциируется не только с глаголом *отогреть*, но и с *отбить*, *отвоевать*, потому что рядом стоящий глагол *продышаться* в условиях данного контекста (в сочетании с предложноподлежащей формой *сквозь лед*) входит в один ассоциативный ряд с *прорвется*, *пробьется*.

Подсказанные образом (Россия — огромный сугроб) производные слова вступили во взаимодействие между собой и с другими словами, получили различные смысловые сдвиги, способствующие формированию образа в его законченном виде. Столь же ясно ощущима роль слов с одинаковой приставкой и в других поэтических текстах. Приведем отрывок из стихотворения, тема которого — «прогноз политической погоды в США».

Сходит мир с ума от перегрева,
Все границы люди перешли
от перераспада, перегнева,
перезлобленья, перелжи.
Нету тени в мире воспаленном.
Мир от солнца перенапряжен.
Тянет не зеленым, а паленым —
заговором, пулей и ножом.

Под кожей статуи свободы

Здесь представлено шесть слов, обладающих одинаковой словообразовательной приметой — приставкой *пере-*. В двух из них (перегрев, перенапряжен) эта приставка употреблена в соответствии с нормами русского языка и обозначает в соединении с глагольной основой нежелательно большую длительность или интенсивность действия: *перегреть* — «слишком сильно нагреть», *перенапрячься* — «слишком сильно напрячься».

Присоединение этой приставки к другим словам, входящим в данный контекст, является необычным, ненормативным. В этих словах приставка *пере-* получает более самостоятельное значение,

выполняя функцию своеобразного определения, эпитета: *перегнев* — ‘слишком сильный гнев’, *перезлобление* — ‘слишком сильное озлобление’ и т. д.

Слова с названной приставкой перекликаются с выражением *перешли границы*, где уже не глагол, а вся фразеологическая единица обозначает отход от нормы («все границы люди перешли»).

Идея, выраженная в данном тексте и раскрытая с помощью приставочных образований, такова: в обществе, где отношения между его членами столь «ненормальны», пахнет кровью и пороком, пахнет войной и распадом.

Целенаправленное использование языковых средств в художественном произведении обусловлено прежде всего содержанием текста. В основной канве произведений один из способов наиболее экономно и образно выразить эту идею — средства словообразования. Поэты используют словообразовательные возможности русского языка для создания развернутых метафор и сравнений:

Вся империя как льдина:
вмерзли подданные внутрь,
Замороженные жертвы
в съезжих, тюрьмах, рудниках,
Заморожены прожекты
в канцелярских ледниках.
Ледяной расчет, коварство,
и все царство-государство —
ледяной проклятый дом,
если держится, то льдом.

Казанский университет

Создавая художественный образ, поэт стремится указать как можно больше признаков, деталей, характеризующих его. При этом автор использует такие слова, которые вызывают определенные ассоциации в сознании читателя, активизируют восприятие образа. В приведенном отрывке поэт уподобляет Россию льдине, которая держится лишь до «тепла» — до пожара революционных боев.

Этот образ в данном контексте обрастает такими деталями: в России-льдине и государственные учреждения — ледники, где замораживается и долго «хранится» все прогрессивное; российское чиновничество во всем руководствуется ледяным (холодным, безжалостным) расчетом; подчеркивается обреченность царизма, который держится благодаря все сковывающему льду-гнету.

Подобное же использование однокоренных слов можно наблюдать и в стихотворении А. Вознесенского «Строки», где производное слово *Кучум* вызывает у читателя определенные общественно-политические ассоциации: Кучум — жестокий, коварный властитель, поработитель народов; кучумье — образ правления Кучума;

сверхкучум — сверхчеловек (связь с идеологией фашизма); неокучум — неокolonизатор.

Пес твой, Эпоха, я вою у сонного ЦУМа —
чую Кучума!
...Брат вислоухий, седой от безумья, —
чую кучумье!
...Народ не бывает Кучумом. Кучумы — это божки.
Кучумство — не нация Лу Синя и Ци Бай-ши.
При чем тут расцветка кожи?
Мы знали их, белокурых.
Кучумство с подростков кожу
сдирало на абажуры.
Кучумы — цари и боссы.
Тирания избу и чум,
поправши Кучумку, Грозный
сам правил, как сверхкучум...
Чавкая чуингамом, впечатывая каучук,
за волосы дочь Вьетнама волочит неокучум.

Словообразование может выступать как дополнительное средство, лишь сопровождающее обычный сравнительный оборот:

Каждый маленький рисенок,
что на цыпочки встает,
смотрит в страхе, как ребенок,
не летит ли самолет.

Е в т у ш е н к о. Долгий дождь

Рисенок — это стебелек риса. Если бы вместо *рисенок* было взято сочетание *стебелек риса*, сравнение осталось бы в силе. Однако использование такого же суффикса, как и в слове *ребенок*, для создания окказионального слова, усилило выразительность данного сравнения, сделало его свежим, неожиданным. Сравнения и метафоры, выраженные средствами словообразования, передают авторское отношение к изображаемому, его идейную позицию и, благодаря возникающим ассоциациям, могут сказать читателю гораздо больше, чем самое пространное описание.

Я бегу по стриту,
словно заяц от псов,
гонкой ежедневно прикончен,
ну а руку душит ремешок часов —
этот распроклятый анакондыш.
Неоновые буквы
анакондами шипят,
освещая наши катакомбы.
Прыгают скатки на плечи солдат,
словно свернувшиеся анаконды.
...Но сдавила душу, тело
бывшего охотника
анакондова система,
анакондова...

Е в т у ш е н к о, Под кожей статуи свободы

В процессе употребления производного слова в языке оно может потерять свою прямую связь с мотивирующим словом, утрачивая признак, положенный в основу названия. Поставленное же в один ряд с мотивирующим словом производное слово возвращает себе утраченную новизну и свежесть:

Проводница... Какое слово!
Проводи меня в облака
и на землю верни. И снова
покачай над землей слегка.

О с т р о в о й. Борпроводница

Словообразования используются и для создания антитезы, помогающей автору выделить мысль, нужную, важную для понимания произведения, путем противопоставления каких-либо фактов, явлений, признаков. Чаще всего с этой целью используются префиксальные образования:

Мы такие узелки завяжем,
что врагу вовек не развязать.
Мы такие чудеса покажем,
что никто не в силах предсказать.

Л и у г о в с к о й. Комиссар Усов

Гораздо реже антитеза создается при помощи суффиксальных образований. Исключение составляют суффиксы субъективной оценки. Их свойства передавать различную оценку явлений делают возможным использование суффиксальных образований для передачи противопоставления:

И против нагаек,
птыков,
государственной страшной махиници
студенты,
мальчишечки.

Е в т у ш е н к о. Казанский университет

Здесь автор использует суффиксы с увеличительным и уменьшительным значением, в которых, помимо «размерной», заключена и противоположная «оценочная» семантика. Часто при помощи этих суффиксов передается авторская ирония со всеми ее оттенками — от добродушной до гневной. Ирония создается потому, что получаемые в результате словообразования языковые формы с положительной оценкой в тексте стихотворения приобретают прямо противоположное значение:

И с бантиками, и с усиками
ходят юнцы исусиками.
Затянутые, заглаженные,
мухами не загаженные.

О с т р о в о й, Юнцы

Отношения противопоставления могут быть выражены посредством слов, отличающихся корневыми морфемами (мы не имеем в виду лексические антонимы):

Кто вы, составители билетов,
если, пряча столькое в тени,
о деяниях просите ответов,
а о злодеяниях — ни-ни?

Е в т у ш е н к о. Казанский университет

В произведениях советских поэтов можно встретить и словообразовательную омонимию. Следует отметить, что используется она не только для создания игровой, каламбурной рифмы или комической двусмысленности, но и для того, чтобы помочь читателю открыть для себя те скрытые отношения между явлениями действительности, которые подметил и отразил в словах поэт.

Небо низится. Засыпает.
Землю звездами засыпает.
О с т р о в о й. Звездопад

Из примеров видно, как автору удается не навязчиво, но в то же время очень ясно и эмоционально выразить свое отношение к изображаемому, определить свою идейную позицию.

Однотипные производные слова, вкрапליваясь в нейтральную языковую ткань произведения, могут сообщить тексту обиходно-разговорное или, наоборот, торжественное звучание:

Я с утра пылесосила шторы,
нафталинила польта, манто,
протирала рояль, на котором
не играл в этом доме никто.

Е в т у ш е н к о. Братская ГЭС

Так, в приведенном тексте употребление отыменных глаголов создает разговорный оттенок; тот же эффект достигается и использованием приставочных глаголов, обозначающих сопроводительный способ действия:

Ну, а два другие хиппи
подгитаривают
и, шатаясь, будто в gripпе,
приговаривают...

Е в т у ш е н к о. Под кожей статуи свободы

Стилистические возможности словообразования очень широки. Взятые на вооружение современными советскими поэтами, словообразовательные ресурсы русского языка являются одним из средств экономного и экспрессивного создания художественного образа.

А. А. ВАРЛАМОВА

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ IV СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

С 15 по 18 декабря 1975 года в Москве проходил IV съезд писателей Российской Федерации. Он начал свою работу в Большом Кремлевском дворце, а затем его заседания проходили в Колонном зале Дома союзов.

С докладом «Российская литература на новом этапе коммунистического строительства» выступил С. Михалков.

«Российская литература сложна по своей структуре: она вбирает творчество писателей, пишущих на

Ваше впечатление о IV съезде писателей РСФСР, и что бы Вы хотели сказать о русском языке как языке межнационального общения?

Кайсын КУЛИЕВ

Кабардино-Балкарская АССР

Мне, к счастью, приходилось быть участником всех Всесоюзных съездов, кроме 1-го, так как я был тогда еще мальчиком. Я считаю, что IV съезд Российских писателей прошел очень хорошо и в политическом, и в творческом смысле, организованно, дружно.

Язык любого народа, независимо от его численности, включает в себе целый мир, и это — одно из чудес нашего света. Например, у каждого народа есть сказки. Сколько заключено в них поэзии! Язык — не только предмет изучения, живой язык народа — одна из величайших радостей человеческой семьи.

Русский язык — язык одного из величайших народов с большой и удивительной судьбой, народа, который сыграл и играет огромную роль в истории человечества.

Русский язык — язык великой русской литературы. Это язык Пушкина, Чехова, Горького, Маяковского, Твардовского и других. Имена русских писателей Льва Толстого и Федора Достоевского известны во всем мире: они потрясли человеческие сердца, повлияли на души людей.

пятидесяти языках,— сказал в докладе С. Михалков.— ... В прогрессе культуры этих народов большую роль сыграл русский язык— язык Ленина. Объединяя национальные культурные силы вокруг высочайших достижений отечественной культуры, он открывал молодому искусству прямую дорогу к всесоюзному читателю и зрителю».

Редакция обратилась к писателям — участникам съезда: Кайсыну Кулиеву, Виктору Астафьеву, Виталию Закруткину, Евгению Носову.

Я знаю это не по работам Ромена Роллана, который писал об этом, а сам убежден в этом практически, так как много ездил и видел их влияние воочию.

Наконец, русский язык — язык Октябрьской революции, советской власти и Владимира Ильича Ленина, создателя советского государства, нашей партии и удивительного человека. Я много думал о Ленине, даже писал о нем.

Для нас, других народов СССР, русский язык действительно стал, как часто говорят, вторым родным языком. Он родной и для выдающегося писателя Чингиза Айтматова, и Василя Быкова, и для литератора, живущего, например, в горах Кавказа. Русский язык для каждого раскрывает не только духовные сокровища своего великого народа, но и богатства других народов, объединенных в братскую семью. Через русский язык открывается мир поэзии, образов, небывалых красок, мир, который был неведом нашим предкам, не знающим русского языка. Во второй половине прошлого — начале этого века на Кавказе почти одновременно жили и создавали свои гениальные произведения балкарец Казим Мечиев, грузин Важа-Пшавела, осетин Коста Хетагуров. Их произведения тогда не печатались, и они не знали друг о друге. Сейчас же, когда нас всех объединяет великий русский язык, любое более или менее значительное явление в кавказской или другой братской литературе становится известным всем. Благодаря русскому языку читателям всех народов нашей от-

ромной страны открываются ранее мало кому известный героический эпос многих народов, шедевры их классики, так же как и достижения всей мировой литературы.

Таким образом, и культурное, и политическое, и человеческое значение русского языка для нас несравнимо ни с чем.

Какова, на Ваш взгляд, тенденция развития современного русского языка?

Виктор АСТАФЬЕВ

Вологда

Нам, писателям, непосредственно связанным с языком, необходимо глубоко понимать и чувствовать тонкости, ритм и музыку его, умело пользоваться богатствами народной речи. В первом же своем рассказе, работая над языком, я столкнулся с большими трудностями, так как использовал слова народные, которым нет заменителя. Я употребил слово *рясно*. Например, говорят *рясна ягода*. Словами *много ягод* будет передана та же мысль, что и *рясна ягода*, но я считаю, что это не звучно, не красиво. *Рясно* говорят на Урале, в Сибири; на Украине поют: «В огороде верба *рясна*».

У нас есть сибирское слово *хрушка*. Скажешь, *хрушкая соль* и чувствуется, что соль крупная и хрустит. Слово это дает и объем и вкус.

Надо прислушиваться к речи народной. Ведь только у народа можно услышать такое меткое, звучное слово или выражение, которое сам никогда не придумаешь. Например, однажды в глухой деревушке на вологодских болотах я услышал, как женщина, которая долго ждала письма от сына, проходящего службу в армии, сказала: «Может быть ему и трудно, но мы-то с мамой здесь разве *крымуем?*» И столько в этом слове чувства, иронической окраски, что лучше не скажешь.

Работа писателя над языком, по-моему, должна идти в направлении раскопок. Наша задача восстановить сокровищницу народного языка, бережно и с уважением относясь к нему. Я думаю, писателю необходимо любить и хорошо, до тонкости, знать природу. Кроме научного названия у цветов, трав есть народные названия. Напри-

мер, у меня повесть «Стародуб». Эта трава у народа называется и стародубка, и черногорка.

Еще я хочу сказать о роли газеты в формировании языка народа. К сожалению, язык некоторых районных газет не на должной высоте. Я сам работал в районной газете шесть лет, и у меня сложился определенный стереотип языка. Я мог обходиться определенным количеством слов. Был интересный случай. Один дока-пенсионер подсчитал, сколько слов употребляется в одной районной газете в течение недели. И оказалось всего 800 слов. Это-то при разнообразии и богатстве русского языка, необозримом море слов, при огромном количестве их оттенков и значений.

Такие газеты не могут обогатить словарь читателя, а приучают к стертому, казенному языку, к штампам.

Мне доставляет большое удовольствие сама музыка речи, ее интонация. Когда же люди начинают говорить казенным языком, то они, по-моему, теряют не только душу свою, но вместе с ней свой голос и свою интонацию, не могут выразить свои мысли с помощью родного слова, им близкого.

Каждый из нас, писателей, должен иметь свою интонацию, собственное отношение к слову, мучительно его отыскивать и ставить на то место, где ему быть положено, чтобы оно ярко и полно выразило нужную мысль и чувство.

Виталий ЗАКРУТКИН

**Ростовская область,
станция Кочетовская**

У меня есть своя давняя убежденность в том, что, если язык художественного произведения оторван от языка народа, превращается в этакий дистиллированный, грамотный язык, который не несет в себе никаких красок, запахов, цветов, то такой язык, как бы ни было интересным, остросюжетным произведение, никогда не сможет затронуть сердца миллионов читателей, никогда не достигнет той цели, которая поставлена самим художником. С большим удовольствием читаю произведения моих северных друзей-писателей, наслаждаюсь теми оттенками Севера русской речи, которыми насыщены их книги. В книгах писателей-сибиряков ярко и полно выражены оттенки языка сибиряков. Не меньшее наслаждение испытываю я при чтении произ-

ведений своих товарищей-южан, из которых в первую очередь надо назвать М. А. Шолохова, чьи произведения давно стали достоянием читателей всего мира. Выше сказанное не означает, что я — сторонник провинциальных диалектов, непонятных для общероссийского читателя. Наоборот, перенасыщенность произведений диалектизмами, этакое щеголянье местными речениями для литературы общероссийской вредно. Но тем не менее, если художник отличается тонким пониманием языка тех людей, о которых он пишет, если он с достаточным художественным тактом использует все то, что дорого ему самому и что достаточно широко и полно рисует духовную жизнь его героев, все это приводит к настоящему успеху, к доброму наполнению книги тем, что хотел сказать писатель. Язык не остается неподвижным. Язык никогда не был, не есть и не будет мертвым языком, не изменяющимся, не впитывающим в себя новые явления эпохи, и художник, писатель, я в этом глубоко убежден, должен быть очень чувствительным, очень тонким в восприятии всего нового, что появляется в языке. Писатель должен быть не только знатоком, не только ценителем языка своих героев, но и мастером слова, умеющим писать свободно, с глубоким уважением к родному языку. В этом отношении блистательным примером в литературе прошлого являются величайшие наши писатели: Александр Сергеевич Пушкин, Лев Толстой, а из современных писателей — Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Константин Федин.

Евгений НОСОВ

Курск

Наш век научно-технического прогресса очень влияет на язык народа. Идет сложный динамичный процесс. Это можно проследить даже на языке детей. Например, дети современной деревни будут говорить языком, отличным от языка детей, которые жили десять лет назад. Даже игры теперешних детей в деревне совсем иные. Появилось много новых игрушек, пластмассовых, дешевых: и вертолеты, и космонавты, и ракеты. Все это влияет на общее и культурное развитие, на язык, на мышление. Дети тоже подвержены той же акселерации, которая захватила всю землю. Плохо это или хорошо?

Если подводить общий итог, то это прогрессивное явление, так как современный человек должен говорить на современном языке. И было бы странным, если бы мы сейчас говорили на языке протопопы Аввакума. Он не соответствует современному развитию. Но, к сожалению, наносятся и урон языку, его сложившейся традиционной ценности.

Особую роль в этих условиях играет наша литература, которая несмотря на всякие вторжения в язык, должна говорить языком русским, чистым, строго отобранным. Если язык прямо отражает изменения нашей жизни, то литература косвенно реагирует на них. Писатель должен быть строгим к языку.

Была тенденция, на мой взгляд, ненормальная, когда группа писателей призывала к выражению мысли посредством очень искусственного языка, так называемой «рубленой фразы». Мне кажется, это было связано с тем, что молодежь пыталась «опротестовать» ту нашу литературу 50-х годов, которая уже не отображала тогдашнее развитие нашего общества. Она была несколько оторвана от жизни, в ней господствовала тенденция приукрашивания и лакирования действительности. Все это оказалось ошибочным, что показала сама жизнь: пена сошла, а язык остался. Язык остался русским, с его красочностью, глубинностью, объемом.

Интервью подготовила М. А. Галманова

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Наличие двух произносительных вариантов *чн*, *шн*, выявленное в поэтической практике А. С. Пушкина, было характерной чертой системы русского языка и второй половины XIX века. Наряду с *шн* в разговорном языке, в поэтической речи звучало *чн*. Например:

И много лет прошло, томительных и *скучных*,
И вот в тиши ночей твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих *звучных*,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

А. А. Фет. «Сияла ночь...»

Русское литературное
произношение

Произношение сочетания -чн-

Сейчас произношение [шн] обязательно лишь в немногих словах, чаще оно допускается рядом с [ч'н].

Нет сомнений, что в прошлом сочетание [шн] на месте чн было распространено очень широко. Это видно хотя бы из написаний некоторых слов, сохранивших под влиянием произношения и в письме шн вместо чн. Так, в слове *дотошный*, *дотошен* утрачена смысловая связь с производящим словом, а отсюда и написание шн вместо этимологического [ч] (корень тот же, что и в слове *точный*).

Та же закономерность в старых русских фамилиях, где пишется шн вместо чн: Собашников, Шапошников, Свешников, Кирпишников, Гречишников, Калашников, Рукавишников, Прянишников. Все эти фамилии образованы от названий старинных профессий *шапочникъ*, *свѣчникъ* и т. д.

Связь между произношением сочетания [шн] на месте чн и живым, разговорным народным языком и до сих пор сказывается в том, что [шн] произносится и пишется в словах *двурушник*, *городошник*, *лотошник*, где [к] чередовалось с [ч'] (рука, городки, лоток). Произносительная норма отразилась в московских топонимах: Столешников переулочек с [шн] вместо чн: это слово образовано от древнерусского *стольць* — уменьшительное от *столь* с чередованием: *стольць* — *стольчый*.

Литература XIX века также свидетельствует о широко распространенном произношении [шн] на месте чн. Вот несколько примеров: «Вы отгадаете, конечно,/Кто этот гость неожиданный был./ Немного, может быть, поспешно/Любовник смелый поступил» (Лермонтов. Казначейша). У Пушкина: «Не спится, няня, здесь так душно!/Открой окно да сядь ко мне! — «Что, Таня, что с тобой?» — «Мне скучно» (Евгений Онегин). У Баратынского: «Ему в гостиных стало душно: То было глупо; это скучно» (Цыганка). При господстве в прошлом точной рифмы слово *поспешно* свиде-

тельствует о произношении *конешно*, слово *душно* о произношении *скушно*. Отметим, что написание *кумашный* встречается у Карамзина, *мушной* (ларь) — у Крылова, *табашный* — у Гоголя. Лермонтов начинает свое широко известное стихотворение так: «И скушно и грустно...» (даже пишет *шн!*). Постоянно в книгах того времени мы находим написания *свягошный*, *луббшный* и другие.

Но уже в пушкинское время, по всей вероятности, были возможны два варианта произносительной нормы. Приведем строчки из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога»: «По дороге зимней, скучной//Тройка борзая бежит,//Колокольчик однозвучный//Утомительно гремит». Мы уже знаем, что Пушкин произносил ску[шн]о. Знаем также, что в пушкинскую эпоху господствовала точная рифма. Следовательно, Пушкин в этом стихотворении произносил либо ску[шн]ой и однозв[шн]ой, либо ску[ч'н]ой и однозв[ч'н]ый. Труднее допустить, что Пушкин здесь произносил в одном случае [ч'н] (однозвучный), в другом [шн] (скушный). Оба варианта произношения были уже тогда достаточно широко распространены. Очевидно, замечу, что сейчас эти стихи надо читать, конечно, с [ч'н] в обоих случаях.

Несомненно, что с давних пор существовало разное произношение сочетания *чн*: [шн] в словах бытовых, повседневных и [ч'н] в словах книжных, «высоких». Существовало также колебание в произношении многих слов с сочетанием *чн*. Со временем победило произношение, соответствующее написанию. Произношение [шн] на месте *чн* сохранилось в сравнительно небольшом количестве случаев, иногда как обязательное, чаще как допустимое.

Сочетание [шн] следует произносить в словах: коне[шн]о, ску[шн]о, наро[шн]о, яя[шн']ица, густя[шн]ый, скворе[шн']ик, подспе[шн']ик, праче[шн]ая, горчи[шн']ик, горяче[шн]ый, а также в женских отчествах на *-ична*: Савви[шн]а, Никити[шн]а, Кузьмини[шн]а, Фомини[шн]а, Ильини[шн]а, Лукини[шн]а. Произношение [шн] в этих словах следует считать нормой.

В довольно большом количестве случаев произношение [шн] допустимо рядом с произношением [чн]: було[шн]ая и було[ч'н]ая, сливо[шн]ое и сливо[ч'н]ое, копее[шн]ый и копее[ч'н]ый, подсолне[шн]ый и подсолне[ч'н]ый. Часто слышится [шн] в таких, например, бытовых словах: двое[шн']ик, трое[шн']ик, четверо[шн']ик, пятеро[шн']ик, в устареваящих словах, обозначающих ушедшие из жизни понятия: деви[шн']ик, соба[шн']ик, шапо[шн']ик.

В некоторых случаях произношение [шн] удерживается в связи с ослаблением или утратой производящего слова или благодаря стилистическим различиям производного и производящего слова. Например, слово *горчичник* чаще произнесут с [шн'], так как у

него ослабли связи со словом *горчица*. Слова *молочная* (каша), *молочница* 'женщина, продающая молоко', часто произносятся с [шн]. Однако слова *молочная* (железа), *молочность* 'способность давать то или иное количество молока', относящиеся к области науки, произносятся только с [ч'н]. Удерживается произношение [шн] и в фразеологических оборотах, например, *чертова пере[шн']ица*; *не суйся с суконным рылом в кала[шн]ый ряд*, *шапо[шн]ое знакомство*.

Употребление [шн] на месте *чн* укрепилось как черта, свойственная многим русским говорам, в особенности южнорусским. В дальнейшем, под влиянием письма (которое имеет большое значение в выработке произносительных норм), а также говоров, сохранивших [ч'н], произношение [шн] в значительной степени вытесняется.

Однако и по старым нормам, когда сохранение [ч'] в *чн* поддерживается родственными образованиями со звуком [ч'], в этом сочетании произносилось [ч'] (ср. удача — уда[ч'н]ый, мелочь — мело[ч'н]ый и т. д.). В словах книжного происхождения также всегда произносилось [ч']: един[ч'н]ый, анти[ч'н]ый, цин[ч'н]ый, призр[ч'н]ый.

Надо иметь в виду, что произношение [шн] на месте *чн* в настоящее время сохранилось в качестве нормы лишь в немногих словах. Одновременно необходимо отметить, что театр стремится удерживать старые московские нормы с широким употреблением [шн] на месте *чн*. Чем больше идет на убыль в обществе произношение [шн] на месте *чн*, тем в большей степени [шн] в сценической речи приобретает характер стилистической краски, средства характеристики образа. Например, в пьесах А. Н. Островского, отражающих старый московский быт, вполне уместно произношение ябло[шн]ый, огуре[шн]ый, цвето[шн]ый, кирпи[шн]ый, земляни[шн]ый, булаво[шн]ый. В пьесе же из современной жизни такое произношение будет необоснованно и прозвучит фальшиво.

Произношение [шн] в настоящее время не актуально, о чем, например, свидетельствуют новые слова, в которых произносится только [ч'н] (потб[ч'н]ый метод, ленто[ч'н]ая пила, посадо[ч'н]ая площадка, марионето[ч'н]ое правительство и т. д.).

Надо помнить, что язык всегда в движении, в развитии. Поэтому в любом литературном языке, несмотря на все стремление к строгой кодификации, всегда есть вариантыные элементы. Среди них — произношение [шн] и [ч'н] на месте *чн* в русском литературном языке.

Р. И. АВАНЕСОВ,
член-корреспондент АН СССР,
профессор Московского университета

Единственное или множественное?

В редакцию приходят письма, авторы которых иногда с недоуменном, а чаще с неудовольствием пишут о широком распространении в языке формы единственного числа слова *подонки*.

«Все презирают этого *подонка*». Таким примером пополнилась соответствующая словарная статья в последнем издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

Судьба слова *подонки* в литературном языке интересна именно тем, что перед нами довольно редкий случай, когда расширение семантики слова приводит к перестройке отношений его морфологических форм.

Подонки в его прямом значении — «остатки жидкости на дне вместе с осадком» — хотя и имеет единственное число, но употребительность единственного || множественного явно неравноценна, что и получило свое отражение в словарях. Первичная словарная форма — *подонки*, множественное число. У В. Даля наличие единственного числа фиксируется только указанием на род (м). В Словаре Д. Н. Ушакова для единственного числа дается помета «редко». В Словаре русского языка АН СССР (в 4-х томах) вообще нет указания на единственное число, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка *подонки* приводится в скобках после основной формы *подонки* без каких-либо помет. Словарь Ожегова дает единственное число после множественного без помет.

Начиная со Словаря Д. Н. Ушакова, все словари фиксируют второе, переносное значение слова: «Деклассированные, разложившиеся, преступные, антинародные, антиобщественные элементы (пренебреж.)» (Словарь Ушакова); «Деклассированные, разложившиеся, преступные элементы» (4-томный Словарь); «Деклассированные, разложившиеся элементы общества» (17-томный Словарь); «Разложившиеся, преступные, антиобщественные элементы»

(презр.) (Словарь С. И. Ожегова). Как видим, з переносном смысле зафиксирована также только форма множественного числа.

В Словарях не прямое значение слова *подонки* толкуется соответственно с тем, как оно употреблялось в речи. Составители опирались на факты использования слова для отрицательно-экспрессивного наименования группы лиц по их принадлежности к некоторой социально-общественной категории. Непосредственная связь социально-общественных отношений с развитием переносного значения у слова *подонки* вряд ли может вызывать сомнения. По словарям выявляется приблизительная хронология этого процесса: у Даля нет второго значения слова, у Ушакова уже есть.

Метонимическое выражение *подонки общества* прямо соотносится с понятием общественного дна, отсюда его выразительность. «Понятийное ядро», внутренняя форма слова в его прямом и нейтральном значении объединяет *подонки* со словами *отходы*: и то, и другое — остатки от полноценного продукта. Такие остатки выбрасываются и, следовательно, имеют еще одно название — отбросы. Эти слова нельзя, по-видимому, признать синонимами, когда они используются в прямом смысле, а в словосочетаниях *подонки общества* и *отбросы общества* они, очевидно, синонимичны. Синонимами их делает негативно-оценочная сторона семантики, выступающая на первый план при переносном употреблении слов. Благодаря своей выразительности, основанной на ясности внутренней формы слова, закрепилось и стало широко использоваться выражение *подонки общества*. Во всех таких и подобных им словосочетаниях употребляется только форма множественного числа (большинство примеров взято из картотеки словаря в Ленинграде): «Здесь как равнозначные величины выдвинуты и фабричные рабочие и подонки общества — хулиганы, проститутки, воры» (В. Ф. Воровский. Литературно-критические статьи. Леонид Андреев); «В германской армии теперь все подонки Европы, все авантюристы, все уголовники» (И. Эренбург. Война 1941—1942 гг. Наемники, Лоскутная армия).

В публицистике того исторического периода, когда классовая борьба в Европе и России была особенно обостренной, широко используются словосочетания *подонки общества*, *подонки правящих классов*, *подонки народа*, *подонки населения*.

Однако уже в то время как бы затухает общественно-социальный смысл слова и развивается другая сторона его семантики: нравственно-оценочная. Именно так слово употреблено, в частности, В. И. Лениным: «Помилуйте, как это можно... якшаться с подонками женеvского болота!!» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 47, стр. 65).

Понятие «деклассированные элементы», которое занимает первое место в толковании слова *подонки*, постепенно утрачивает свое доминирующее положение. Это и понятно, поскольку слово сохраняет свою выразительность и в языке нашего общества, где нет антагонистических классов.

Итак, расширение семантики рассматриваемого нами слова шло в сторону усиления ее нравственно-оценочных сторон. Отделившись от компонентов социального смысла — второго члена устойчивого словосочетания (подонки общества, Европы, нации, правящих классов и т. д.), слово переходит в состав эмоционально-экспрессивной лексики. Нужно сказать, что экспрессия слова в современном языке значительно возросла и потому границы его употребления раздвинулись. Сила экспрессии заглушает семантическую определенность, и *подонок* становится ярким дополнителем или заместителем для словесных характеристик, далеко не однозначных по смыслу, например, «...подонки и фашисты... Дубина и эсэсовский *подонок!* — думал Винкель» (Э. Казакевич. Весна на Одере); «...никто не заступался за него, потому что он и действительно был холуй, полицейское ухо, доносная ночная тварь, *подонок* нации» (Л. Леонов. Русский лес); «Подонки и мелкие бесчестные люди... Так всегда, благородные слова захватывают *подонки*. Они пользуются, они произносят их с легкостью и пафосом...» (Д. Гранин. Сад камней); «Вот ты следуешь своим высоким правилам, а что в результате? Чего ты добился? Только облегчаешь торжество подонкам» (Д. Гранин. Иду на грозу); «Подонки и нравственные уроды... Мы не фабрикуем положительных и отрицательных персонажей,— заявил один из постановщиков этих фильмов.— Наши герои должны быть *подонками*, каждый кадр — удар под ложечку...» («Советский экран», 1974, № 6). В рецензии речь идет об итальянских американизированных фильмах, где «Все равно, кто совершает подвиги... неведомые красные береты, английские командос или итальянские (причем фашистские!) вояки,— они одинаково кровожадны, убивают одинаково хладнокровно, до ужаса натуралистически, наслаждаясь «правом» убивать слабых и беззащитных».

Подонок как бранное слово...

«На улице я, как больной, думал вслух. Ну и прекрасно. Ну и замечательно. *Подонок*, ничтожество, дождался? Не-ет, пускай будет суд, пускай тебя (герой обращается к себе.— Л. К.) вытащат, скотину. Не мог воспитать единственного сына» (Ю. Трифионов. Предварительные итоги); «И ты, *подонок*,— кричал я,— можешь обирать бедную женщину? Только потому, что она к тебе привязана?» (там же),

О том, что в современном русском языке слово переосмыслилось и стало употребляться почти исключительно как нравственно-оценочное, может, в частности, свидетельствовать любопытный пример из перевода романа Харпер Ли «Убить пересмешника» (перевод с английского Н. Галь и Р. Облонской. М., 1964).

Аттикус и его сестра тетя Александра — люди, безусловно, разных нравственных принципов, и они, естественно, расходятся в «толковании» слова. Для тети Александры *подонок* — это сын бедняка Канингема...

«Потому, что он — *по-до-нок*. Вот почему я не позволю тебе с ним играть. Я не потерплю, чтобы ты водила с ним компанию и перенимала его привычки, и училась у него бог весть чему».

Для детей Аттикуса *подонок* — это негодяй Боб Юэл... «Это я из-за Уолтера Канингема взбесилась — зачем она его обозвала *подонком*,... Нет, это из-за Уолтера... Джим, он никакой не *подонок*. Он не то, что Юэл».

Во всех приведенных выше значениях *подонок* — слово очень популярное в современном литературном языке. Даже в тех случаях, когда за ним сохраняется значение социальной характеристики, например, если речь идет об уголовных преступниках, доминирующим все равно будет оценочно-нравственный оттенок: «...по числу своих жертв, вероятно, превалировал иной конституционный тип: более взрослые *самоутверждающиеся подонки* эндоморфного (церебрального) типа, поставляющие преступников более хитрых и лучше маскирующихся», — пишет В. Эфроимсон в литературно-научной статье «Родословная альтруизма» («Новый мир», 1971, № 10).

На фоне словарных характеристик может показаться странным, что первичное, прямое значение слова почти совершенно выпало из употребления и даже в среде лингвистов воспринимается как не нейтральное, а либо просторечное, либо областное.

Вместе с тем в словарях еще не получил отражения несомненный факт живого языка: полное переосмысление слова и закрепление за ним в качестве основного того значения, которое не вполне совпадает со словарным толкованием переносного смысла слова.

Из одиннадцати опрошенных семиклассников в ответе на вопрос: «Что такое подонки?» никто не назвал его первого значения (первого, согласно словарям). Ответы были такие: «очень плохие люди», «подлецы», «низкие, мелкие люди», «ябеды и доносчики», «люди, которые наживаются за счет слабых».

Оказывается, что первое значение слова ребятам этого возраста попросту неизвестно.

Колодцы, поля и... предлоги

Какое отношение к предлогам имеют поля и колодцы? Все дело в том, что с помощью предлогов созданы бесчисленные народные названия полей, лугов, лесов, колодцев. Например: лес *На камению* (Арх. обл.), поле *По Дубной дороге* (Моск. обл.), ручей *Под логом* (Исковская обл.).

В разговоре местные топонимы трудно отличить от имен нарицательных: «Сегодня мы косили луг под Елью. Этот гриб я нашел под елью». Разницы как будто нет, но в первом случае имеется в виду одна единственная ель, рядом с которой расположен луг, получивший от нее свое название. А во втором предложении нам совершенно безразлично, под какой именно елью найден гриб. Грань очень зыбкая. Наименования, образованные предлогом и существительным, стоят как бы на полпути между именами нарицательными и собственными. Это особое положение создает необычность значений «ориентированных названий» (термин профессора Ю. А. Карпенко). То есть названий, подразумевающих наличие какого-либо *ориентира*. Им может быть заметное дерево, строение, река, дорога и т. д. *Покос У Ели* — ориентир ель, поле *За рекой* — ориентир река, колодец *У ворот* — ориентир — ворота парка в селе Коломенском.

Указание местонахождения объекта относительно выбранного ориентира — основная функция ориентированных названий. Кроме того, эти названия указывают направление, в котором расположен называемый объект (обычно — направление от населенного пункта, где дано название, в сторону ориентира).

Есть и еще одно свойство у ориентированных названий — способность указывать относительную удаленность объектов от ориентира и населенного пункта. Так, поле *Под Новинками* находится ближе к деревне Новинки, чем к селу Коломенскому. А вот овраг *К Ваугину* — расположен по направлению: деревня Раево — село Ваугино (ближе к деревне Раево). Эти оттенки значения зависят от падежа существительного, что видно особенно ясно, когда по

направлению к одному ориентиру расположено несколько угодий: поле *Под Вознесенье* — луг *Под Вознесеньем* (село Коломенское); поле *На Свинку* — пожня *На Свинке* (Арх. обл. Свинка — озеро); поле *В Дубки* — выпас *В Дубках* (Моск. обл. Дубки — лес).

Интересны особенности употребления предлогов в местных географических названиях, не совпадающие с нормами литературного языка. Мы можем сказать «дом на Арбате», но не «дом к Арбату». Сравните: лес *Ко Грязному ручью* (Арх. обл.), луг *К Сосенкам* (село Коломенское); Аналогично: «дача под Москвой», но не «дача под Москву». В то время, как существуют: поле *Под Угор*, луг *Под Настасью Павловну* (луг, расположенный по дороге к дому Настасьи Павловны. Шатурский район Московской области). Так же необычно употребление предлога *за* с винительным падежом для указания местонахождения. В литературном языке здесь возможно только значение направления: «уехали за реку», или же «луга за рекой». А в названиях — лес *За переезд*, луг *За Перхурово*. Такая свобода употребления предлогов с разными падежами и позволяет названиям иметь сложные оттенки значений, указывающие и местонахождение, и направление, и степень удаленности объекта.

В географические названия могут входить не все предлоги, а только те, которые способны передавать пространственные отношения. Это прежде всего семь простых, первообразных предлогов *в, на, за, к, по, под, у* и несколько производных, наречных предлогов: *около, возле, напротив, промеж...*

Некоторые предлоги в названиях имеют одно значение.

Предлог *у* говорит о непосредственной близости объекта к ориентиру (колодец *У конюшни*).

Предлог *по* указывает, что угодье расположено вдоль чего-либо (вдоль дороги, реки, деревни): поле *По Пыльной дороге*, выпас *По берегу*, покос *По задам*, то есть за огородами (Московская область).

У предлога *под* наиболее распространены значения: *п о н а п р а в л е н и ю* Поле *Под Николу-Перерву* — поле, расположенное по дороге к селу Никола-Перерва; луг *Под болотцем* — луг *в о з л е* болотца. Другие значения встречаются реже. Лавы *Под Дубровкой* — мостки, поставленные ниже по течению реки Истья от деревни Дубровка. Колодец *Под Шibaевыми* — колодец у подножия пригорка, на котором стоит дом Шibaевых. Даже приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть своеобразие и богатство возможностей, скрытых в географических названиях. Топонимика может сообщить исследователям множество сведений о нашем языке.

В. Б. СОРОКИН

ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В составе форм представления объединяются слова или словосочетания, вынесенные в препозицию, за границы основного текста, называющие главный предмет высказывания, его тему, как бы «представляющие» читателю то, о чем дальше пойдет речь.

Интерес к рассматриваемым конструкциям возник давно, но до сих пор нет единства мнений даже в наименовании подобных форм, в исследовательских работах по научной грамматике их называют: *именительный представления, именительный темы, изолированный номинатив*.

Авторы «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970) предложили новый термин — *формы представления*. Этот термин уже потому предпочтительнее всех предшествовавших, что шире по объему и позволяет объединять в ряд форм представления не только конструкции с именительным падежом. А это чрезвычайно существенно. В позиции выделенного (акцентированного) члена конструкции могут быть словоформы и словосочетания самые разнообразные по средствам лексико-грамматического выражения. Практически все знаменательные лексико-грамматические категории современного русского языка могут быть в роли акцентуруемых форм, например, имена существительные в разных падежных формах, употребленные абсолютно (без зависимых членов) или в составе словосочетания, глаголы в неспрягаемой и спрягаемой форме: «Куда девать этот носок, бахрому, карман? Он сгреб все это в руку и стоял среди комнаты. „В печку? Но в печке прежде всего начнут рыться. Сжечь? Да и чем сжечь? Спичек даже нет”» (Достоевский. Преступление и наказание).

В роли форм представления могут выступать и наречия: «...он сделался еще нежнее. *Еще!* Вот в этом-то еще и видно, что все это неестественно, не так; в этом столько гордости и унижения для меня и такая даль от пониманья» (Герцен. Кто виноват?).

Имена числительные, употребленные абсолютивно и в составе словосочетания, тоже могут выполнять эти функции: «*Одна...* ничьим устам она не предает // Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных...» (Пушкин. «Ненастный день потух...»).

« — *Пятьдесят копеек!* — с удивлением и возмущением сказал Лев Николаевич. — Я пятьдесят копеек даю только изредка некоторым вдовам-старухам, и они после этого месяц не приходят» (Гусев. Два года с Л. Н. Толстым). Местоимения (личные, определительные и других лексико-семантических разрядов) могут выполнять функции выделяемых, акцентируемых форм: «[Алеко]: *А я...* Одно мое желанье // С тобой делить любовь, досуг // И добровольное изгнанье!» (Пушкин. Цыганы); «Так жил отец: скупцом забытым // Людьми, и богом, и собой. /.../ *А сам...* Он знал иных мгновений // Незабываемую власть!» (А. Блок. Возмездие).

Прилагательные и причастия также возможны в роли форм представления: «*Другой!*.. Нет, никому на свете // Не отдала бы сердца я!» /.../ «*Убит!*.. Сим страшным восклицаньем // Сражен, Онегин с содроганьем // Отходит и людей зовет» (Пушкин. Евгений Онегин).

Формы представления находятся в очень сложных и разнообразных семантических, интонационных, ритмо-мелодических и других связях и взаимоотношениях с основным (последующим) текстом. Формы представления всегда *обращены* к кому-то (этим адресатом может быть и сам говорящий, и потенциальный собеседник-оппонент, и реальное, но отсутствующее лицо, и, наконец, действительно присутствующий, участвующий в диалоге собеседник).

Формы представления обозначают содержательный и эмоциональный центр чужой или «остранённой» своей собственной речи (своеобразные «мысли вслух»), а основной текст — ответ на этот чужой или свой голос [проблема полифонизма речи, осмысление внутренне-диалогичного слова, художественно-образная интерпретация «чужого слова» — все эти вопросы представлены в современной филологии огромным научным авторитетом М. М. Бахтина (см. «Проблемы поэтики Достоевского». Изд. 3. М., 1972)]. Размышляющий лирический герой получает своеобразного оппонента в лице голоса «внутренней» речи. Причем из этой внутренней речи берется наиболее содержательная ее часть, смысловой центр, а основной текст становится комментарием и ответом на это чужое или свое полемически воспринятое слово. Поэтому-то формы

представления интонационно противопоставляются всему последующему тексту.

Формы представления могут быть выделены восходящей интонацией, свойственной вопросу:

Забывать? — Забвенья не дал бог.
Да он и не взял бы забвенья
Л е р м о н т о в. Демон

А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города...
А. Б л о к. Возмездие

Риторический вопрос может быть отнесен ко всему тексту, где формы представления выдвинуты в препозицию и отделены паузой: «*Эта юность, эта нежность — // Что для нас она была? // Всех стихов моих мятежность // Не она ли создала?*» (А. Блок. «В тихий вечер мы встречались...»).

Восходящая интонация с эмфатической (повышенно-эмоциональной) паузой отделяет обычно формы представления от основного текста: «*Весна! весна! о, как она крепит, // Как жизненной нас учит верить силе!*» (Фет. «Опять весна! опять дрожат листья...»); «*О, возраст осени! Он мне // Дороже юности и лета...*» (С. Есенин. «Пускай ты выпита другими...»).

В языке художественной прозы формы представления особенно употребительны *во внутренней речи* персонажей или в монологических размышлениях рассказчика, высказанных вслух, или в открытом диалоге: «*Упрек!.. Скучно! Но я его заслужил...*» (Лермонтов. Герой нашего времени); «*Ухаживать за Надеждой Николаевной! Эта мысль дика для меня самого, но я останавливаюсь на ней*» (В. Гаршин. Надежда Николаевна); «*Сладкие харчи! Аверкий знал им цену*» (Бунин. Худая трава); «*Слепцы! Они думают, вытеснив гимназии реальными училищами, переделать русского человека в сугубого реалиста и практика*» (Ю. Нагибин. Смерть на вокзале); «*Она подумала: «Любит? Разве он может любить? Если б он не слышал, что бывает любовь, он никогда и не употреблял бы этого слова*» (Толстой. Анна Каренина); «*Дети, жена — у других это обыкновенно, но у меня как это тяжело, голубчик*» (Чехов. Страх).

Основной текст и вынесенные в препозицию формы представления могут находиться в отношениях противопоставления, выраженных с различной степенью яркости и категоричности. В этом случае возможна интонация восходящая, нарастающая или, напротив, интонация затухающая, характерная для лирических раздумий. Отношения противопоставления могут поддерживаться соответствующими лексическими средствами: «*Любовь... но я в любви нашел одну мечту, // Безумца тяжкий сон, тоску без раз-*

деленья» (Жуковский. К Филалету); «Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!» (Пушкин. Скупой рыцарь); «Сердца! Да это же высоты, // Которых отдавать нельзя» (Вас. Федоров. «Литературная газета», 29 января 1975).

Противительный союз может прикрепляться к формам представления, открывая всю конструкцию, противопоставляя ее предшествующему тексту и обнаруживая смену интонации: «То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя, // Увлечена, в душе уязвлена, // Я стражду, не живу... им, им одним живу я — // Но эта жизнь!.. о, как горька она!» (Тютчев. «Не говори: меня он, как и прежде, любит...»); «Всякий зверь ловко приспособлен природой к известной форме жизни. А человек... не ошибка ли тут какая-нибудь?» (Герцен. Кто виноват?).

Интонация сосредоточенного размышления, усиленная глубокой паузой-умолчанием, может сопровождаться понижением тона. В этом случае остается только след вопроса, противопоставление несколько притушено: «Твоя любовь... что без нее мне жизнь, // И славы блеск, и русская держава?» (Пушкин. Борис Годунов); «Законы, религия... На что бы они были выдуманы, ежели бы они не могли сделать этого! — сказала Элен» (Л. Толстой. Война и мир).

Риторический вопрос, восклицание или умолчание (графически обозначенное многоточием) сопровождаются обычно глубокой паузой, знаком оппозиции и недоговоренности.

Формы представления могут выступать как преимущественно усиленная фигура, останавливающая наше внимание на самом соотношении предмета речи и комментариев по поводу его. Это своего рода *истолкованное литературным героем, автором, рассказчиком слово*. В этом случае формы представления выражены номинативной формой именного слова, которому соответствует в основном тексте местоименное слово в именительном падеже. Подобные конструкции чрезвычайно широко распространены в поэтическом стиле, например: «Но свет... жестоких осуждений // Не изменяет он своих: // Он не карает заблуждений, // Но тайны требует для них» (Пушкин. «Когда твои младые лета...»); «Твой милый образ, незабвенный, // Он предо мной везде, всегда...» (Тютчев. «Еще томлюсь тоской желаний...»); «Этот голос — он твой, и его непонятному звуку // Жизнь и горе отдам...» (А. Блок. «Приближается звук...»); «Удар — он блещет, // Нотунг верный... // ...И мир — он страшен для меня» (А. Блок. Возмездие).

Формы представления могут соотноситься в основном тексте с местоименным словом — прямым дополнением: «Эта жалость — ее заглушает пожар, // Гром орудий и топот коней, // Грусть — ее

застилает отравленный гар // С галицийских кровавых полей...» (А. Блок, «Петроградское небо мутилось дождем»).

Показательно, что контактность, непосредственная близость форм представления, выраженных именованным словом или словосочетанием, с соотносительной частью основного текста не является обязательной. Формы представления и основной текст могут образовывать своеобразное *кольцо*, заключающее внутри, в центре, придаточную, зависимую часть:

*Ямщик — будь он в поддевке темной,
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...*
А. Б л о к. «Сегодня ты на тройке звонкой...»

Это *кольцо* может получать еще одно подтверждение в виде лексического повтора, как бы обрамляющего текст:

*И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.*
А. Б л о к. «Ты твердишь, что я холоден,
замкнут и сух...»

Медитативная лирика, лирика размышления, как средство воспроизведения в формах слова человеческих чувств, настроений, реализаций того, что живет где-то в подсознании, использует формы представления как усилительный прием.

Эстетическая (художественно-образная) роль форм представления выступает особенно наглядно в диалогизации монологической речи, в лирических раздумьях, размышлениях.

В самом деле, присмотримся к широко известному стихотворению М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно...», которое все построено как своеобразный диалог лирического героя с самим собой. Внутренняя речь, подсказывающая, предлагающая различные возможности преодоления безнадежности, выхода из тупика, оспаривается и последовательно опровергается. Проследим эти доводы и контр-доводы: «/.../ *Желанья!* что пользы напрасно и вечно желать?.. /.../ *Любить...* но кого же?.. на время — не стоит труда, А вечно любить невозможно. /.../ *Что страсти?*— ведь рано или поздно их сладкий недуг // Исчезнет при слове рассудка...».

Желанья! Любить... Что страсти?— все эти формы представления передают эмоционально-смысловой центр, кульминационную часть размышлений лирического героя, комментированные во внешней, открытой речи. Здесь использованы все средства интонационного выделения — изоляции полемики истолкованного слова. Восходящая интонация риторического восклицания дана в сочетании с эмфатической паузой (*Желанья!*); умолчание, как знак подтекста, графически обозначено многоточием (*Любить...*); вопросы-

тельно-иронический вопрос (*Что страсти?*) отделен от основного текста глубокой паузой. Мы сталкиваемся здесь с умолчанием в качестве экспрессивного знака подтекста или знака отграничения чужой воспроизведенной и истолкованной речи.

Ориентированность на два голоса, на сопоставление своей позиции и позиции оппонента (даже если это подсознательный голос, как в «И скучно и грустно...») становится средством создания доверительной интонации, средством интимизации повествования. Вскрывается не только основная линия размышлений, но и ее возможный подтекст, где соседствуют тайное и явное. Внутренняя речь выявляется в формах представления. Межтекстовый рубеж, отделяющий паузой умолчания чужую (или свою «остраненную» речь) от основного текста, — не только речевой раздел, но и обозначение смены интонации, смены эмоциональной тональности повествования.

Разделение «по принадлежности» (слово «свое» или «чужое»), по эмоциональной окрашенности речи, введение лично окрашенного чужого слова вскрывают еще одну сторону в использовании форм представления как одного из случаев экспрессивно обусловленного расчленения текста.

Л. И. ЕРЕМИНА

СПУСТИТЬ И ОПУСТИТЬ

Современные толковые словари русского языка (Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, 17-томный Словарь современного русского литературного языка АН СССР, 4-томный Словарь русского языка АН СССР, Словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова), по-разному выделяя значения и оттенки глаголов *спустить* (несовершенный вид *спускать*) и *опустить* (несовершенный вид *опускать*), примерно одинаково формулируют их основные, исходные значения: *спустить* — ‘переместить сверху вниз’, *опустить* — ‘переместить в более низкое положение’. Уже при простом сопоставлении толкований этих значений видно, что они не тождественны, но соотносительны, находятся в отношении прямой зависимости: всякое передвижение сверху вниз является одновременно и перемещением в более низкое положение.

Спустить и *опустить* — слова многозначные. Нас будут интересовать лишь те значения и оттенки, которые так или иначе связаны с идеей перемещения сверху вниз. Некоторые из таких значений закрепились либо за словом *спустить*, либо за словом *опустить*. Но есть и такие контексты, в которых возможно употребление того и другого слова. В этом случае происходит синонимическое сближение глаголов *спустить* и *опустить*. Наибольшая смысловая близость этих глаголов проявляется в случаях, когда речь идет о занавесках, шторах, поднимающихся и опускающихся окнах: «Как только профессор сел в машину, он тотчас опустил окна и устроил сквозняк» (Паустовский. Повесть о лесах); «Катя облокотилась о раму спущенного окна» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам).

Спустить и *опустить* в приведенных примерах употребляются как равнозначные слова, которые могут заменять друг друга, не изменяя общего смысла высказывания. Чем это можно объяснить? Очевидно, что одна из причин — общность их основы. Среди русских глаголов немало синонимов, имеющих общий корень и различающихся префиксами. Но это обычно слова с синонимичными префиксами. (О синонимии двух префиксов можно говорить в случае, когда в образовании синонимических однокорневых параллелей с этими префиксами наблюдается некоторая регулярность. Так, синонимичными являются префиксы *вы-* и *из-*, которые дают синонимические образования, присоединяясь к целому ряду основ, например *вылечить* — *излечить*, *выругать* — *изругать*, *выкупать* — *искупать*, *вывалить* — *извалить*). Префиксы же *с-* и *о-*, входящие в состав рассматриваемых нами глаголов, не являются синонимичными, в сочетании с другими основами они не образуют синонимических пар, *спустить* и *опустить* — единственный случай синонимии однокорневых глаголов с этими префиксами.

Между префиксами *с-* и *о-* особые отношения. Остановимся подробнее на особенностях их значений. Префикс *с-* (соотносительный с предлогом *с*), соединяясь с основами, обозначающими движение и перемещение предметов в пространстве, вносит в глаголы указание на то, что движение совершается с *чего-либо*, с поверхности *чего-либо*, то есть указывает, *откуда* двигается лицо или предмет. Это значение префикса обнаруживается и в глаголе *спустить*.

Значение префикса *о-* в глаголе *опустить* так четко не обнаруживается, но проясняется при некоторых сопоставлениях. Прежде всего оно соотносится со значением предлога *о*, употребляемого для обозначения сближения, соприкосновения при перемещении. Такое значение *о-* обнаруживается, например, в глаголах *облокотиться*, *опереться*. Значение префикса *о-* соотносимо также с на-

правленностью вниз, например: *оползти, осесть, осаждаться*. Из этого видно, что префикс *о-* указывает, *куда* движется, перемещается предмет. Это значение есть и в глаголе *опустить*.

Таким образом, префикс *с-* указывает, *откуда* движется или перемещается лицо или предмет, а префикс *о-* — *куда* движется. На первый взгляд ничего общего между значениями этих префиксов нет. Наоборот, они указывают как бы на противоположные направления и представляются скорее антонимичными, чем синонимичными. И все же общее в их значениях есть. Чтобы показать это, следует вернуться к префиксу *с-* и более подробно разобрать его особенности.

Как уже говорилось, *с-* обозначает движение *откуда*. Но так как всякое перемещение *откуда-нибудь*, с какой-либо точки предполагает также и направленность *куда*, к какому-либо другому месту, то глаголы с префиксом *с-* могут обозначать также и движение *куда-либо* (когда в тексте есть указание на место, *куда* направлено движение). Можно привести многочисленные примеры глаголов, где префикс *с-* указывает наряду с направлением движения *откуда* также на направление *куда*: *Спрыгнуть* с камня на песок. *Сбросить* снег с крыши на землю. То, что префикс *с-* может указывать на направление движения *куда*, сближает его с префиксом *о-* и является предпосылкой синонимического сближения глаголов *спустить* и *опустить*. Таким образом, сама возможность синонимии рассматриваемых глаголов обусловлена некоторой смысловой общностью входящих в их состав префиксов. Что же касается своеобразия значений и оттенков *спустить* и *опустить*, возможности их употребляться в том или ином значении или оттенке значения, то это в значительной мере зависит и от особенностей значений префиксов. *Спустить* характеризуется как бы двусторонней связью (указывает как на направленность *откуда-либо*, с чего-либо, так и на направленность *куда* — на что-либо или во что-либо). Для *опустить* характерна односторонняя связь (указание на направленность *куда-либо*, на что-либо или во что-либо). Как эти особенности рассматриваемых глаголов реализуются в разных значениях, покажем на некоторых примерах.

1. Для обозначения перемещения лица или предмета вниз путем сбрасывания, сталкивания (*Спустить* эшелон под откос; *Спустить* кого-либо с лестницы) употребляется только глагол *спустить*. Здесь важен сам факт сбрасывания, смещения, а не то, куда действие направлено.

2. Для обозначения перемещения вниз того, что является частью чего-либо, присоединено к чему-либо и что при передвижении вниз приводится в обычное положение, употребляется

только *опустить*: Поднять и *опустить* руку; *Опустить* крылья; *Опустить* крышку ящика.

3. Для обозначения перемещения на что-либо, на поверхность чего-либо предмета или лица, находящегося первоначально в руках или на руках, употребляется преимущественно глагол *опустить*: *Опустить* носилки на землю; Андрей бережно *опустил* дочку на пол. *Спустить* может быть употреблено лишь в случаях, когда речь идет о ребенке или животном, которых держали на руках, на коленях (в этих случаях можно сказать *спустить с рук*). «Пленный *спустил с рук* мальчика» (Л. Толстой. Сила детства). Различие между *опустить* и *спустить* в сопоставляемых примерах заключается в том, что *опустить* акцентирует внимание на конечном этапе действия, сближаясь по значению со словами «положить, поставить», а *спустить* — на начале этого действия, обозначая как бы «перестать держать на руках».

4. Для обозначения перемещения вниз, в глубь чего-либо (с погружением или без погружения во что-либо), возможно употребление того или другого слова в зависимости от некоторых условий: а) Когда перемещение вниз производится с ясно выраженной целью «поместить», употребляется только *опустить*: *Опустить* письмо в почтовый ящик; *Опустить* деньги в карман. Идея перемещения вниз здесь затушевана идеей помещения куда-либо. *Опустить* по значению сближается со словами «поместить, положить».

б) Перемещение вниз связано с погружением во что-либо. То что перемещают, держат в руках, поэтому перемещение происходит на небольшую глубину. Над идеей перемещения вниз преобладает идея погружения. Употребляется только *опустить*: *Опустить* весла в воду; *Опустить* перо в чернила.

в) Перемещение (предмета или лица) вниз на значительную глубину предполагает погружение во что-либо или без погружения (часто с указанием способа перемещения). В этом случае могут употребляться оба слова, но чаще — *спустить*: «В колодец бы спустить вещи на веревке: он, чай, туда не заглянет» (А. Н. Толстой. Счастье Аверьяна Мышина); «Я решил найти Денисова и уговорить его спустить меня в водолазном костюме хотя бы на небольшую глубину, чтобы посмотреть подводную осень» (Паустовский. Черное море); «Он стал, перебирая руками по палке, опускать ее в колодец» (Катаев. Белеет парус одинокий).

Приведенные примеры, как нам кажется, позволяют сделать вывод о том, что глагол *спустить* (соотносимый как бы с двумя точками движения — исходной и конечной) обладает большей динамичностью, чем глагол *опустить* (соотносимый только с конечной точкой перемещения). Поэтому *спустить* не употребляется в тех случаях, когда внимание акцентируется не на самом действии, а

скорее на его результате, когда подчеркивается, что предмет или лицо, которые перемещаются, приводятся в обычное положение, ставятся, помещаются куда-либо. Характерным для этих случаев является употребление менее динамичного глагола *опустить*. И наоборот, когда перемещение связано с передвижением вниз на значительное расстояние, и не существенно, где будет находиться предмет или лицо в результате действия, возможно употребление только глагола *спустить*.

Глагол *спустить* обозначает действие, которое может предполагать и вопрос *откуда?* (с чего?) и вопрос *куда?* (на что? во что?), глагол *опустить* — действие, предполагающее только один вопрос — *куда?* (на что? во что?).

Безразличное употребление *спустить* и *опустить* в примерах, приводимых в начале статьи (о поднимающихся и опускающихся окнах) объясняется тем, что действие, реализующееся в данной ситуации, не предполагает ни вопроса *откуда?* (на что? во что?), ни вопроса *куда?* (на что? во что?). Здесь нет противопоставления *откуда* и *куда*, и глаголы *спустить* и *опустить* выступают как равноправные.

В. Н. ЦЫГАНОВА

«ВРОДЕ ВОЛОДИ...»

Выражение *вроде Володи*, наверное, каждый слышал и неоднократно употреблял сам. Однако в словарях русского языка, толковых и фразеологических, мы его не найдем. Слово *вроде* поздно стало отмечаться словарями, хотя уже с XIX века оно довольно широко употреблялось в языке. В XIX веке слово не имело твердой формы: встречалось то в раздельном написании — в виде сочетания *в роде*, то в слитном — *вроде*. Лишь к концу XIX века оно приобрело устойчивый внешний облик: *вроде* (об образовании предлога *вроде* см.: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. 1967). Впервые слово *вроде* включено в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935). Уже в XIX веке слово *вроде* используется и в языке то как предлог, то как частица. Так же оно употребляется и в современном языке.

Как предлог слово *вроде* имеет два значения.

1) Предлог *вроде* употребляется в том случае, когда необходимо указание на то, что один предмет, признак, свойство уподобляется другому предмету, признаку, свойству. Однако уподобление это не точное, а предположительное. В этом значении предлог *вроде* соотносится с предлогом *наподобие*: «Мыться пришлось на кухне в большом круглом корыте, вроде обрезанной бочки» (Дубов. Сирота); «[Васильков] Люди здесь вроде этих вот кедров: все прямоствольные» (Преловский. Маленький человек).

Сочетание с предлогом *вроде* может относиться к неопределенному местоимению *что-то, нечто*. Это усиливает значение неопределенности, свойственное такому сочетанию: «Сержант позвал к себе всех разведчиков. Собрал *нечто вроде* совета» (Алексеев. Солдаты).

2) Предлог *вроде* употребляется при указании на что-либо, являющееся частью общего, о котором идет речь в том же предложении. В этом случае *вроде* соотносится с сочетанием *такой, как*: «В семействе Ротшильдов есть кузены, вроде Филипа, скупившие виноградники и обогатившие плеяду бордосских вин маркой „Мутон-Ротшильд“» («Известия», 8 февраля 1973).

Нередко это частное, отдельное выступает в предложении в виде однородных членов, относящихся к обобщаемому слову: «У Пинчука была масса знакомств с хозяйственной братией, вроде поваров, писарей, кладовщиков, работников полевой почты» (Алексеев. Солдаты).

В этом значении, особенно перед однородными членами, употребление предлога *вроде* несколько напоминает употребление пояснительно-присоединительных союзов *а именно, как-то*. Они присоединяют однородные члены предложения, представляющие собой названия частных предметов, к обобщающему слову, являющемуся общим по сравнению с этими частными названиями. Сравните: «Как известно, стеклу присущи специфические декоративные свойства, а именно: способность воспринимать изумительные по глубине и нежности окраски, передавать неподражаемую игру света» (Качалов. Стекло); «Несколько женщин брали на себя все хлопоты по столу, как-то: в огромных бельевых чугунах, называемых корчагами, тушили картошку с бараниной, пекли пироги» (Солоухин. Капля росы). Отличие состоит в том, что предлог присоединяет имя существительное к управляющему слову, тогда как союз соединяет синтаксические единицы, выраженные не только именем существительным. Кроме того, предлог *вроде* вносит в предложение значение некоторой неопределенности, неточности. В предложениях с союзами *а именно, как-то* этого оттенка неопределенности нет.

Слово *вроде* используется и в другой функции, в роли частицы. Такое употребление известно и в XIX веке, и в современном русском языке. В простом предложении частица *вроде* носит оттенок предположительности высказывания, сомнения в его достоверности. В этом случае частица *вроде* соотносится с частицей *как будто*: «Ты вроде рыбачить со мной собирался?» (Б. Васильев. Иванов катер).

Слово *вроде* образует устойчивое сочетание с частицей *бы* — *вроде бы*, также употребляемое в роли частицы. Частица *бы* усиливает значение предположительности высказывания, сомнения в его достоверности. *Вроде бы* соотносится с частицами *как бы*, *как будто бы*: «Он встал и пошел по улице, еле передвигая ноги, вроде бы ничего не видя и не слыша» (Емельянов. Талант).

Как и некоторые другие частицы, *вроде* может выступать в предложении в качестве союзной частицы. Тогда оно присоединяет часть сложного предложения, содержащую в себе указание на действие, сравниваемое с таким, которого в действительности в настоящий момент нет, но которое представляется как действительно существующее. В этом случае слово *вроде* приобретает союзную функцию, оно становится союзной частицей и соотносится со сравнительными союзами *как будто*, *словно*, *точно*: «[Он] вдруг упал — пол здесь был паркетный, из дуба, и стук получился очень крутой, вроде ударили брусом о брусок» (Львов. За что мы платим). Указаний на такое употребление слова *вроде* в словарях не находим.

Как союзная частица слово *вроде* встречается также в предложениях, где чьи-либо слова передаются с приблизительной точностью. Слово *вроде*, вводящее эти чужие слова, служит для подчеркивания такого значения: «Она начала задавать вопросы, вроде: — А что важнее для футболиста: голова или ноги?» (Березко. Необыкновенные москвичи).

Словари, отмечающие это употребление слова *вроде* 'как-то, а именно', указывают, что оно находится перед перечислением. Их значения сближаются, но слово *вроде* вносит оттенок неопределенности.

В сочетании с *как* слово *вроде* образует устойчивое сочетание *вроде как*, выступающее в функции частицы или союзной частицы. Оба слова — *вроде* и *как* — (каждое в отдельности) вносят в предложение значение неопределенности, предположительности (*вроде*) или сравнения, уподобления (*как*, *вроде*). Сочетание *вроде как*, выступая в простом предложении в роли частицы, усиливает предположительность высказывания. Сочетание *вроде как* обычно тяготеет к сказуемому. Оно свойственно живой разговорной речи:

«Что-то ты, мать, вроде как не в себе?» (Шолохов. Поднятая целина).

Сочетание *вроде как* может присоединять член предложения со значением сравнения, уподобления. Тогда оно выполняет функцию союзной частицы. В этом сочетании главное слово — *как*, с которым член предложения выступает не как падежная форма, а как слово, присоединяемое союзом: «Эх, Варюша, Варюша! Неслух ты у меня. Маленькая девчоночка, вроде как зяблик, а без тебя трудно» (Паустовский. Перстенок); «Дорога разделена тобой на участки, вроде как на этапы» (Солоухин. Калля росы).

Слово *вроде* входит в союзное сочетание *вроде того, что*. Оно образовано по модели того же типа, что и союзы *потому что, из-за того что*. *Вроде того что* присоединяет придаточную часть, в которой почти точно передается содержание чьей-либо мысли, речи, какого-либо действия: «Откроешь глаза и опять идешь, и опять засыпаешь и видишь сон вроде того, что плывешь на лодке по Неве и ударяешься носом в берег» (Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина).

Слово *вроде* выполняет в языке разнообразные функции — предлога, частицы, союзной частицы. Значение неопределенности, неточности свойственно и предлогу и частице *вроде*. Оно очень явственно выступает и в сочетании *вроде Володи*. Ведь когда говорят: *вроде Володи*, то это значит, что речь идет о чем-то неясном, неопределенном, например: «Что-то затевается. Вроде Володи. Вас — срочно» (Бондарев. Батальоны просят огня); «У Тихона Парабукина дочь — артистка! Так себе думал, что-нибудь такое, вроде Володи... А нынче смотрю — в публике разговор» (Федин. Необыкновенное лето).

Выражение *вроде Володи*, по-видимому, является частью поговорки, которая известна в нескольких вариантах: «вроде Володи, вроде серого кота»; «вроде Володи, на манер Кузьмы». Неясность, неопределенность значения, выражаемого сочетанием *вроде Володи*, создается тем, что в нем употребляется предлог *вроде*. Собственное же имя *Володя* используется как бы для рифмы, поскольку оно созвучно по своему фонетическому облику слову *вроде*.

Доктор филологических наук
Р. П. РОГОЖНИКОВА
Ленинград

СПЕЦКУРСЫ И СПЕЦСЕМИНАРЫ НА КАФЕДРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кроме чтения общих курсов и ведения практических занятий, в вузах используются различные формы привлечения студентов к научной работе. Особое место в теоретической подготовке занимают спецкурсы и спецсеминары. Их система предполагает тесное взаимодействие с программными курсами и практическими занятиями по русскому языку. Следует подчеркнуть и специфические задачи и цели спецкурсов и спецсеминаров. Например, для расширения кругозора студентов необходимо конкретизировать и детализировать разделы общих курсов; апробировать новые лингвистические теории; развить навыки самостоятельной исследовательской работы; приблизить студентов к творческой научной работе, к коллективным темам, выполняемым на кафедре; создать более тесный научный контакт с преподавателями, профессорами, доцентами.

Выполнение этих задач зависит от ряда проблем, которые и составляют систему организации спецкурсов и спецсеминаров: тематика и количество курсов и семинаров, объявляемых кафедрами русского языка; система (порядок) записи в них студентов; согласованность спецкурсов и спецсеминаров с содержанием программных занятий.

Первая задача — расширение теоретического кругозора студентов и детализация разделов общих курсов — происходит в университетах следующим образом.

«Восполнение» материала, не нашедшего отражения в лекционных и семинарских занятиях, достигается прежде всего разнообразием тематики спецкурсов и спецсеминаров. Так, в Ленинградском государственном университете ежегодно предлагается для студентов III и IV курсов (днев-

ного отделения) и IV и V курсов (вечернего отделения) 12—13 тем годовых спецсеминаров кафедрой русского языка и 4 спецсеминара кафедрами общего языкознания и фонетики. В Московском государственном университете кафедра русского языка предлагает студентам III и IV курсов (обычно совместно) 20—22 спецсеминара, в Саратовском государственном университете — 8 тем ежегодно. Такая система предполагает широкий и добровольный выбор студентом темы своих научных занятий. При этом происходит двухступенчатая конкуренция: сначала студент должен выбрать либо лингвистический, либо литературоведческий спецсеминар, затем конкурируют спецсеминары собственно лингвистические. Подобная конкуренция приводит к тому, что один-два спецсеминара могут не состояться из-за отсутствия студентов, а в остальных их может оказаться неравное число. Несмотря на это, представляется целесообразным именно такое распределение студентов в спецсеминары. Факт добровольного выбора имеет существенную психологическую сторону, студент может выбирать не из 2—3 тем, а из 10—20. Подобное распределение можно организовать, во-первых, при соединении студентов различных курсов и различных форм обучения (дневное и вечернее) и, во-вторых, без хронологической соотнесенности с общими курсами. Так, студент может заниматься в синтаксическом семинаре с начала III курса, в то время как общий курс синтаксиса он сдает только в конце IV. Здесь есть свои неудобства, но они преодолеваются добровольностью выбора и повышенным интересом к той области русистики, которой посвящен спецсеминар, или к личности преподавателя, его педагогическому ореолу и т. п. Представляется, что факт добровольности и выбор из широкого ассортимента предлагаемых спецсеминаров — важнейшее условие успешной работы студентов.

Спецкурсы организуются примерно на тех же основаниях, что и спецсеминары, однако имеются и различия. Спецкурсы в университетах семестровые, и студенты должны прослушать за два года 4 спецкурса. Это чрезвычайно разнообразит выбор. Так, в ЛГУ предлагается 15 спецкурсов в год кафедрой русского языка (по 7—8 в один семестр) и 8 спецкурсов кафедрами фонетики и общего языкознания, в МГУ — 23 спецкурса, в СГУ — 6.

Задачи спецкурсов и спецсеминаров различны. В спецсеминарах студенты обучаются сначала (обычно на II курсе, в просеминарах) технике научной работы, затем

самостоятельно работают над определенной темой, обычно связанной с анализом конкретного языкового материала. Сопоставление планов работы спецсеминаров и тем курсовых работ на разных кафедрах университетов и педвузов показало, что в методике проведения спецсеминаров очень много общего: планомерное чтение студентами литературы по теме спецсеминара, реферирование работ по собственной теме, чтение своего доклада, рецензирование доклада товарищей, «превращение» доклада в курсовую работу. Таков общий, наиболее распространенный метод работы спецсеминара, он, видимо, удобен для многих спецсеминаров (хотя не исключает и другую методику, продиктованную иной, необычной тематикой). Этот метод позволяет выработать у студента навыки самостоятельной научной работы, которые затем более полно реализуются при выполнении дипломных работ.

Задачи спецкурсов отличаются не только тем, что при слушании их студент более пассивен, но главным образом тем, что через спецкурсы больше выполняются те задачи, которые связаны с расширением материала по различным разделам науки о русском языке. Именно через спецкурсы можно познакомить студента с разными типами ученых, которые могут читать даже и по темам, достаточно освещенным в общих курсах, но по-иному приносить в аудиторию свои научные концепции. Одним словом, спецкурсы полнее спецсеминаров отражают научное лицо кафедры.

Обратимся к конкретным фактам. В тематике спецкурсов в МГУ и ЛГУ от 40 до 45 процентов составляет исторический аспект.

Например, в МГУ: «Трудные вопросы исторической фонологии русского языка» (профессор К. В. Горшкова); «Из истории синтаксиса восточнославянских языков» (доктор филологических наук Е. И. Кедайтене); «Проблемы русской исторической антропоники» (доктор филологических наук Б. А. Успенский); «Основные проблемы исторического изучения русского языка» (доктор филологических наук Г. А. Хабургаев).

В ЛГУ: «Состав и источники древнерусской переводной письменности» (профессор Н. А. Мещерский); «Исторический синтаксис» (профессор Э. И. Коротаева); «Введение в историческую фонологию» (профессор В. В. Колесов); «Славянская морфология в сравнительно-историческом освещении» (доцент Т. А. Иванова); «Русская палеография» (доктор филологических наук Н. Н. Ро-

зов) и другие. Высокий процент исторической тематики спецкурсов связан как с меньшим количеством часов на исторические дисциплины сравнительно с курсом современного русского языка, так и возможностями и научными интересами преподавателей, общим научным направлением на кафедре. Например, среди спецкурсов в СГУ историческая тематика составляет значительно меньший процент: из 6 курсов только один включает исторический материал — «Введение в социолингвистику» (профессор Л. И. Баранникова). В тематике спецсеминаров (а затем и дипломных работ) современный аспект значительно преобладает, что связано с предпочтительностью выполнения курсовых и дипломных работ на материале современного русского языка.

«Восполнение» материала через спецкурсы и спецсеминары идет не механически, а на новой ступени познания. Многие темы представляют взаимодействие различных разделов в изучении русского языка. Это взаимодействие идет в синхронном направлении, когда два или несколько уровней языковой системы представлены в тематике курса или семинара. Например, спецкурсы в МГУ: «Стилистика и поэтика» (доцент А. В. Степанов); «Типология диалектных различий русского языка» (доцент О. Г. Гецова); в ЛГУ: «Вопросы культуры речи» (профессор В. Ф. Иванова); «Основные проблемы изучения языка и стиля произведений Ленина» (профессор Н. А. Мещерский). Спецсеминары, объединяющие различные языковые уровни. В МГУ: «Лексика и семантика прилагательных в русском языке», «История древнерусского языка XI—XIV веков (лексика, фонетика, словообразование, флексия)» (профессор Р. И. Аванесов); в ЛГУ: «Стилистика и грамматика» (профессор Э. И. Коротаева); в Ленинградском государственном педагогическом институте: «Лингвистические основы работы над связной речью (текстом) в школе» (профессор С. Г. Ильенко); в СГУ: «Русская речь в системе функциональных стилей» (профессор О. Б. Сиротина); «Смысл и типы речи» (доктор филологических наук Г. Г. Полищук) и т. д.

Взаимодействие разделов может идти и в диахроническом направлении, например спецкурс в МГУ «Функционирование и происхождение фразеологических оборотов русского языка» (профессор Н. М. Шанский); в ЛГУ: «Русская разговорная речь в современном и историческом аспекте» (профессор Л. С. Ковтун); «Диахронная семасио-

логия и нормы словоупотребления» (доцент В. Г. Ветвицкий) и другие.

«Восполнение» материала идет на базе преобладающей широкой тематики каждого отдельного спецкурса или семинара, например, в ЛГУ спецкурсы «Развитие современного русского языка» (профессор В. В. Колесов), «Русская фонетика» (профессор Л. В. Бондарко), в МГУ спецсеминары «Актуальные проблемы русского словообразования» (доктор филологических наук Е. А. Земская), «Русская и славянская историческая и сравнительная лексикология» (профессор Н. И. Толстой). Хотя возможны и более конкретные, узкие темы. Именно широта тематики каждого отдельного спецкурса и спецсеминара позволяет создать обширный фон знаний, формирующий общефилологическую культуру студента.

Выполнение курсовых (и дипломных) работ должно координироваться с научной работой на кафедрах. В ЛГУ это связано с участием студентов в таких темах, как «Школьный толковый словарь» (руководитель доцент В. Г. Ветвицкий), «Псковский областной словарь» (руководители доценты А. И. Лебедева и О. С. Мжельская), «Лексика и терминология рабочих профессий» (руководитель профессор А. И. Моисеев), «Словарь говоров Карелии» (руководитель профессор А. С. Герд). В ЛГПИ под руководством профессора В. И. Чагишевой проводится работа над Брянским областным словарем с привлечением студентов через спецсеминар, в МГУ под руководством профессора Н. М. Шанского — над фразеологическим словарем. Особенно активно привлекаются студенты к работе по различным кафедральным темам в СГУ.

Хочется отметить и еще одну важную сторону в работе спецкурсов и спецсеминаров на кафедрах русского языка. Именно в этих видах работы происходит тесный творческий контакт студентов с профессорами и доцентами кафедр. Это обусловлено известной камерностью аудитории и, если есть выбор в тематике, интересом именно к данному разделу науки о языке. Студенты максимально проявляют себя в этих видах работ, что выражается в более высоких оценках за курсовые (и дипломные) сочинения, чем при сдаче экзаменов по общим курсам. Этот контакт на спецкурсах и спецсеминарах обоюдный. Он безусловно благотворен и полезен для преподавателя, ибо преподаватели, допуская студентов в свою «творческую лабораторию», ярче и полнее проявляют себя, свой творческий

и педагогический талант. Спецкурсы и спецсеминары — та среда, где может создаваться научное направление. Для будущих учителей-русистов эти виды обучения полезны и потому, что здесь, как ни в каком другом виде педагогической деятельности, они, будущие преподаватели, видят образец преподавателя и педагога, методы его работы. Таким образом, воспитательное значение работы спецкурсов и семинаров очевидно.

Следует отметить и недочеты, которые выявляются на фоне интересной в целом и богатой хорошими традициями работы спецкурсов и спецсеминаров. Тематика и количество курсов и семинаров на кафедрах складывается стихийно, как производное от научной работы, которая, в свою очередь, носит тоже стихийный характер. Хотя на кафедральных заседаниях утверждаются планы курсов и семинаров, они сами не подвергаются, очевидно, строгому отбору, а это ведет к тому, что на кафедре может оказаться более освещенной через спецкурсы и семинары одна тематика (например, по лексикологии или стилистике) и мало освещены другие стороны языковой системы (например, фонетика или грамматика).

В тематике курсов и семинаров на кафедрах университетов очень мало тем, непосредственно, прямо повернутых к школьным запросам и интересам. В ЛГУ можно назвать лишь спецсеминары «Школьный толковый словарь» (доцент В. Г. Ветвицкий), «Теоретические основы русского правописания» (профессор В. Ф. Иванова), «Лингвистические основы новых школьных учебников» (профессор В. Ф. Иванова).

Система спецкурсов и спецсеминаров в пединститутах во многом совпадает и по своим задачам и по методике проведения с практикой университетов, однако есть и отличия. Все студенты-русисты обязательно специализируются как по русскому языку, так и по литературе. Целесообразность такого решения, отличающегося от системы университетов, очевидна в свете подготовки выпускников преимущественно к педагогической работе в школе. В связи с этим в тематике курсов и семинаров, например, в ЛГПИ представлена профориентация выпускников: спецсеминар «Работа над языком художественных произведений в школе» (профессор Е. Г. Ковалевская), спецкурс «Специфика работы по русскому языку в сельской школе» (профессор В. И. Чагишева) и т. п. Количество лингвистических курсов и семинаров, из которых реально может

выбирать каждый студент, меньше, чем в МГУ или ЛГУ, и это обусловлено не профессиональными возможностями сотрудников кафедр, а планированием и большим количеством студентов-участников спецкурсов и спецсеминаров по плану.

По совершенствованию системы спецкурсов и спецсеминаров в связи со специализацией выпускников могут быть предложены следующие рекомендации:

1. Начинать семинары (просеминары) со второго курса с целью быстрее включения студентов в самостоятельную научную работу.

2. Стремиться сделать тематику спецкурсов и спецсеминаров более разнообразной и широкой, что возможно при семестровых спецкурсах и при соединении III и IV курсов (в университетах) или II — III курсов (в педвузах) для этих занятий, то есть при создании большой студенческой аудитории.

3. Строже планировать, более целенаправленно отбирать тематику, чтобы не было дублирования или узкой направленности.

4. В университетах повысить долю спецкурсов и спецсеминаров, ориентированных на преподавание русского языка в средней школе, что вызывается как усложнившейся программой по русскому языку в средней школе, так и высоким процентом назначений выпускников университетов на работу учителя-словесника.

5. Чаще вводить в спецкурсы и спецсеминары тематику, связанную с новыми достижениями науки о русском языке, а также с новыми явлениями в самом современном русском литературном языке (новые тенденции в орфоэпии, словообразовании, грамматике, в развитии функциональных стилей и т. п.). Будущий филолог должен отчетливо представлять себе, что современный русский язык — явление динамическое, как и наука о нем.

6. Привлекать по возможности для чтения спецкурсов специалистов из других учреждений города или из других городов.

*Доктор филологических наук
Г. Н. АКимова*

**МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦСЕМИНАРЫ**

Лексика и семантика прилагательных в русском языке.

История древнерусского языка XI—XIV веков (лексика, фонетика, флексия, словообразование).

Синтаксис словосочетания и сложного предложения.

Проблемы коммуникативного синтаксиса (на материале вопросительных и повествовательных предложений).

Вопросы словообразования русских народных говоров.

Актуальные проблемы русского словообразования.

Проблемы исторического словообразования.

Структура осложненного простого предложения.

Вопросы изучения словарного состава русского языка XVII века.

Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения.

Вопросы русского диалектного синтаксиса.

Морфологическая структура слова в русском языке.

Сопоставление грамматического строя русского языка с персидским (на материале падежной системы), для студентов-иранцев.

Русская ономастика.
Позиционное варьирование фонем русского языка.

Специфические строевые компоненты высказывания.

Учение о простом и сложном предложении и история его разработки.

Изучение синтаксического строя литературно-художественных произведений.

Глагол и его формы в древнерусской житийной литературе.

Стилистика и грамматика.

Русская и славянская историческая и сравнительная лексикология.

Язык великорусских текстов XIV—XVII веков.

Русское слово в его происхождении и функционировании.

Книжная справка как источник для истории церковнославянского языка.

СПЕЦКУРСЫ

I семестр

Морфология русского глагола.

Современный русский устно-разговорный синтаксис.

Русская ономастика.

Методы и возможности экспериментальной фонетики.

Вокализм русского языка.

Проблемы фонологической синтагматики и парадигматики.

Учение о простом и сложном предложении и история его разработки.

Синтаксический строй романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (комментарий к тексту).

Стилистика и поэтика.

II семестр

Синтаксические связи в современном русском языке.

Формирование коммуникативных типов предложения.

Типология диалектных различий русского языка.

Трудные вопросы исторической фонологии русского языка.

Древнерусские письменные памятники как лингвистический источник.

Русская историческая лексикография.

Из истории синтаксиса восточнославянских языков.

Вопросы русского диалектного синтаксиса.

Языковые контакты и заимствования (на материале русского языка XVIII века).

Исторические контакты русского народа с финно-уграми по данным языка.

Проблемы русской исторической антропоники.

Основные проблемы исторического изучения русского языка.

Функционирование и происхождение фразеологических оборотов русского языка.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СПЕЦКУРСЫ

Кафедра русского языка

Новые синтаксические явления.

Глагол.

Лексика Петровской эпохи.

Вопросы культуры речи.

Славянская фонетика в сравнительно-историческом освещении.

История русского ударения.

Исторический синтаксис.

Стиль драмы.

Источники и состав древней славянорусской переводной письменности светского содержания.

Синтаксис словосочетаний.

Методы анализа языка художественных произведений.

Русская палеография.

Вопросы исторической стилистики.

Кафедра фонетики

Русская фонетика.

Лингвистические аспекты использования восприятия звуковых стимулов.

Спектральный анализ речи.

Фонетические системы.

Введение в теорию интонации.

Кафедра общего языкознания

Основные понятия теории письма.

Этимологический анализ слова.

Проблемы лингвистической семантики и структурного синтаксиса.

Теоретические вопросы ономастики.

Исследование фонологического слога.

СПЕЦСЕМИНАРЫ

Кафедра русского языка

Структура простого предложения.

Части речи в современном русском языке.

Почему и как изменяются значения слов.

Историческая лексикология русского языка XVII—XIX веков.

Системные связи в лексике современного русского языка.

Вопросы культуры речи.

Изучение языка памятников старославянской письменности русского извода.

Историческая фонетика русского языка.

Стилистика и грамматика. Проблемы ономастики.

Стилистический анализ художественного текста.

Язык и стиль древнерусских памятников.

Лексика и фразеология русского языка.

Стилистика художественной речи.

Кафедра фонетики

Осциллографический анализ речи.

Статистическое исследование речи.

Кафедра общего языкознания

Структурный синтаксис.

Если у писателя есть слог, его эпитет резко определен, всякое слово стоит на своем месте и в немногих словах схватывается мысль, по объему своему требующая многих слов.

В. Г. Белинский. Русская литература в 1843 году

Слог — это рельефность, осязаемость мысли; в слоге — весь человек; слог всегда оригинален, как личность, как характер.

В. Г. Белинский. Русская литература в 1843 году

ЧАБАН

В современном русском литературном языке слово *чабан* имеет значение «пастух, пасущий стада овец». По-видимому, наиболее раннее употребление слова *чабан* (в написании *чобан*) мы встречаем в «Путевых записках» А. С. Грибоедова, сделанных им в июне — июле 1825 года во время поездки по Крыму: «Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чобанов внизу, а далее в равнине еще туман. Шатаемся по овчарням». *Чабан* есть у А. С. Пушкина в «Путешествии в Арзрум», написанном в 1829 году: «Мост называется Чабан-Кэпри (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него».

Позднее слово *чабан* (в написании *чебан*) встречается у А. П. Чехова в повести «Степь» (1888): «Старик-чебан, оборванный и босой, в теплой шапке, с грязным мешком у бедра и с крючком на длинной палке — совсем ветхозаветная фигура — унял собак и, снявши шапку, подошел к бричке».

Колебания в орфографии (*чобан — чабан — чебан*) связаны были с тем, что это слово имело постоянно безударный первый слог, гласный которого подвергался редукции (то есть ослаблению).

Судя по неустойчивости орфографии, слово *чабан* осваивалось русским языком в течение XIX века, хотя первые случаи упоминания его (в форме *чобан*) отмечены еще в середине XVI века в «Книге посольской метрики Великого княжества Литовского». Следует отметить, что преемственности между этой ранней фиксацией XVI века и употреблением слова в русском языке XIX века не обнаружено.

Написание *а* в первом слове слова *чабан* (встретившегося у А. С. Пушкина), по-видимому, было вызвано влиянием южнорус-

ских говоров, ибо «русские военные переселенцы на Кавказе в основном были выходцами Воронежской, Тамбовской, Саратовской и Курской губерний, переселившимися в 30—40-е годы XIX века» (Б. Ф. Михайлов. Некоторые особенности языка русских военных поселян Тифлисской губернии, сборник ОРЯС, т. 89, № 2, 1911). Подтверждают это и данные старых словарей. Так, в «Опыте Областного великорусского словаря» (1852) находим первую лексикографическую фиксацию слова *чабан*. А. Д. Дмитриков, большой знаток этнографии Курской губернии, представил материалы для составления областного словаря. Среди других слов восточного происхождения, встречающихся в городе Судже Курской области, без указания на значение было и слово *чабан*.

В. И. Даль объясняет в «Толковом словаре живого великорусского языка» это новое слово как «овчий пастух, овчар, баранчик», делая помету юж[ное слово]. О распространении слова *чабан* в южнорусских диалектах свидетельствует также «Энциклопедический словарь издания Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона (СПб., 1903): «чабан (этногр.) в южной России так называется пастух для овец. Принадлежности его: гирлыга — длинная палка с крючком на конце для захвата овец за ноги, гайтан — пояс с висячим карманом (заман), щипчиками для вынимания у больных овец червей (джермела), рогом (для дегтя и синего камня, которым присыпают раны овец) и ножом».

Уже В. И. Даль отметил у слова *чабан* современное значение «овчий пастух», хотя старые словари отмечали для него лишь общее значение: *чабан* «пастух», например, «Карманный словарь иностранных слов» Н. Я. Гавкина (20-е изд., Киев, 1903); «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» (М.—Л., 1933). Специальные же словари дают слово *чабан* как синоним к ссыльному слову *овчар*, которое до появления слова *чабан* было единственным обозначением «работника по уходу за овцами» (см. «Сельскохозяйственный словарь-справочник». М.—Л., 1934; «Словарь-справочник по животноводству». М.—Л., 1935). «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дает промежуточное толкование: *чабан* — «пастух, преимущ[ественно] пасущий овец».

Слишком общие толкования слова *чабан* в старых словарях объясняются влиянием тюркского источника, ибо в тюркских языках слово *чобан*, по словам Н. К. Дмитриева, «является максимально абстрактным обозначением пастуха (пастух вообще)» (Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962).

В этимологической литературе утвердилось мнение, согласно которому персидское слово *чобан* в русский язык пришло через тюркские языки и, укоренившись в русском языке, претерпело замет-

ные изменения в звуковом облике. Переоформление персизма *шāбан*, *шобан* 'пастух' в *чабан* становится ясным, если обратиться к тюркским языкам, на почве которых начальное *ш* перешло в *ч*.

В древних тюркских языках в исконных словах *ш* не встречалось в начале слова, на что в свое время обратил внимание академик Ф. Е. Корш, который писал, «что *ш* в этом положении было чуждо турецкому праязыку за возможным исключением звуковых подражаний», хотя в современных тюркских языках *ш* в начале слова встречается довольно часто (Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», Известия отделения русского языка и словесности АН, т. 8, кн. 4, СПб., 1903).

Следует также обратить внимание на то, что преобразованию иранского *шупан* в тюркское *чобан* способствовало сближение иранского названия пастуха с древнетюркским титулом низкого ранга *чобан* 'помощник сельского старосты' (Древнетюркский словарь, Л., 1969). Подобный же титул обнаружил венгерский тюрколог Ю. Немет у печенегов (I. Németh, Acta Linguistica Academia Scientiarum Hungaricae).

Немаловажное значение при определении конкретного посредника передачи слова *чабан* в русский язык приобретает факт распространенности его в других языках, с которыми вступал в контакты язык-посредник. Ведь почти во всех языках тюркской группы это слово имеет примерно одинаковое оформление: в турецком, азербайджанском, гагаузском и у крымских татар — *чобан*, в туркменском — *чопан* (Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962).

При переходе слова *чабан* из тюркских языков в другие языки в роли посредника, по-видимому, выступал крымско-татарский язык, в котором имелась форма *чобан*. В такой же форме это слово встречается и в ряде языков Кавказа: в армянском — *чобан*, в грузинском — *чобани* и *чубан* в лезгинском. Слово *чабан* в оформлении, близком к турецкой форме, известно в албанском и румынском языках: *чобан*. Причем в болгарском языке в этом же значении употребляется другое слово — *овчар*.

В пользу нашего предположения, что слово *чабан* в другие языки перешло в тюркском варианте, говорит его звуковой облик и в молдавском языке — *чобан*. Вполне возможно, что в молдавский язык оно проникло от гагаузов, говорящих на своеобразном тюркском языке и живущих преимущественно в Молдавии.

О том, что слово *чабан* проникло в южнорусские говоры, а затем и в русский литературный язык через тюркоязычное посредство крымских татар, говорят два обстоятельства: во-первых, иноязычное слово *чабан* (в форме *чобан*) использовано А. С. Грибоедовым в «Путевых записках» во время поездки по Крыму; во-вто-

рых, форма *чобан*, отражающая старое написание, полностью совпадает с его соответствием в языке крымских татар. В языке известны случаи, когда ушедшее из языка слово возвращается в новом иностранном облике. Формы с *ч*, с *у*, встречающиеся в персидском языке *чубан*, *чупан*, очевидно, «происходят из тюркского источника» вследствие обратного заимствования» (G. Doerfer, *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*, Wiesbaden, Band III, 1967).

Анализ произведений художественной литературы, в которых использованы близкие по значению слова *пастух*, *овчар*, убеждает нас в мысли, что последнее было стилистически более сниженным по сравнению со словом *пастух*, которое относилось к межстилевой лексике. Как показывает «Словарь языка Пушкина», слово *пастух* встречается у А. С. Пушкина 33 раза. Видимо, поэтому А. С. Пушкин в своей повести «Путешествие в Арзрум» все время употребляет слово *пастух* в значении «тот, кто пасет овец». Вот некоторые примеры: «Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть-чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе»; «Я слышал лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а были шакалы, звери в той стороне обыкновенные».

Если распространителями слова *чобан* раньше выступали тюркские языки, то в этой роли сейчас выступает русский язык, уже ставший источником пополнения и развития других языков, и судьба слова *чобан* может служить ярким примером так называемого «бродячего слова», которое легко переходит из языка в язык, преодолевая большие расстояния и множество языковых границ, способствуя созданию так называемого «общего лексического фонда», во многих языках нашей страны (см. И. Г. Добродомов. Бродячие слова, «Русская речь», 1971, № 1).

Итак, слово *чобан* проникло в русский язык в первой трети XIX столетия из иранского через посредство одного из тюркских языков, по всей вероятности, через язык крымских татар. В русский литературный язык, как свидетельствуют данные лексикографии, оно пришло из южнорусских диалектов, носители которых вступали в экономические и культурные контакты с ближайшими к русским тюркоязычными народами. Появление общеупотребительного слова *чобан* в значении «пастух, пасущий стада овец», способствовало сужению значения слова *пастух*, которое сейчас употребляется в значении «тот, кто пасет скот».

А. У. УРУСИЛОВ
Махачкала

АВОСЬКА

Слово *авоська* — общеизвестное, общеходное, обозначает разновидность хозяйственной сумки. Его структурной и смысловой основой является словечко *авось*. В диалектной речи оно издавна имело производные: наречие *авоська* (то же, что *авось*), глаголы *авоськать* — *авосьничать* «полагаться на авось» и существительное *авоська*. Бытует *авоська* во многих среднерусских говорах и обозначает «желанный случай, счастье, удачу», а также определенное свойство человеческого характера и поведения — «слепую надежду на случай, счастье, удачу, упование на авось». В художественной литературе XIX века встречаем: «Как работник-от делает как-нибудь... да как хозяин-от на авоське на ярманку выезжает — добра не жди» (Мельников-Печерский. Красильниковы); «Беда, Володенька, в том, что мы слабы насчет „авоськи“». А как „авоська“ не вывезет, мы сейчас за ум беремся» (П. Гнедич. Песьи мухи).

Вокруг происхождения современного слова *авоська*, времени и путей его проникновения в общий язык сложились различные мнения.

По мнению Л. Борового («Путь слова». М., 1974): «Слово родилось в очередях; как уверяют некоторые мемуаристы, оно родилось не где-нибудь, а в коридорах Ленинградского Дома ученых в голодные годы, когда там выдавали пайки...». «Авоська» в новом предметном значении была особого рода развитием старого русского «авоськи». По этой версии появление слова относится к первым послереволюционным годам: академические пайки ученым выдавали с конца 1920 до весны 1922 года. Сомнительна, правда, его связь со «старым русским авоськой». Здесь скорее не внутреннее развитие диалектно-просторечного слова («надежда на удачу,

счастье' или 'удача, счастье, везение' → 'сетчатая хозяйственная сумка'), а самостоятельное структурное и смысловое образование: *авось* + субстантивирующий суффикс *-к(а)*, являющийся едва ли не самым ходовым в разговорной речи и присутствующий в однокоренных словах: сумка, кошолка, (продуктовая) сетка.

В романе А. Фадеева «Молодая гвардия» читаем: «Навстречу катился другой поток людей..., в который вливались с улиц... женщины-покупательницы со своими корзинками и сетками, прозванными досужими людьми „авоськами“». То, что писатель в середине 40-х годов решил высказать свое (неодобрительное?) отношение к *авоське* (не к предмету хозяйственного обихода, а к его наименованию), явно указывает на недавнее происхождение названия.

Третье мнение принадлежит народному артисту СССР А. И. Райкину: «Если хотите, назовите это тщеславием, но я горжусь своим открытием, еще никем не оцененным: неожиданно для себя мне удалось придумать новое слово. Лет тридцать пять тому назад... в моем эстрадном номере появился персонаж с продуктовой сеткой в руке. И по ходу действия мой персонаж говорил такие слова, показывая на сетку: „А это авоська. Авось-ка я что-нибудь в ней принесу...“. Авось-ка... Я и не предполагал в тот момент, что слово авоська так прочно примется народом... Авоська и авоська... Но потом незаметно это слово прилепилось к сеточке. Ее так и стали называть авоськой» («Литературная газета», 1970, № 14).

В языке буквально наперечет слова общего употребления, имеющие своего конкретного автора. Один из основных источников общелитературного языка — устная речь народа. Взглянем на утверждение А. И. Райкина с этой точки зрения.

Исполняя свой номер, артист на глазах у зрителей-слушателей прибегает к игре слов («А это авоська. Авось-ка я...»). Согласимся, что вроде бы бессмысленно в каламбуре отталкиваться от никому не известного («...мне удалось придумать...») слова. Значит, *авоська* — не совсем неизвестное слово? А если оно, допустим, все-таки было неизвестно, если оно придумано для публичного номера, где его внутренняя мотивировка? «Авось-ка я что-нибудь в ней принесу»? Но в таком случае почему артист публично нарек *авоськой* не какую-либо иную сумку, а компактную сумку, в виде сетки? Ответ напрашивается один: прикрепление данного слова к данному понятию (предмету) произошло не по воле артиста, независимо от него и до него. Предмет и слово *авоська* были еще мало известны и новы. Этой новизной он удачно и воспользовался.

Наконец, «Краткий этимологический словарь русского языка» (М., 1971) сообщает: «*Авоська* (разг., хозяйственная сумка из сетки)... С таким значением появилось и закрепилось в общенарод-

ном употреблении в 30-е годы XX в. Образовано от *авось*... посредством суффикса *-ка*. Первоначально обозначало хозяйственную сумку из мягкой сетки преимущественно для продуктов, которую удобно носить с собой в расчете на неожиданную и случайную покупку («авось что-нибудь да купишь»). В послевоенный период стало употребляться в значении «сумка из сетки».

Мнения — мнениями, а документальная жизнь слова — в текстах. К сожалению, мы не располагаем такими текстами, относящимися к 30-м годам. Но — в мае 1941 года слово *авоська* уже знает французский поэт Жан-Ришар Блок, гостивший в Москве. Смотрите в «Литературных воспоминаниях» В. Финка (1968): «— Где Маргерит? — Ушла... Очевидно, за покупками.— Из чего это видно? — Она взяла с собой... Ну, как у вас это называется... ле авдруг... Он имел в виду авоську». В 1942 году это слово находим в повести Ф. Гладкова «Малашино счастье»: «Больше было женщин с „авоськами“, мешками».

Итак, учитывая все эти факты, а также отсутствие *авоськи* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935) и в дополнениях к первым трем томам (т. IV, 1940), делаем вывод, что распространение этого слова — и притом только в устной речи — относится к предвоенному времени — к середине — второй половине 30-х годов. В 40-х годах оно укрепилось в литературном языке, став разговорным синонимом нейтрального слова *сетка*.

В 40-50-х годах слово *авоська* регулярно пишется в кавычках, подчеркивающих его недавнее происхождение, некоторую чужеродность нормированной речи: «То и дело к ним подходят красиво одетые женщины с „авоськами“, сумками и корзинами, наполненными разной снедью» («Строительная газета», 24 августа 1956).

Сигналом, свидетельствующим о завершении первоначального периода в жизни нового слова, обычно является его появление в словарях. Для слова *авоська* официальный «день рождения» падает на середину 50-х годов («Орфографический словарь», 1956; «Словарь русского языка», т. I, 1957). Вскоре *авоська* приобретает права наших обычных разговорных слов: «Заднее окошко было завалено авоськами и вялой зеленью» (В. Катаев. Святой колодец). По материалам картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР, *авоська* в литературных источниках используется даже чаще, чем *сетка* в том же значении.

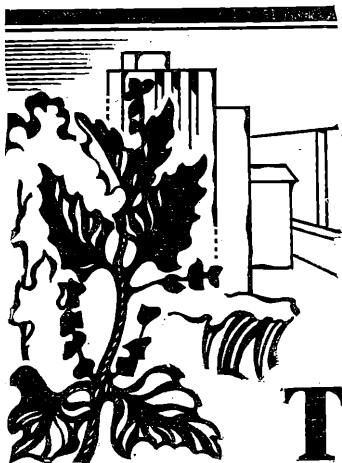
О потере словом «новизны» и полном принятии языком свидетельствует употребление его не только для обозначения предмета, но и соответствующей меры количества, объема (конструкция: *авоська* чего): «авоська днепровских раков» («Известия», 15 января 1970); «авоська пива» («Крокодил», 1970, № 5). Слово *авоська*

используется и в художественных целях — для создания метафорического образа: «Земля кружилась далеко внизу, словно подвешенная в авоське меридианов и параллелей» (Д. Гранин. Месяц вверх ногами); «Вращают ажурными шеями мощные краны, переносят в распахнутые трюмы увесистые „авоськи“ с грузами» («Правда», 13 января 1972).

Наконец, в своем развитии слово *авоська* приобрело новое, терминологическое направление: в профессионально-жаргонной речи моряков-рыбаков оно служит (по-видимому, с начала 60-х годов) для называния трала. «Что за рыба? — мучился сомнениями вахтенный штурман. — Попробуем, а? Соблазнился — трал пошел за борт. Но едва авоську вытащили на поверхность, чайки с криком заплюхались в воду» («Известия», 4 января 1972); «„Осмотрительный“ ложится на курс. Трал тащим около часа. Что-то окажется в огромной авоське?» («Правда», 9 июля 1972).

За два десятилетия *авоська* прошло путь от неологизма до привычного слова разговорного стиля литературного языка, обогатив его еще одним синонимом.

Е. А. ЛЕВАШОВ
Ленинград

ЛЕБЕДА

У милаго во садочке
росла трава лебеда;
Любил меня сердечный друг;
хоть я девка, молода...

А. И. Соболевский.
Великорусские народные
песни. СПб., 1898

Травянистое сорное растение из семейства маревых с листьями, часто покрытыми мучнистым налетом, имеющее в русских говорах названия: *марь*, *гусиная лапка*, *турецкий чернобыль*, *дикий шпинат* — особенно широко известно во всех славянских языках как *лебеда*, *лобода* в различных вариантах (сравните русск. *лебеда*, диал. *лобода*; укр., белор. *лебядка*; болг. *лобода*; сербско-хорват. *лобода*; словен. *lebéda*, *lóboda*;

польск. *lebioda*, *loboda*; чеш. *lebeda*; словац. *loboda*; верхне-луж., нижне-луж. *loboda*) (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967).

Растение *лебеда* имеет повсеместное распространение в Европе и Азии. Растет как сорная трава в садах, на огородах, встречается в посевах ржи: «Дикая серебристая *лебеда*, предвестница запустения и голода, заступает место тучных хлебов у старой проселочной дороги» (И. А. Бунин. Руда); «На заброшенных пустырях появилась зеленая *лебеда*, выросстал бурьян и всяческая сорная трава» (И. С. Соколов-Микитов. В каменной степи).

Многие дикорастущие растения носят разные названия в пределах одного языка, иногда даже в одном говоре, называясь то по определяющему признаку, то по назначению, то по сходству с чем-либо.

А почему слово *лебеда* имеет такую устойчивость, являясь во всех славянских языках наиболее распространенным названием одного и того же растения или разных его видов? Этому способствовало, видимо, практическое применение растения. Например, в летописи под 1092 годом сообщается об употреблении в пищу семян лебеды, когда во всей Киевской Руси случился неурожай хлебов: «Прохоръ... собираше лебеду и своима рукама истирая, хлебъ себѣ творяше... и сего ради прозванъ бысть лебедник» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. СПб., 1895).

Широкое применение находил «Лебедный хлеб» и в последующие эпохи. В голодные 1891—1892 годы хлеб и крупа из лебеды употреблялись во всей центральной, приволжской и восточной России. Тогда даже проводились опыты над усвояемостью лебедного хлеба.

Лебеда известна и в качестве лечебного средства от многих болезней. Так, в «Травнике» XVII века читаем: «Лебеда есть зелие студено и мокро ясти ея ино чрево умяхчает или у кого болит нотьгь прикладывати к бользни поможет»; также в лечебниках XVII—XVIII веков: «...когда ядом уязвится и будеть ясти червонную лебеду, оздровеетъ»; «Лебеду толченую смешавъ пресным медом прикладывать к ножному камчугу помогает». Про лебеду поется в народных песнях и былинах. Существует также поговорка: «То не беда, что во ржи лебеда».

Слово *лебеда* до сих пор не имеет общепринятой этимологии. Широко распространено мнение о том, что оно образовано от основы *Лѣб* — <*elb* (*лѣб* — <*olb*), родственной лат. *albus* 'белый' и сравните в нем. *elbis* 'лебеда'. Слова *лебеда* и *лебеда* считаются восходящими к общему корню со значением 'белый'. Вариантность *лѣб-ѣда*, *лѣб-ѣда* и *лѣб-ѣда* можно объяснить пред-

полагаемой ассимиляцией гласных еще в общеславянскую эпоху. При этом трудно объяснить прибавление суффикса *-ed-a* (*-od-a*), так как аналогичных образований в русском и других славянских языках не встречается. Данная этимология уязвима и со стороны семантической: ни сама лебеда, ни ее листья не бывают совершенно белыми, а большей частью она имеет серебристо-серый, иногда пестрый цвет (ср. украинское название лебеды — *мучник* — ‘как будто обсыпанный мукой’), не говоря уже о том, что встречается лебеда и с зелеными в крапинку листьями.

По другой, менее распространенной точке зрения, слово *лебеда* соотносится с литовским *balanda* ‘лебеда’, что также связано с трудностями фонетического характера (М. Фасмер).

Между тем еще А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» (т. 1, М., 1910—1914) приводил турецкое *лабада* ‘щавель’, указывая на трудности в объяснении отношения *лабада* к слову *лебеда*.

Н. К. Дмитриев в статье «О тюркских элементах русского словаря» в отделе «Тюркизмы, требующие дополнительной документации» писал: «Лебеда. В „Codex Cumanicus“ *алабуга* (Dopen). В татарском и других *алабота* — ‘лебеда’. Возможно, что русское слово переделано из татарского с отпадением начального безударного *a* (см. слова *лошадь* и *лачуга*). Производить же это слово от *лебеда* едва ли возможно» («Лексикографический сборник», вып. III, М., 1958).

Действительно, в „Codex Cumanicus“, замечательном памятнике половецкого языка 1303 года, обнаруженном в библиотеке великого итальянского поэта Возрождения Петрарки, слово *алабуга* подано со значением ‘лебеда’.

Названия *лебеды* в тюркских языках и их диалектах встречаются в нескольких вариантах: тат. *алабуга* ‘лебеда’ (Татарско-русский словарь. М., 1966); башк. *алабуга* (Башкирско-русский словарь. М., 1968); казах. *алабота* (Русско-казахский словарь. М., 1954); каракалп. *алабота* (Каракалпакско-русский словарь. М., 1958); кумык. *алабота* (Кумыкско-русский словарь. М., 1969); ногайск. *алабота* (Ногайско-русский словарь. М., 1963); кирг. *алабата* (Киргизско-русский словарь. М., 1965); диал. *алабото*, *алабалта* (Ж. Мукамбаев. Диалектологический словарь киргизского языка, т. 1, Фрунзе, 1972); узб. *олабу́га* (Узбекско-русский словарь. М., 1959); новоуйг. *алануга* (Уйгурско-русский словарь. М., 1968).

Популярно слово *лебеда* и в тюркском фольклоре. Оно отмечено, например, в киргизских пословицах и поговорках: «Алабата шорго бутет, акмакка сакал бутет» («лебеда растет на солончаке, борода — (и) на дураке»); «жер куураса, алабата чыгат» («когда земля истощается, вырастает лебеда»). Случайна ли близость меж-

ду славянскими и тюркскими названиями лебеда? Если мы имеем здесь дело с заимствованием, то в каком направлении оно шло?

Некоторые исследователи склонны видеть в тюркском *алабота* заимствование из русского *лебеда*. Но по своему фонетическому облику тюркское слово не может быть объяснено из русского слова. Сравните тюркские формы, которые действительно заимствованы из русского языка: алтайское *лебеда* (Русско-алтайский словарь. М., 1964); якут. *лебеда* (Русско-якутский словарь. М., 1968); тувинск. *лебеда* (Русско-тувинский словарь. М., 1953); а также гагаузск. *лббода*, связанное с молд. *лббодэ* 'лебеда' (Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973). Бурят-монгольское *альбадаа* 'лебеда', которое не имеет сходных форм в других монгольских языках, также нельзя считать заимствованным из русского и оно, видимо, восходит к какому-либо тюркскому источнику (Русско-бурят-монгольский словарь. М., 1954).

К тому же этимология тюркского слова, как нам представляется, убедительнее объясняет семантическую сторону вопроса: тюркск. *алабота* (алабута) — это очевидное сложное слово с первой частью *ала* 'пестрый'. А вторую часть слова известный финский лингвист Мартти Рясänen объясняет из *бота* 'верблюжонок', то есть *ала+бота* 'пестрый верблюжонок' (M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. т. I. Helsinki, 1969). В последнем случае следует усматривать здесь какую-то символику (ср. тюрк. *алабуга* 'окунь', *ала* 'пестрый'; *буга* 'бык', 'пестрый бык'), хотя окунь тоже, казалось бы, с быком никакой связи не имеет.

В фонетическом отношении слово *лебеда* можно поставить в ряду таких тюркизмов, как *лошадь* (из тюрк. *алаша*); *лафа* 'удача' (из тюрк. *алафа* — то же); *лачуга* (из тюрк. *алачуге*), в которых отпал начальный гласный *а*. Последние два из этих слов в древнерусском употреблялись и с начальным *а* (*о*): *алафа*, *олафа*; *алачуга*, *олачуга*. Ненапряженный согласный *т* в тюркском *алабуга*, *алабота* мог быть воспринят как *д*.

При исконной этимологии слова *лебеда* (в связи с латинским *albus* 'белый') остаются необъясненными южнославянские формы с *ло-* (вместо ожидаемого *ла-*), но в тюркизме это объясняется легко. Фонетическое варьирование, которое мы видим в *лебеда*, *лббода*, *лобуда*, чаще всего характерно для заимствованных слов. Вопрос этот требует еще дальнейших разысканий как на славянской, так и на тюркской почве.

А. ЖАРИМБЕТОВ

«Кричали
женщины:
ура!
И в воздух
чепчики
бросали!»

Кому не знакомо это шутливое выражение из комедии Грибоедова «Горе от ума», передающее восторженный прием, который оказывали русские женщины «к любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам», воинам, овеванным славою Двенадцатого года? Эта фраза сделалась крылатой и уже в 1830 году Пушкин в «Метели» при описании аналогичной ситуации пользуется ею: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы... Время незабвенное! Время славы и восторга... Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали».

Принято считать, что смысл крылатой грибоедовской фразы очевиден и особых комментариев не требует, что здесь налицо вариант известного выражения «*Кидать, бросать в воздух шапки*» (*шляпы*) в знак ликования, что переосмысление, привнесение оттенка иронии, насмешки достигается заменю *шапок* женскими *чепчиками*.

Однако при изданиях комедии в прошлом веке можно встретить необычное пояснение этой фразы. Так, в издании 1875 года сказано, что стихи

Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,—
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

«указывают на энтузиазм москвичей вообще и москвитянок в осо-

бенности при посещении Москвы прусским королем Фридрихом III» (редакция полного текста, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым). И хоть в комедии Грибоедова часто находим вполне конкретные указания на определенные обстоятельства и лица, намеки, которые лишь со временем утратили свою злободневность, все же в данном случае комментарий 1875 года не может нас удовлетворить.

В русской литературе есть примеры описания восторженных встреч, оказываемых военным не только в Москве и отнюдь не в связи с посещением Москвы прусским королем. Вспомним, как встретили известие о прибытии уланского полка в Тамбов его обитательницы в «Тамбовской казначейше» Лермонтова:

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать...

Но возможно, что во времена Грибоедова выражение *бросать в воздух чепчики* имело и иной, дополнительный смысл, теперь утраченный, смысл, навеянный французским фразеологизмом *jeter son bonnet par dessus les moulins* (в буквальном переводе: бросить свой чепец через мельницу, а в переносном — не обращать внимания на молву, на общественное мнение, поступать по велению своего чувства, пренебрегать светскими приличиями и условностями). Сделать такое сопоставление подсказывает нам фразеологический словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии». Правда, автор фразеологического словаря грибоедовскую реплику прежде всего рассматривает как вольное употребление фразеологизма *На воздух шляпы кидать* и французскую поговорку приводит лишь для сравнения, но, на наш взгляд, такое сравнение заслуживает внимания.

При первом же свидании с Софьей Чацкой отмечает характерную черту общества — говорить не иначе, как по-французски: «Здесь нынче тон каков? На съездах на больших, по праздникам приходским Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским?». В комедии встречаются и другие французские обороты в русском переводе. Так, Фамусов пытается объяснить ненормальное, с его точки зрения, поведение Чацкого как можно более деликатно, с помощью русифицированного французского оборота «*Il n'est pas dans son assiette*» (он не в духе): «Любезнейший! Ты не в своей тарелке. С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров». В комментариях И. Д. Гарусова указывается: «Пословица *ты не в своей тарелке* только что вошла в употребление в высшем кругу после Отечественной войны, вместе с французским языком», Аналогичное французское выражение предлагает

для сравнения и Словарь Михельсона: *Не в своей тарелке* — «в дурном, не в хорошем расположении духа». Этот фразеологизм теперь обрусел и признан литературным (см. 17-томный Словарь, статья «Тарелка»).

Фразеологизм *Забросить чепец через мельницу* бытовал в дворянско-аристократической среде. Это можно подтвердить литературными примерами, правда, довольно редкими. В романе Л. Толстого «Анна Каренина» княгиня Бетси Тверская дважды говорит о чепцах, переброшенных за мельницы: «...Разговор остановился на Лизе Меркаловой...»

Скажите, пожалуйста, что такое ее отношение к князю Калужскому...

Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядела на Анну.

— Новая манера,— сказала она.— Они все избрали эту манеру. Они *забросили чепцы за мельницы*. Но есть манера и манера, как их забросить»; в другом месте романа: «В меня кинут камень, я знаю,— сказала она,— но я приеду к Анне... И действительно, она в тот же день приехала к Анне, но тон ее был уже совсем не тот, как прежде. Она пробыла не более десяти минут... и при отъезде сказала:

— Вы мне не сказали, когда развод. Положим, я *забросила свой чепец через мельницу*, но другие поднятые воротники будут вас бить холодом, пока вы не женитесь». Это выражение также встречается в «Архиве графини Д **» А. Н. Апухтина: «С его матерью [матерью Кости Неверова.— Н. П.] я была знакома в молодости, она и тогда уже начинала пошалить; но когда она *бросила свой чепец через мельницу*, я перестала ее видеть» (письмо 47).

Из приведенных примеров видно, что выражение *забросить чепец через мельницу* означало полное забвение светских приличий, пренебрежение общественным мнением во имя личных увлечений.

Ушли и преданы забвению великосветские жаргонизмы и самый фразеологизм перестал существовать вне породившей его стихии, вне утраченного этикета. Теперь связь французского оборота с грибоедовским выражением нами не ощущается, но, возможно, во времена Грибоедова оно имело двойной (и злободневный) смысл. Вспомним, что ирония Чацкого по ходу пьесы является ответом на рассуждения Фамусова:

Его Величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!

.

Словечка в простоте не скажут,— все с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят потки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.

Вот почему, как нам кажется, комментатор Гарусов и связал (не вполне удачно) бросание чепчиков в воздух с приездом Фридриха III. Монолог Чацкого является непосредственным ответом и реакцией на слова Фамусова, где речь шла о конкретном эпизоде, в котором Чацкий увидел отражение целого явления в общественной жизни своего времени.

Н. В. ПОПОВА

ЖЕРЛЯНКА

Весной, в апреле или начале мая если вы пойдете вечером мимо старого пруда, то услышите, как далеко в вечернем воздухе раздается очень своеобразный звук, нечто вроде: «У-у-к!» или «У-у-нк!». Это «поют» лягушки-жерлянки. Интересно, почему эта лягушка так названа — *жерлянка*? Выделив в имени существительном суффикс *-янка*, мы получим корень *жерл-*, который не может быть непосредственно соотнесен с современным словом *жерло*, например, жерло пушки.

Глагол *жрать* (в древности он не носил того отрицательного эмоционального оттенка, который он носит сейчас) был связан с тремя именами существительными, имевшими общее значение: *горло*, *жерло* и *жерело*. Все они означали 'горло'. Эти имена существительные очень древние, они существуют во всех славянских языках.

Любопытно, что в русских говорах мы наблюдаем некоторую тенденцию к их географическому распределению. Слово *горло* тя-

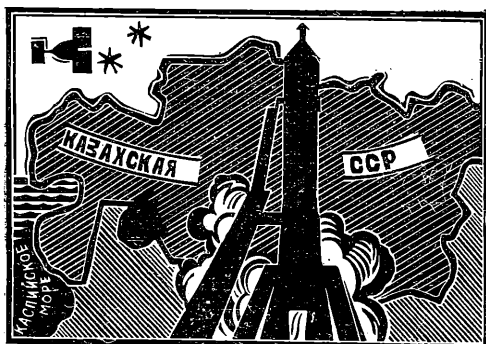
готеет к севернорусским говорам, а *жерло*, *жерело* — к южнорусским. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля *жерело* — «горло, зев, открытый рот, пасть» (южн., вост., нижегор., брян., калуж.). В Словаре современного русского народного говора (М., 1969) *жерело* — «горло» (ряз.); *жерэлб* «большой широкий рот» (брян.) (П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973). Эти формы отсутствуют в севернорусских говорах. Сравните еще *ожерелье* «то, что надевается на шею (на горло)».

Уже в глубокой древности слова *горло*, *жерло* и *жерело* имели переносное значение «голос». Сравните древнерусское *горло* «голос», *горлистый* «громогласный» (И. И. Срезневский); современное русское литературное *горластый* «крикливый, с крикливым голосом», *горлан* «тот, кто горланит, крикун»; *горлан* «петух» (подмосковное) (А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969); *горлатый* «сильно кричащий, горлан» (псков.) (Картотека Псковского областного словаря); *горловитый* «вздорный, любящий кричать» (перм.) (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852); *горлач* «горлан» (калин.) (Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972); *горлач*, *горлаш* «крикун, плакса (о детях)» (урал.) (Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964).

В том же значении «голос» употреблялись и слова *жерло*, *жерело*. Сравните древнерусское *жерело*, *жьрло* «голос»: «Возопихъ *жерломъ* великимъ» (в тексте библии) (то есть «Вскричал громким голосом»); «Возопи *жерломъ* Исавъ» (И. И. Срезневский). В том же значении мы встречаем слова *жерло*, *жерело* в современных русских говорах: *жерелб* «горлан». «Он ратáстай, ар'бт и ар'бт... *жьр'алб*» (рязан.) (Словарь современного русского народного говора); *широкое жерело* «о сильном, звучном голосе» (нижегор.) (Словарь русских народных говоров, вып. 9); *жерело* «крикливый и обычно глупый человек» (калуж., южн., вост.) (там же); производные глаголы и имена: *жерелить* «кричать, браниться» (калуж., южн., зап.) (там же); *жерелистый* «горластый, с хорошим голосом» (орл., курск., калуж.) (там же); *жереластый* «горластый», *жерелан* «тот, кто слишком громко говорит, кричит, горлан» (рязан.) (Словарь современного русского народного говора).

Таким образом, из глубокой древности у слов *жерло*, *жерело* сохранялось значение «голос, громкий голос». Именно это значение и отражено в названии лягушки. *Жерлянка* в переводе на современный язык «крикунья». Слово возникло где-то на территории южнорусских говоров (смоленское *жерлянка* «лягушка») (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914), а затем уже из народного языка было введено в научную терминологию и проникло в литературный язык.

В. А. МЕРКУЛОВА

БАЙКОНУР

Еще лет десять-пятнадцать назад это географическое название (топоним) было известно немногим. До последнего времени нельзя было обнаружить этот топоним и в географических словарях. Его нет в «Краткой географической энциклопедии» (М., 1960) и в «Энциклопедическом словаре географических названий» (М., 1973). Но вот в «Словаре географических названий СССР» под редакцией М. Б. Волостновой (М., 1970) можно прочитать: «*Байконур*, пос. Джездинского района Карагандинской области...» (ныне Джездинский район вошел в новую, Джезказганскую область).

Пусть нас не смущают два написания: Байконур и Байконыр. В тюркских языках встречаются обе формы. Они отражают соответственно устный и письменный варианты казахского слова.

В наше время во всем мире знают Байконур. Отсюда стартовал в космос первый человек — Юрий Алексеевич Гагарин. Это было 12 апреля 1961 года. С тех пор с космодрома Байконур космические корабли не раз поднимались ввысь. Название Байконур стало обычным в газетах, на радио, телевидении, не говоря уже о специальной литературе. И в последнем, третьем издании БСЭ (М., 1970) находим справку о Байконуре, как одном из крупнейших космодромов Советского Союза.

Естествен интерес к происхождению названия Байконур. Слово это образовано сложением *бай* + *конур* (*коныр*). Слово *бай* происходит из тюркского и означает 'богатый, богач, разнообразный, прекрасный, тучный'. Оно фиксируется и словарями русского языка как вошедшее

в нашу лексику из тюркской в значениях 'богатый земле-владелец, собственник больших стад скота, богатый купец'.

Слово *конур*, *коныр* требует более подробного рассмотрения. В «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) *конур* — 'рыжеватый, каштановый, коричневый, каурый'. В известном словаре тюркских наречий В. В. Радлова (СПб., 1899) *қонур*, *қоңур*, *қоңыр* — 'каурый, серый, грязного цвета'. Отсюда и наше *каурый* (о масти лошади каштановой, светло-гнедой, желто-рыжей окраски), на что указывают многие словари русского языка (см., например, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и «Словарь русского языка» в 4-х томах). При заимствовании заднеязычный *н* оказался выпавшим как чуждый фонетике русского языка.

В «Словаре казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева (Алма-Ата, 1963) нет Байконура, но можно найти ряд топонимов со словом *коныр*: Коныр, Конырадыр, Коныржал, Конырколь, Конуркуджа, Конырорпа, Конырсай, Конырсу, Коныртау, Коныртобе, Коныртубек, Коныршоқы. И всюду автор исходит из прилагательного в значении 'темный': Конырсу 'темная вода (река)', Коныртау 'темная гора' и т. д. Написание *конур* у этого автора не встречается.

В недавно опубликованном «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» Е. Койчубаева (Алма-Ата, 1974) есть обе формы: *коныр* и *конур*, которые имеют три значения: 1) бурый, темный, темно-бурый; 2) название травы; 3) этноним (название народа) или антропоним (личное имя или фамилия). Впрочем, второе и третье значения автор помечает звездочкой, что указывает на спорные и недо конца выясненные этимологии. Тем не менее он пишет: «Не подлежит сомнению, что большая часть топонимов с компонентом *конур* восходит к этнонимам и антропонимам». Отсюда Байконыр — 'богатый коныр (этноним)'.

Этнонимы в составе географических названий обычны во многих топонимических системах. Вспомним хотя бы Париж из названия галльского племени паризии, Армянск в Крыму, Татарск в Новосибирской области, Братск (правильнее Бурятск) в Иркутской области, озеро Хиргис-Нур (Киргизское озеро) в Монголии, Моголтау в Таджикской ССР. В последние годы выяснилась следующая закономерность: наибольшее количество этнонимов в составе географических названий встречается там, где существует или существовала разветвленная родо-племенная структура. Казахстан как раз относится к таким областям.

В дельте Амударьи, в Каракалпакской АССР, лежит город Кунград (каракалпакский оригинал Конырат). Конечно, нельзя видеть в этом *-град* славянское *град, город*. Топоним Кунград связывают с этнонимом *конгырат* (один из двух основных племенных подразделений каракалпачков). Такой же этноним встречается и в составе казахских родо-племенных имен. По-каракалпакски *конгыр* — ‘караковый’ (серый), *ат* — ‘конь’, ‘лошадь’. В этом случае *конгырат* можно было бы осмыслить ‘бурая, темная, серая лошадь’. Однако каракалпакский топонимист К. Абдимуратов считает, что *ат* не ‘лошадь’, а аффикс множественного числа (Почему так названо? Нукус. 1970).

Таким образом, *конур* — этноним. Связан ли он с обозначением цвета — *коныр*? Возможно, что эти два слова восходят к одному источнику. Известно, что названия народов нередко возникают по какому-нибудь признаку, в том числе цвету кожи, волос, глаз и т. д. Это гипотеза. Однако вспомним половцев, тоже тюркский народ, название которого происходит от древнерусского *половь* ‘светло-желтый’. Ср. наше современное *половый* ‘желтый, соломисто-желтый, бледный’.

Если остановиться на этимологии: *коныр, конур* ‘бурый, темный’, то топоним Байконур окажется эллиптическим (неполным): ‘богатый, темный’...». Определяемое существительное усечено, что вполне допустимо; все топонимические системы включают такие названия.

Здесь приведены две версии, остановимся еще и на третьей. Обычно названия животных и растений широко представлены в топонимии. По мнению Е. Койчубаева, *конур* — ‘название травы’, в казахском языке *конырлык* — ‘растительность с преобладанием полыней’. В. В. Радлов считает, что *конырай* — ‘степь’. Для сравнения приведем и киргизское *конур баш* ‘мятлик луковичный’ (К. К. Юдахин. Русско-киргизский словарь. М., 1965). Действительно, этот знак обычен в пустынных степях Казахстана.

Как видно из сказанного, тюркское слово *коныр, конур* полисеманлично (многозначно). Поэтому и трудно отдать предпочтение той или иной этимологии топонима Байконур. Здесь приведены три возможных решения: 1) богатый конур (этноним), 2) богатый, темный (с усеченным определяемым) и 3) богатая, тучная степь; место, богатое разнообразной полынно-злаковой растительностью.

Доктор географических наук
Э. М. МУРЗАЕВ

АСТРАХАНЬ

Областной центр Нижнего Поволжья город *Астрахань* известен по упоминаниям средневековых авторов с первой половины XIV века. Посетивший его в 1333 году арабский путешественник Ибн Баттута писал об Астрахани как о довольно значительном торговом центре. Зимой 1395—1396 годов Астрахань была сильно разрушена Тимуром и оправилась после этого не скоро: итальянец А. Контарини, посетивший в 1476 году Астрахань, говорил о ней как о небольшом городе лишь со славой былого центра транзитной торговли, о чем в XIV веке писал также итальянец Франческо Бальдуччи Пеголотти. Постепенно *Астрахань* не только восстановила свое прежнее положение, но и пережила новый расцвет, особенно после упадка столицы Золотой Орды — знаменитого Сарая.

Расположенный на перекрестке важнейших торговых путей, город получил загадочное название, которое слегка изменялось в устах представителей разных народов и привлекало к себе внимание многих лиц, писавших об Астрахани. Трудно даже бегло перечислить все разнообразные попытки, объясняющие истоки географического названия *Астрахань*, тем более что главнейшие гипотезы подробно рассмотрены в моей статье «Происхождение названия *Астрахань*» в третьем выпуске сборника «Ономастика Поволжья» (Уфа, 1973). Следует только указать, что многие прежние этимологии топонима (географического названия) *Астрахань* не могут быть признаны удачными, потому что их авторы обычно стараются установить происхождение этого старого слова, исходя лишь из современной формы *Астрахань* и не учитывая многообразия старых форм. А между тем эти формы существенно менялись в разное время у разных народов, знакомых с географией Нижнего Поволжья.

Из всех многочисленных этимологий названия *Астрахань* наиболее убедительной следует признать этимологию Ибн Батту-

ты. Это самая старая из известных нам попыток объяснить происхождение топонима *Астрахань*, к тому же она исходит из древнейшей арабской формы названия города: *Хадждж-Тархāн* (в передаче русскими буквами). Ибн Баттута о названии этого города писал следующее: «*Тархāн* значит у них 'место, изъятое от податей'. Город этот получил название свое от тюркского *хаджи* (паломника), одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно, и оно стало деревней, потом оно увеличилось и стало городом» (Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et de D-r B. R. Sanquinetti, t. II, Paris, 1854, pp. 410—411; в русском переводе: В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884). Записанное Ибн Баттутой предание о происхождении слова *Хадждж-Тархāн* (Астрахань) в связи с первым поселенцем этой местности и первым владельцем поселения долго жило в Нижнем Поволжье: оно неоднократно повторялось у последующих исследователей и путешественников, причём имя первопоселенца обычно подновлялось в соответствии с изменением названия города. Например, немецкий путешественник Адам Олеарий в своем описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно в первой половине XVII в. (1-е издание вышло по-немецки в 1647 году) указывал: «Полагают, что название Астрахани произошло от того, что князь, построивший этот город и первый обладавший им, назывался Астра-Хан (Astra-Chan), см. «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием». Перевел с немецкого Павел Барсов. М., 1870. Все более поздние формы получились из первоначальной *Хадждж-Тархāн* путем устарения своеобразного начального арабского согласного *x*, оглушения аффрикаты *дж* в *ч* и последующего перехода последней в *ш* (ср. появление на русской почве произношения местоимения *што* вместо старого *что*) и далее в *с^б* и *с*. Ряд форм получился в результате вставки *и* между *дж* и *т* и сохранения звонкости у звуков, появившихся на месте *дж* (*й* или *з^б*). Конечная часть названия — *тархан* вела себя так же, как аналогичная часть названия древнерусского города на Таманском полуострове *Тъмуторокань* (см. об этом топониме статью в № 5 «Русской речи» за 1973 год). Не случайно составители Никоновской летописи под 1554 годом пытались доказать тождество *Астрахани* и *Тъмуторокани*. Такое формальное сопоставление названий и позже фигурировало, например, в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» (ч. I. М., 1788) Л. М. Максимовича, в «Географическом словаре Российского государства» А. Щекатова (ч. I, М., 1801).

и даже сейчас в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова (М., 1966).

Количество разных этимологических толкований все время возрастало. Уже наш крупный историк и географ первой половины XVIII века Василий Никитич Татищев в своих работах приводит и разбирает четыре различных толкования, из которых следует упомянуть этимологию в его «Введении к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (1744): «...великие нагаи жили около Астрахани по Волге и Яику, ханы их жили в Астрахани, и назывался оной ходжи-хан, тархан, которое значит или князь самовольный, неподсудный, или с арапского благочестивая вольность» (В. Н. Т а т и щ е в. Избранные труды по географии России. М., 1950).

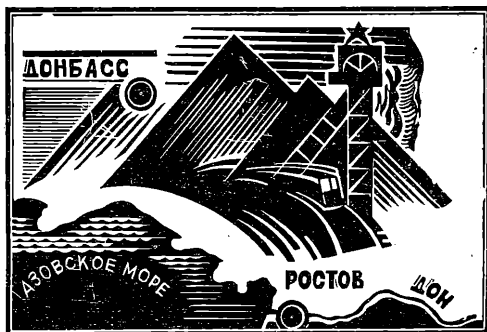
В последнее время неоднократно высказывались соображения в пользу выделения в топониме *Астрахань* названия народа *асы* (*ясы*) и титула *тархан* (причем лишь последнее, безусловно, справедливо, а первый элемент *ас*, восходящий к другому титулу — *хадждж* (*и*), только вторично и случайно сблизился с этническим наименованием *ас* (*яс*) в результате изменения названия *Хадждж-Тархан* на болгарско-мишарской почве в *Ас-тархан*. Важно заметить, что из *Ас-тархан* не могло получиться *Хадждж-тархан*. Зато другое направление развития (*Хадждж-тархан* → *Ас-тархан* → *Астархан*) хорошо документировано разными памятниками письменности.

Следует помнить, что раньше топонимы *Астрахань* и *Тьму-торокань* употреблялись в мужском роде, как и названия *Сибирь*, *Тюмень* у А. Н. Радищева (П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953). Одно из последних подобных употреблений обнаруживается в черновой редакции «Путешествия Онегина» у А. С. Пушкина: «торговый *Астрахань* открылся...».

Торговая слава Астрахани запечатлена в названиях некоторых предметов: в их наименование обычно включается прилагательное *астраханский*. А в целом ряде языков Европы и Азии географическое название Астрахань (с небольшими фонетическими изменениями) превратилось в обычное обозначение меха каракуля.

И. Г. ДОБРОДОНОВ

«Подземная» топонимия Донбасса

«Подземной» топонимии Донбасса свойственна исторически сложившаяся многоименность большинства его угольных пластов. Для обозначения этого явления в геологической литературе с XIX века утверждается термин *синонимика* или *параллелизация* (отождествление) их названий. *Синонимические* ряды названий угольных пластов Донбасса в массе своей многочисленны. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего — большой изменчивостью свойств одного и того же угольного пласта, в одном месте дающего антрацит, в другом — пламенный уголь, в третьем — коксовый и т. д., а также сложностью их залегания, что приводило в прошлом исследователей недр бассейна (Ле-Пле, Г. П. Гельмерсона и других) к пессимистическому выводу о невозможности отождествления угольных пластов и их названий даже для одного и того же ограниченного района. Кроме того, характер залегания угольных пластов еще в XIX веке (до начала работ по детальной геологической съемке Донбасса) был изучен крайне слабо, а отсюда один и тот же пласт по мере его промышленного освоения обрастал новыми именами. Наконец, определенную роль в появлении *синонимических* рядов в подземной топонимии Донбасса сыграло то обстоятельство, что разработка его недр в дореволюционный период велась хищнически и бессистемно не только на крупных каменноугольных копях, но и на многочисленных крестьянских шахтах — *копанках* и *дудках*. Этим объяснялась и крайняя неупорядоченность самого процесса называния разрабатываемых пластов. Для примера приведем *синонимический* ряд названий только для одного из пластов среднего отдела: *Атаман, Аршинка № 2, Грязный, Желтый, Красавчик, 2-й Лисичанский, Марийка, Мейн, Надорловский, Николаевский, 2-й Орловский, Податаман, Северная Аршинка, Солёный и Солёныйкий*, Некоторые плас-

ты имеют и более протяженные синонимические ряды, состоящие из более чем двадцати наименований.

Подземная топонимия Донбасса отличается не только многочисленностью входящих в нее названий, но и тем, что большинство из них являются весьма своеобразными, нигде больше не встречающимися образованиями, что особенно заметно при сравнении их с молодой подземной топонимией Кузнецкого бассейна, промышленное освоение которого началось лишь с 10-х годов XX века.

Подземная топонимия Донецкого бассейна стала складываться не ранее 80—90-х годов XVIII века, когда началась промышленная разработка Лисичанской угольной ломки (в балке Лисичьей) для нужд Луганского литейного завода, административно-технический персонал которого вначале целиком состоял из англичан. К этому времени относится появление названий пластов английского происхождения: *Мейн* (англ. main 'главный'), *Сплинт* (ср. англ. splinter 'осколок', уголь пласта ломался большими кусками), *Чери* (ср. англ. cherry 'вишня', добывавшийся из этого пласта уголь имел красноватый оттенок), *Рау* (ср. англ. raw coal 'необогатенный уголь'). Указанные имена составляют хронологически самую раннюю группу в подземной топонимии Донбасса.

Названия отражают разные свойства угольных пластов. С этой точки зрения подземная топонимия бассейна делится на несколько разрядов. Один из них состоит из многочисленных названий, характеризующих особенности залегания, степень протяженности, угол падения, геологическое состояние пласта, его положение относительно других близлежащих пластов: *Беглый* (пласт то исчезает, то появляется снова), *Верхний*, *Верхний Бераль* и *Нижняя Мария* (расположенные под пластами *Бераль* и *Мария*), *Двойник*, *Крутой*, *Надбераль* (находящийся над пластом *Бераль*), *Подалмазный* (под пластом *Алмаз*), *Податаман* (под пластом *Атаман*), *Подмаз* (под пластом *Мазурка*), *Спутник* (сопутствующий другому, основному пласту), *Средняя Мария* и *Средний Бераль* (расположены между пластами *Верхняя Мария* и *Нижняя Мария*, *Верхний* и *Нижний Бераль*), *Тройник* (имеющий тройное сложение), *Южная Аршинка* (к югу от одноименного пласта *Аршинка*, толщиной в аршин), *Мазурка* (он же *Мазур*) и многие другие. Пласты с именем *Мазурка* имеют крутые углы падения, из-за чего передвигавшимся по забою шахтерам приходилось делать движения, напоминающие танцевальные па. Л. Рейснер, посетившая в 20-е годы в одной из шахт Горловки забой *Мазурка*, писала, что люди в нем «выплясывают... фантастические фигуры, висят над пустотой на тонких перекладинах» (Собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1928, стр. 264).

Названия, значения которых отразили различные физические и химические свойства добываемого угля: твердость или рыхлость — *Алмаз (Алмазный), Корунд, Рассыпной, Рыхлый* и т. д.; наличие или, реже, отсутствие в угле каких-либо сопутствующих ему примесей (известняка, камня, соли, воды, газов и т. д.) — *Грязный, Жмыховый, Известнячка, Каменка, Кременница, Песчанка, Плакуха, Соленый* и т. д. Названия, в значениях которых отразились различные цветовые оттенки и зрительные впечатления от угля: *Коринка* (уголь бурого цвета, цвета коры), *Баклажанка* (уголь блестящий, как баклажан), *Бураковка, Кирпичевка, Красавчик, Красняк, Лысый* (уголь в пласте блесстит).

Наименования, указывающие на размеры пласта: *Аршинка, Баснословный, Великан, Куцый, Толстый (Толстая Жила), Узенький*. Названия, указывающие на область промышленного использования угля: *Бессемеровский, Коксовый, Кузнечный*. Имена, образованные от названий шахт, рудников: *Петровский* (пласт разрабатывался шахтой «Петр»), *Девятка* (разрабатывался шахтой № 8—9 в Горловке) и т. д. Названия, в основе которых лежат фамилии бывших владельцев шахт, рудников или земельных участков, на которых велась разработка того или иного пласта: пласт *Косова*, пласт *Наследышева* и т. д. Наименования, образованные от географических имен: *Княгининский* (первые работы по этому пласту были начаты в деревне Княгиневке), *Парамоновский* (балка Парамонова), пласт *Синей Сколки* (урочище Синяя Сколка).

Интересной чертой наземной и подземной топонимии Донбасса является широкое употребление в ней в качестве названий шахт и угольных пластов *личных имен* без добавления к ним каких-либо суффиксов. Сравните, например, в отрывке из статьи геолога Я. Самойлова (1906): «С осени 1892 г. на третьем горизонте жилы *Варвара* стали вести квершлаг на жилу *Вера*... Возникло сомнение в тождестве встреченной жилы с *Верой*, и поэтому первую (т. е. встретившуюся жилу, или пласт — *Е. О.*) назвали *Степаном*. Но уклонение оказалось незначительным, и признано было, что *Степан* и *Вера* — одна и та же жила (...). Чернышев полагает, что *Варвара* и *Степан* представляют части одной и той же жилы и что *Варвара* есть скользящая к СЗ (т. е. к северо-западу — *Е. О.*) *часть Степана*» (Материалы для геологии России, т. XXII). Связанные между собой личные имена в роли названий угольных пластов встречаются на целом ряде участков подземной топонимии Донбасса. Сравните наименования рядом расположенных пластов тощего антрацитистого угля в балке Сухой Ольховой — *Надежда, Вера, Николай, Анна, Мария, Варвара, Ольга*; пласты в урочище Долгом (в районе села Селезневки) — *Мария, Поликсена и Елизавета* (название одного пласта); *Вера, Николай, Зинаида*;

пласты в районе станции Лутугино — *Григорий, Иона, Сергей (Серж), Василий, Александр* и т. д. Однако чаще всего личные имена в роли названий пластов угля выступают как единичные образования, например, *Анастасия* (он же *Анастасиевский*), *Артур, Ванда, Давид, Иосиф, Кирилл, Клавдия, Мария, Мария Чудная, Никанор, Сергей* (он же *Сергиевский*), *София, Николай* (он же *Николаевский*) и другие.

Причины появления таких названий различны. Часть из них возникает как посвящения и связаны с личными именами конкретных лиц, другие тождественны с названиями шахт, их разрабатывающих. Последний тип связи имел место, например, при возникновении названия угольного пласта *Фауст* (на левом берегу реки Лугани вблизи села Варварополье в прошлом веке была шахта «Фауст»). Наконец, третий источник накопления названий данной разновидности: одиночное имя или группа названий типа *Иван, Мария* и т. д. обрастали другими аналогичными образованиями (сравните приведенное выше свидетельство о появлении названия *Степан* в отрывке из статьи геолога Я. Самойлова). Такие имена, возникшие по аналогии с другими личными именами в роли названий угольных пластов, появившимися раньше, имеются на всех участках скопления названий рассматриваемого типа. Разумеется, такие топонимы могли появляться и самостоятельно, в одиночку — после того, как на угольных предприятиях бассейна утвердился обычай подобного называния пластов. Гораздо реже сходного типа словопроизводство имело место на иной основе, не связанной с личными именами. Так, например, в районе расположения нескольких пластов с именем *Мазурка* по аналогии с ним появляется название пласта *Полька*.

Следующую группу составляют топонимы, своими значениями указывающие на время обнаружения и эксплуатации тех или иных пластов. Среди них преобладают составные названия с определением *Новый* (или составной частью *Ново-*): *Новая Лисица, Новоаршинка*; редки названия типа *Старый, Старуха*. В особую группу можно объединить подземные топонимы, не входящие ни в одну из указанных выше рубрик, многие из которых имеют индивидуальную историю, например, *Миллионный, Слава, Сюрприз, Пропито* (украинская форма страдательного причастия; право на разработку этого пласта, или *жилы*, в прошлом было кем-то пропито).

Наконец, среди названий угольных пластов имеется немало имен неясного происхождения (*Атаман, Бераль, Валюга, Веснянка, Вожишка, Гадючья, Кандибирка, Сорока, Сорочиха, Султан* и другие). Будущим исследователям подземной топонимии Донбасса еще многое предстоит сделать для объяснения их истоков.

Е. С. ОТИН

РУССКИЕ СЛОВА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Влияние русского языка советской эпохи на лексику болгарского языка начинается с победы Великой Октябрьской социалистической революции. Новая общественно-политическая и научная терминология проникает из русского языка в болгарский многими, невидимыми на первый взгляд, путями и усваивается сравнительно быстро и легко, благодаря глубокому родству обоих языков. После Девятого сентября 1944 года, когда Болгария пошла по пути социализма, влияние русского языка советской эпохи на болгарский язык не только утвердилось, но и расширилось.

В этой статье представлена история нескольких слов и словосочетаний в болгарском языке.

БРАТУШКА

«Здравствуйте, братушки!» — этими словами народный поэт Иван Вазов приветствовал русских братьев, освободителей от турецкого рабства. Слово *братушка* стало символом нерушимого единства болгарского и русского народов. Для болгар оно всегда свежо, молодо и жизненно, как наша дружба.

Слово *братушка* (болгарское *братушка*) в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» дано как ласкательное существительное. Это слово болгары слышали от русских еще во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. В летописи Жендо Вичова мы встречаем это слово в таком контексте: «Ей *братушка* ний пропадит турки» (Эй, братушка, мы победили турок). Слово *братушка* окончательно закрепляется в болгарском языке в период освободительной русско-турецкой войны 1877—

1878 годов. Благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу, оно становится очень подходящим для выражения любви и признательности болгарского народа к русским солдатам-освободителям. В русском языке *братишка* — просторечное слово, а в болгарском *братушка* принадлежит к разговорно-бытовой лексике и употребляется преимущественно в форме множественного числа. Изменилось и значение слова — его используют для ласкового названия русских солдат. Метафорическим путем слово расширяет свое лексическое значение в болгарском языке, приобретая новое понятие, которого оно не имело ранее. Его быстрое усвоение болгарским языком объясняется двумя причинами: знакомыми словообразовательными элементами (сравните болгарские слова *вихрушка* — ‘вихрь’, *градушка* — ‘град’, *ваклушка* — ‘овца с черными пятнами около глаз’) и острой необходимостью в таком слове, которое бы выражало горячую любовь болгар к русскому солдату-освободителю. Существительное *братушка* проявляет большую устойчивость и жизнеспособность в лексике болгарского языка. Обычно слова, вошедшие в этот язык в связи с каким-нибудь конкретным событием, за короткое время получают широкое распространение, но вскоре их употребление постепенно сужается до полного забвения. Совсем другая судьба у слова *братушка* — его жизнь продолжается уже более столетия, и оно по-прежнему активно используется в болгарском языке.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции значение существительного *братушка* значительно расширилось: оно стало синонимом слова *красноармеец* и словосочетания *советский гражданин*.

Для нас, болгар, *братушка* — милое и дорогое слово, вошедшее прочно в наш родной язык. Им мы выражаем свою любовь ко всему русскому, ко всему советскому.

КОМБАЙН

Со значением ‘сельскохозяйственная машина, которая одновременно жнет и молотит’, английское слово *комбайн* вошло в лексику русского языка в начале 30-х годов нашего столетия (см. З. А. Оразова. Из истории слова *комбайн*. — «Филологические науки», 1966, № 3). Раньше эту сложную сельскохозяйственную машину называли описательно — *жней-молотилкой*.

Из русского языка слово *комбайн* попадает в болгарский. В газете «Поглед» («Взгляд») (24 августа 1930) под фотографией напечатано пояснение — «Комбайн в поле». Так как в это время у нас не было такой сельскохозяйственной машины, процесс усвоения слова в нашем языке шел значительно медленнее, чем в рус-

ском языке. В газете «Поглед», освещающей успехи Советского Союза в социалистическом строительстве, существительное *комбайн* встречается много раз. В номере за 13 июня 1931 года напечатана статья, в которой рассказано об устройстве комбайна: «Комбайнът (комбинираната жътваровършачка) е машина, която силно намалява разноските и времето за прибиране на реколтата» (Комбайн — комбинированная жнея-молотилка — это машина, которая сильно сокращает расходы и время уборки урожая). Здесь обращает на себя внимание объяснение значения слова *комбайн*. В № 30 «Поглед» 1933 года под фотографией комбайна напечатан следующий текст: «Колона от комбайни (земяделски машини, които едновременно жънат и вършеят) в Кавказ» [Колонна комбайнов (сельскохозяйственных машин, которые одновременно жнут и молотят) на Кавказе]. Эти объяснения показывают, что долгое время существительное *комбайн* сохраняется в нашем языке как новое слово (неологизм), значение которого все еще не усвоено всеми читателями газеты.

В русском языке существительное *комбайн* впервые включено в «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова (1934), из которого узнаем, что сначала слово *комбайн* употреблялось для названия только одного вида сельскохозяйственной машины, а позже его значение было расширено, например, *комбайн* для добычи угля. До Девятого сентября 1944 года слово *комбайн* употреблялось в болгарском языке для названия только одного вида сельскохозяйственной машины. Впервые это слово было включено Георгием Бакаловым в «Словарь иностранных слов» в 1939 году со следующим пояснением: «селскостопанска машина, комбинация на жътварта и вършачка; едновременно жъне и вършее» (сельскохозяйственная машина, комбинация жнеи и молотилки; одновременно жнет и молотит).

Несмотря на то, что до Девятого сентября 1944 года в Болгарию не ввозили комбайнов, их название получило очень широкое распространение. В тот период нашего общественного развития слово *комбайн* стало символом успехов в области механизированного сельского хозяйства в Советском Союзе. Яркий пример овладения словом *комбайн* широкими крестьянскими массами приводит Георги Караславов в своей повести «Селкор» («Селькор»): «Когато спомена за комбайните, Казака трепна като опарен и насмалко щеше да извика: „Знам ги!“ Не се съзве и се позасрами, като че ли беше го казал» (Когда упомянул о комбайнах, Казак вздрогнул, как обожженный, и чуть не вскрикнул: «Знаю их!». Но взял себя в руки и застыдил, как будто сказал это).

А когда для нужд сельского хозяйства были доставлены из Советского Союза первые комбайны, число которых с каждым го-

дом увеличивалось, слово *комбайн* стало необходимым и утвердилось в лексике болгарского языка.

С развитием новой сельскохозяйственной техники появляются и новые названия, такие, как: *картофелеуборочный комбайн*, *кукурузоуборочный комбайн*, *свеклоуборочный комбайн*, *хлопкоуборочный комбайн* и другие. Слово *комбайн* превращается в компонент сложных (описательных) названий, а позже входит в состав таких сложных слов, как *кукурузокомбайн*, *свеклокомбайн*, *силажокомбайн*, *кукурузосилажокомбайн*.

Все эти слова представляют собой технические термины и включаются в специальную лексику. Однако как в русском, так и в болгарском языке эти названия из терминологической перешли в общеупотребительную лексику.

ТРУДОВ ДЕН

После 9 сентября 1944 года чрезвычайно активизировалось употребление словосочетания *трудоу ден* (трудовой день) в значении 'день, результаты труда которого полностью принадлежат обществу'. История этого словосочетания приводит нас к началу 30-х годов, когда партийные организации начали проводить трудовые воскресники. Одно из первых известий о «трудовой повинности в пользу Рабочей партии» напечатано в № 18 (26 октября 1930) газеты «Поглед». Но этот номер газеты был конфискован полицией. В № 19 (29 октября 1930) была перепечатана та же самая фотография, но с другим текстом: «*Трудов ден* в полза на Работническата партия» (Трудовой день в пользу Рабочей Партии). Прилагательное *трудоу* и существительное *ден* относятся к бытовой лексике болгарского языка. Как свободное словосочетание, они употреблялись и раньше, а в 30-е годы превратились в компоненты устойчивого словосочетания с определенным лексическим значением. *Трудоу ден* возникает на болгарской языковой почве, но нельзя отрицать и влияние русского словосочетания *трудовой день*.

В 1930 году словосочетание *трудоу ден* было все еще новым, не вполне усвоенным в языковой практике, однако в следующие один — два года оно утверждается в словаре прогрессивно настроенных болгарских рабочих, крестьян и интеллигенции. Широкой известности словосочетания способствовала газета «Ехо» («Эхо», 1930—1934) — орган Болгарской Коммунистической партии, в которой регулярно печатались корреспонденции о проведенных трудовых днях. Трудовые дни являются показателем высокого пролетарского сознания крестьянских масс, способствуют развитию у трудящихся чувства коллективизма, сплоченности. Добровольный и

бескорыстный труд в пользу общества имеет огромное воспитательное значение. Так понимали мы *трудоу ден* в 30-е годы, так воспринимаем его и сегодня.

ЧЕРВЕНУШКИ

Слово *червенушка*, образованное от прилагательного *червен* (красный) и суффикса *-ушк-*, известно в народной речи давно и принадлежит разговорной лексике болгарского языка. В толковых словарях болгарского языка так определяется значение этого слова: 1) гриб с красной шапкой; 2) лесная птица с красной окраской; 3) сорт красного винограда (только в некоторых диалектах).

В 1919 году существительное *червенушка* приобретает еще одно значение, не отмеченное в толковых словарях. С ноября 1919 года Димитр Полянов (под псевдонимом М. Морянин) начал публиковать в газете «Работнически вестник» («Рабочая газета») злободневные стихи с ярким политическим содержанием, называемые *червенушками*. Сам автор отмечает: «Тоя род политически злободневки имаха голям успех и думата *червенушка* стана нарицателна за политическо стихотворение... Много от червенушките бяха писани по поръчка или указание на тогавашните другари редактори: Хр. Кабакчиев, В. Коларов и Г. Димитров» (Этот род политических злободневных заметок пользовался большим успехом, и слово *червенушка* стало нарицательным именем политического стихотворения... Многие из червенушек были написаны по поручению или указанию тогдашних товарищей редакторов: Хр. Кабакчиева, В. Коларова и Г. Димитрова).

Существительное *червенушка* в значении 'злободневное политическое стихотворение' — семантический неологизм. Автор берет известное слово и вкладывает в него новое содержание (не исключена возможность, что слово могло возникнуть и самостоятельным путем). Переосмысление существительного *червенушка* произошло под влиянием русского слова *частушка*. Из обычного народного слова *червенушка* оно превращается в литературный термин, получивший в свое время широкое распространение среди прогрессивных слоев нашего народа. И хотя в последующие годы это слово постепенно уходит из активной лексики (что было связано с утратой самого литературного жанра), оно все же свидетельствует о влиянии русского языка на болгарский, влиянии, начавшемся еще в эпоху Возрождения и продолжающемся в наши дни.

РУСИН РУСИНОВ,
декан филологического факультета
Великотърновского университета
Болгария

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В РАБОТАХ БОЛГАРСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

В Болгарии, как и в нашей стране, в последнее десятилетие лингвистическая литература о культуре речи вышла за узкие рамки круга специалистов: вопросы стиля, произношения, лексического и грамматического строя языка широко обсуждаются в болгарской печати.

Написаны десятки статей и отдельных книг, разрабатывающих вопросы культуры речи, поскольку, как пишет Димо Димов, «борьба за высокую культуру речи — это часть всеобщего культурного подъема» («Словното излишество» (плеоназмът). София, 1971), наступившего после освобождения Болгарии, это один из важнейших элементов всей социалистической культуры.

Расскажем о наиболее интересных работах последних лет, большинство из которых адресовано широкому кругу читателей. Можно назвать книги Стефана Стефанова Брезински «Языковой паблон» и «Языковая культура»; сборники статей Михаила Вьгленова «За правильную речь» и Димо Димова «Словесные излишества»; фундаментальный труд Любомира Андрейчина «Языковые тревоги» и разнообразные статьи в сборнике «Вопросы языковой культуры».

Неизменен интерес болгарских лингвистов к актуальным и разнообразным проблемам письменного языка и языковой практики.

Фундаментальной в этой области (из последних изданий) является работа Л. Андрейчина, которая иллюстрирована богатым конкретным материалом, содержит многочисленные критические наблюдения и необходимые теоретические выводы.

Основополагающими в теоретическом отношении являются главы «Язык и культура», «Язык и революция», «Язык и эстетика», «Влияние народного и книжного языка на формирование современного литературного болгарского языка».

Чрезвычайно интересны наблюдения автора в области правильного употребления слов и выражений, замечания о словооб-

разовательных моделях и других вопросах грамматики, которые дают богатый материал пытливому и наблюдательному читателю. Глава «Борьба за чистоту родного языка продолжается» глубоко полемична и эмоциональна (недаром книга Л. Андрейчина названа тоже далеко не нейтрально — «Языковые тревоги»), автор страстно, эмоционально, заинтересованно пишет о различных процессах в современном болгарском языке.

Болгарская лингвистика уделяет пристальное внимание и анализу жаргонизмов, которые справедливо трактуются Т. Бояджиевым как сложное языковое и социальное явление, связанное нередко с возрастными и психологическими особенностями молодежи, в среде которой обычно и бытуют жаргонизмы.

Каждому из нас передается богатый и звучный болгарский язык — сокровище нашей национальной культуры, пишет автор, поэтому наша задача — помочь молодежи разбудить в себе слух к красоте и многообразию болгарских языковых средств, помочь ей усвоить языковые литературные нормы, воспитать вкус к художественной литературе, направить всю духовную, интеллектуальную, практическую деятельность молодежи на строительство социалистического общества.

Безусловный интерес представляет в этом отношении и книга К. Попова «Культура поведения» (София, 1973), где вопросы речевой практики рассматриваются в общем русле с этико-моральными проблемами воспитания молодого поколения.

Книга посвящена целому кругу вопросов этики и культуры поведения молодого поколения наших дней. И культуре речи в этой книге автор отводит существенное место. Он активно участвует в борьбе за совершенствование языка, приводит интересные примеры живой разговорной речи, этой, по словам Л. В. Щербы, «кузницы всех изменений языка».

«Священный язык моих дедов» — так называется раздел о культуре живой повседневной речи наших современников. «Всякая эпоха имеет свои особенности, свой этикет. Хорошее слово непреходяще, надежно стоит над всякой человеческой модой» (Кирил Попов. Культурное поведение, София, 1973).

Очень правильна мысль К. Попова, что в воспитательных традициях наших народов всегда существовало уважение к хорошему слову. Воспитание в молодом поколении народных этических традиций позволяет формировать ту подлинную интеллигентность, которую нельзя приобрести поверхностным соблюдением правил хорошего тона. Культура речевой практики играет здесь очень важную роль, помогает созданию нравственных основ в характере человека. Слово — главное орудие в воспитательной работе учителя. Высокая речевая культура педагога, его живая, образ-

ная речь вызывают самые положительные эмоции у учеников. Уже то, как учитель приветствует своих учеников перед началом занятий, определяет эмоциональную атмосферу аудитории.

Работа по воспитанию культуры речи у детей, воспитанию навыков мышления и умения правильно выразить мысль безгранично интересна и благодарна.

«Сегодняшний наш литературный язык стоит на таком этапе развития, который позволяет ему занять равное место среди других славянских языков — богатый, многообразный, точный, он является материалом для создания истинно художественных произведений, для создания новой социалистической культуры», — эти слова Л. Стоянова сочувственно цитирует автор книги. Священный язык наших дедов, как болгарский, так и русский, требует бережного к себе отношения, и наш долг сохранить его в чистоте для наших внуков.

Книга Кирила Попова дидактична в самом хорошем смысле этого слова. В ней подкупает горячее желание автора помочь подрастающему поколению Народной Республики Болгарии овладеть богатой культурой своего народа и наследовать лучшие его традиции в культуре поведения и, в частности, в культуре речи. Ведь еще Ж. Ж. Руссо говорил, что «воспитание детей должно дать сердцам народную форму и так направлять мнения и вкусы, чтобы стали они патриотами по страсти и необходимости».

В послевоенное время у нас появилось немалое количество своих и переводных книг, посвященных вопросам культуры поведения. В большинстве из них описываются правила хорошего тона, и очень мало или почти ничего не сказано о правильной и красивой речи. А ведь именно правильная речь — основной признак нашей культуры. Книга К. Попова приобретает особую ценность потому, что вопрос о культуре поведения представляет одну из задач социалистического воспитания.

Одна из многочисленных рецензий, которыми болгарская общественность откликнулась на появление брошюры Кирила Попова, называет ее «книгой для всех», то есть для всех болгарских читателей. Рекомендую ее советскому читателю (приятно было бы видеть ее в русском переводе), можно расширить адресат: эта книга для советского исследователя — филолога, психолога, социолога, педагога, — который найдет в ней интересные примеры и наблюдения, почерпнутые автором из сегодняшней болгарской действительности.

*Л. Б. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
Н. И. ХРЕНОВА*

ЛИСТАЯ УЧЕБНИК

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Эту маленькую церковь из белого камня называют чудом русского искусства. Она стоит на возвышении при слиянии Нерли и Клязьмы, вдали от города и людей на фоне бесконечного неба и сливающегося с ним простора, являя миру совершенную красоту соединением простоты и величия, внешнего смирения и внутренней гордости.

Храм поставлен Андреем Боголюбским в 1164 году в честь победы над Волжской Болгарией и в память о сыне, погибшем в этом сражении.

Среди множества легенд в форме чудес, откровений и видений, возникших еще в Византии в пору раннего христианства, есть одна, повествующая о том, как богородица сняла с головы своей пурпурный покров и раскинула его над молящимися в знак особой милости к людям.

Символика образа переплетается с метафоричностью языка. Само слово *покров* значило не только 'покров, покрывало', но и 'защиту, заступничество': «беспокровнымъ

покровъ (то-есть беззащитным защита), обидимымъ заступникъ» — читаем в Ипатьевской летописи под 1288 годом. Современный язык сохранил это значение в слове *покровительство*. Христианский праздник покровы богородицы символизировал именно защиту, покровительство богородицы. Создание храма с таким названием означало, что отныне покровительницей Владимиро-Суздальской Руси становится богородица. Возможно, образ богородицы привлекал князя и чисто человеческой чертой — страданием матери, сын которой был обречен на смерть.

ХРАМ ВОЗНЕСЕНИЯ Одним из красивейших памятников русской старины является храм Вознесения в селе Коломенском под Москвой (теперь село Коломенское входит в черту города). Чтобы понять название храма, надо познакомиться с одной из основных христианских легенд. Но прежде всего несколько замечаний о форме и значении слова *вознесение*.

В древнерусском языке предлог и приставка *възъ* (*воз*) имели значение 'вверх'. Глагол *възносити* и отглагольное существительное *възнесение* в древнем языке употреблялись в самом конкретном значении 'поднимать вверх', 'поднимание вверх'. В современном языке ближе всего к ним — но уже в отвлеченном употреблении — образования с усилительной приставкой *пре-*: *превозносить*, *превознесение*. При переводе древнего *възносити* мы должны будем использовать как раз современное *превозносить*: «Не лиши хлѣба нища мудра, не вознеси до облакъ богатаго безумна» (не лишай хлеба нищего мудреца, не превозноси до облаков богатаго дурака) (из Слова Даниила Зоточника по спискам 16—17 веков).

Теперь о наименовании храма. Полное его название — храм Вознесения Христа (или спасителя, или господя). По христианской легенде Иисус Христос был рожден девою Марией на земле и жил на земле тридцать три года. Проповедуя свое учение, он собрал много сторонников. Но богатые фарисеи ненавидели его и предали в руки властей. Приговоренный судом к смерти, он умер, прибитый (по римскому обычаю) гвоздями к кресту. После смерти по велению бога-отца был поднят, «вознесен», ангелами на небо. В «память» об этом чуде церковь учредила праздник вознесения. За многовековую историю христианства на Руси было построено много церквей с этим названием.

УСПЕНСКИЙ СОБОР До наших дней дошло много храмов с таким названием: церковь Успения на Торгу в Новгороде, церковь Успения на Подоле в Киеве, Успенский собор во Владимире, церковь Успения на Пароменье в Пскове, Успенский собор в Звенигороде, Успенский собор в Ростове Великом, Успенский собор Московского кремля и другие.

Ставились эти храмы в память успения богородицы (реже какого-нибудь другого святого), — так назывался один из ранних христианских праздников, отмечался он 15 августа по старому стилю.

Слово *успение* в древнерусском языке означало и 'сон, засыпание', и 'смерть, кончину'. Второе значение как раз и представлено в названии праздника и в названии храма. Вот несколько примеров из памятников письменности: «Феодосии игумень... преставися (умер), скажемъ же о успеньи его мало (немного расскажем о его кончине)» (Повесть временных лет под 1074 г.). Соответственно те же значения 'уснуть' и 'скончаться' были и у глагола: «Се-го ради (ради этого) хсъ усну на крест» (Слово о Христе и Адаме. 1414); «Имъ же обычаи усыпальную братию ту (то есть тут, здесь) погрѣбати» (Житие Феодосия. XII век).

Возможность представить состояние смерти через состояние сна понятно и современному сознанию: с одной стороны, «спал как убитый», «спать мертвым сном», с другой — «уснуть вечным (непробудным) сном», «уснуть навеки». Для религиозного сознания это было и философски оправданно. С христианской точки зрения, человек не умирал, а только переходил из одного мира в другой, вечный и лучший. Душа его, освобожденная от плоти, предстала перед богом, чтобы дать ответ о добрых и плохих делах, которые он совершил на земле. Человек не исчезал, с ним происходила только перемена, изменение, превращение или, употребим древнерусское слово, *преставление*. Глагол *преставиться* как архаизм употребляется и теперь. Этимология слова особенно прозрачна в его полногласной форме *переставитися*: «Переставися рабъ бжии Германъ» (Новгородская I летопись под 1188 годом).

В современном языке в значении 'умерший' все еще встречается слово *усопший*. *Уснѹлая* говорят о неживой, мертвой рыбе. В некоторых говорах, когда в хозяйстве умирает корова, говорят: «Корова уснула».

Теперь понятно, почему место погребения, захоронения мертвых называлось в старину *усыпальницей* или *усыпа-*

тельницей: «А внѣ града есть *усыпательница* гораздо сдѣлана (красиво, искусно сделанная) въ той же *усыпательницѣ* лежать святии отци въ тѣлѣ, яко живи» (Хождение Даниила игумена. XIII век).

Усыпальницами великих князей и царей часто служили храмы. Так, Успенский собор Рязанского кремля (XV век) служил усыпальницей рязанских князей. Усыпальницей великих князей Московского княжества, а позднее русских царей является Архангельский собор Московского кремля. Царь Борис Годунов, например, похоронен в семейной усыпальнице Годуновых в Троице-Сергиевском монастыре.

Н. В. ЧУРМАЕВА

Без устали. А есть ли усталъ?

Процесс формирования категории наречия за счет других частей речи ставит лингвистов перед рядом актуальных грамматических проблем. Одной из них является проблема отграничения предложно-падежных форм имени существительного от наречия. Опубликованные работы «В тупик» («Русская речь», 1970, № 1), «С предлогом под» («Русская речь», 1973, № 1) — это поиски пути к решению этого вопроса. В этой статье рассматривается конструкция *без устали*, довольно часто встречающаяся в языковой практике. К конструкции *без устали* исследователи относятся по-разному: одни считают, что *усталь* — имя существительное (С. Е. Крючков), другие сомневаются в использовании его как самостоятельной единицы, как имени существительного (В. В. Данилов) или же считают его окказиональным (отступающим от обычного, общепринятого) образованием, а не устойчивой, полноправной единицей. Есть исследователи, воспринимающие конструкцию *без устали* и как наречие. Н. М. Шанский, автор-составитель «Этимологического словаря русского языка», считает правильным слитное написание этой конструкции, как это сделано в «Словаре современного русского литературного языка». В. Ф. Иванова утверждает: «Именно традиционностью объясняется раздельное написание приставок в наречиях, например: *в обнимку, без устали, за границей, в насмешку, на цыпочки, на лету, на скаку, на глазок, с разбегу* и т. п.» (В. Г. Вет-

вицкий, В. Ф. Иванова, А. И. Моисеев. Современное русское письмо. Пособие для учителей, 1974).

Действительно, что же собою представляет слово *усталь*, если оно в языковой практике, не исчезло ли оно и на каком основании входит в конструкцию *без устали*: как падежная словоформа при предлоге *без-* или же как морфема в сочетании с префиксом *без-*, ставшая уже наречием?

Толковые словари современного русского языка так объясняют значение существительного *усталь*: «то же, что *усталость*» с пометами «обл., устар., нар.-поэт.» («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова), «устар. и простор.» (17-томный «Словарь современного русского литературного языка»).

Фактический материал позволяет установить, что *усталь* использовали в своих произведениях более 45 авторов, в их числе и такие советские писатели, как М. Горький, С. Есенин, А. Каравяева, В. Кожевников, Ю. Нагибин, Б. Полевой, С. Сергеев-Ценский, А. Сурков, А. Твардовский, В. Тендряков, А. Н. Толстой, К. Федин, Д. Фурманов и другие.

1. Слово *усталь* (как и существительное *усталость*) имеет систему падежных форм (примеры даны со словом *усталь* и для сравнения — с существительным *усталость*): «Помила *усталь* в поясице, Дрожмя дрожали пальцы рук...» (Твардовский. Григорий Пулькин); «Не зная *устали* и жалоб, Мы время меряем трудом» (Татьяничева. Не зная устали и жалоб); «Чтоб не застили ночные тени Путь солдатской пуле и штыку, Сами приравняли мы к измене *Усталь* и окопную тоску» (Сурков. Знаю — ты тоскуешь, дорогая); «Одурманенный жаркой теплотою хаты и *усталью*, Давыдов беспросыпно проспал часа два» (Шолохов. Подвятая целина); «...при всякой невзгоде, *при устали* и грусти вспоминалась родная столица» (Герцен. Станция Едрово); сравните: «*Усталость* брала свое» (А. Гайдар. В дни поражений и побед); «Пот градом катился с него, но он не чувствовал *усталости*...» (Серафимович. На льдине); «Только теперь Леонтьев почувствовал *усталость*» (Паустовский. Встречный огонь); «Уже за полночь, сломленный *усталостью* и пережитым потрясением, уснул, сидя за сельсоветским столом» (Шолохов. Подвятая целина).

2. Слово *усталь* (как и существительное *усталость*) может при себе иметь самые разнообразные определения: «Думаю, дорогая, что *ваша физическая усталь*, ваше утомление исключительно результат вашего нравственного утомления и беспокойства за Веру» (Ц. Кюп. Письмо М. С. Керзиной 23 декабря 1914); «*Серая усталь*, пустота исцеляли Степаново лицо» (Шолохов. Тихий Дон); «... и люди вихрем носились вокруг него *до последней устали*, до изнеможения...» (Нагибин. Трудное счастье); «С глазами, красными от

дорожной усталости, нечесаный и пыльный, он кричал на Семена» (Кочин. Девки); «И знал стрелковый батальон, Сквозь смерть идущий третью ночь, Что, позабыв покой и сон, Он *злую усталость* гонит прочь» (Сурков. Вождь); «И снова, ломая *свинцовую усталость*, отряд двинулся в путь» (Жоновалов. Истоки); «В эту минуту Озеров впервые почувствовал, как он устал за два последних месяца — *тяжелой солдатской усталостью*» (Бубеннов. Белая береза); «Но не в этой усталости дело: дело в том, что я теперь поглощен хорошей мыслью...» (Г. Успенский. Письмо В. М. Соболевскому); сравните: «*Страшная усталость* овладела Григорием, едва он вышел на улицу» (Шолохов. Тихий Дон); «В то время не было ни одного дома в Москве, где бы не танцевали при всяком удобном случае, *до полной усталости*» (Куприн. Юнкера); «Слегка припухшие глаза смотрели хмуро, с *суровой усталостью*» (Шолохов. Тихий Дон); «Проголодавшиеся, в *приятной усталости*, какую дает зима, они добрались до ресторана» (Федин. Санаторий Арктур).

3. Слово *усталь* (как и существительное *усталость*) не только может распространяться родительным падежом существительного и местоимения в беспредложной конструкции (ее усталь, усталь последних дней, усталь сердца, усталь тела, усталь дневной работы, усталь исподлобного взгляда), но и само может входить в состав как глагольного, так и именного словосочетания и стоять в родительном падеже (минуты устали, время устали, звоном устали). Например: «Нельзя идти, стремясь к добру, На труд общественного дела, Поэтизируя хандру, И *усталь сердца, усталь тела*» (Огарев. Юмор); «В первый раз за все время разговора улыбнулся Каледин, смягчив хмурую *усталь исподлобного взгляда*» (Шолохов. Тихий Дон); «Григорий ушел в горницу, легко неся налитое сладостным *звоном устали* тело» (Шолохов. Тихий Дон); «*Какие минуты устали и отчаяния!*» (Герцен. Концы и начала. Письмо третье). Сравните: «Пожаловался на неприятную погоду, *на усталость сердца...*» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

4. Управление словом *усталь* (как и существительным *усталость*), входящим в состав глагольных или именных словосочетаний, может быть беспредложным и предложным. При предложном управлении используются предлоги: *без, до, из, от, после, с, на, несмотря на, сквозь, про, в, при*. «Я люблю *без сна и устали*, В милом городе моем, Сердце друга рядом чувствуя, До зари бродить, вдвоем» (Матусовский. Молчание); «Не она ли, Наталья, ежевечерне с рвением, *до устали*, молитвы творила, а что толку?» (Бахметьев. Мать); «Эта трусливость перед деревней слагается *из внезапной устали*, одолевающей вас, из страха перед вашим бессилием и, к чести вашей, из капельки стыда» (Г. Успенский. Из деревенского дневника); «Шли, еле волоча ноги, раскачиваясь *от устали*

и распирившей суставы боли» (Шолохов. Тихий Дон). Сравните: «Спорили до усталости и расходились за полночь» (Панаев. Литературные воспоминания); юнкера «чуть не падали от зноя, усталости и жажды» (Куприн. Юнкера).

Слово *усталь* (как и существительное *усталость*) входит в состав как предикативных словосочетаний, выступая в роли подлежащего: *усталь стала брать, усталь распространяется, усталь бежит, видна усталь, ломила усталь, сказалась усталь, усталь выходит, подкрадывалась усталь*, так и непредикативных, причем не может связываться с главным словом способом примыкания.

Слова *усталь* и *усталость* могут входить в состав однородных членов предложения как подлежащее и дополнение (почудились какая-то надорванность, большая тревога и *усталь*; слагается из внезапной *устали*, из страха, из капельки стыда, наводит тоску, раздражительную *усталь*; сравните: в голосе скорбь и *усталость*; после жаркого дня и великой *усталости* выкупался).

Все сказанное позволяет установить, что слово *усталь* является существительным и имеет свое определенное значение, равное значению существительного *усталость*: оно имеет систему падежных форм, может иметь при себе согласованное определение и распространяться существительным или местоимением в родительном падеже. Кроме того, *усталь* может быть организующим центром словосочетания, выступая в роли главного или зависимого слова (при предложном или беспредложном управлении). И наконец, может быть как второстепенным (дополнением), так и главным членом предложения (подлежащим), причем в любом случае существительное *усталь* не утрачивает своего основного лексического значения.

А. С. ДЫМСКИЙ

Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление.

В. Г. Белинский. Карманный словарь иностранных слов

Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, не грамотей, а дух народа . . .

В. Г. Белинский. Карманный словарь иностранных слов

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСКУССТВЕ УСТНОЙ РЕЧИ...

М. П. Щекин из Вологды справедливо выступает против педантичности, искажений, «уродования» русского языка по радио и телевидению. Однако надо сказать, что наши дикторы, чтецы, актеры и другие мастера художественного слова стремятся к образцовому произношению, к правильному образованию грамматических форм.

Но ведь по радио и телевидению выступают не только дикторы и актеры, а также и врачи, агрономы, инженеры, колхозники и представители многих других профессий. Телезритель должен относиться к их речи снисходительнее. Нельзя считать эту речь образцовой, не у них надо учиться.

Требуется повседневное внимание к своей речи, а также к речи собеседников. Нужно в необходимых случаях наводить справки в пособиях по произношению, в словарях.

М. П. Щекин приводит примеры неправильных ударений. Тут с ним надо полностью согласиться. Надо произносить *цѣнтнер*, *дбллар*, *современный*, *одновременный* (хотя допустимо и *одновре- менный*).

Что касается слов *договѣр*, *договѣры*, то русская образцовая речь знает именно такое ударение. Ср. у Пушкина: «Племенъ ми- нувшихъ договѣры...». Так произносят дикторы. Однако бытовая разговорная речь давно приняла ударение *дбговор* — *дговорѣ*. И с этим нельзя не считаться.

Современный актер должен знать и *договѣр* — *договѣры* и *дб- говор* — *дговорѣ*. Первое будет уместно в «Борисе Годунове» и вообще в русской классической литературе, а второе — например, в пьесе из современной комсомольской жизни. Особенности произношения и ударения — яркие стилистические краски. И ими актеры пользуются для создания нужного образа.

Сказанное относится и к языку художественной литературы.

Писатель-художник может по мере необходимости пользоваться всеми средствами народного языка, не одинакового на разных территориях, в разной социальной среде. Разве можно себе представить «Тихий Дон» Шолохова без характерных особенностей речи донского казачества, придающих неповторимый колорит речевой ткани этого произведения?

*Р. И. ИВАНЕСОВ,
член-корреспондент АН СССР,
профессор Московского университета*

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

«ИМЕНА МОСКОВСКИХ УЛИЦ»

Издательство «Московский рабочий» в 1975 году выпустило интересную книгу «Имена московских улиц», написанную коллективом авторов под общей редакцией А. М. Пегова.

Москва — крупнейший политический, культурный, научный и экономический центр Страны Советов. За годы советской власти Москва стала одним из крупнейших городов мира по численности населения и по занимаемой ею площади.

В современных границах города насчитывается более 5 тысяч проспектов, улиц, шоссе, переулков, проездов, набережных, бульваров, площадей; многочисленные мосты на Москве-реке и на ее притоках,

транспортные путепроводы и эстакады также имеют свои наименования.

Жизнь великого города, его история и будущее отражаются в виде языковых свидетельств в московских названиях.

Выясняя происхождение московских названий, авторы использовали разнообразные источники: исследования по ис-

тории Москвы, летописи и писцовые книги, древние карты города, всевозможные справочники, деловые документы Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся, документы московских архивов.

Справочник построен по алфавитному принципу и охватывает все московские топонимы, существующие в настоящее время.

В начале каждой статьи дается топоним. Далее в скобках сообщается, с какого времени существует современное название, после этого приводится старое наименование, если оно было, затем следует историческая справка, в которой рассказано о важнейших событиях, связанных с этим наименованием, и, наконец, указывается, где этот пункт расположен. В конце книги приложен алфавитный перечень старых названий московских улиц, площадей, переулков, набережных XIX — начала XX века, которые часто приводятся в русской классической литературе и в научных исследованиях по истории Москвы. В этом же списке дается их современное название.

В московских топонимах отражается природа, окружающая город: Марьяна роща, Ленинские горы, Серебряный бор, Октябрьское поле, Яузская улица, Кашенкин луг. С названиями Кремля, Крас-

ной площади, Ордынки, Донской улицы, связаны древнейшие страницы истории. Смоленская и Большая Серпуховская улицы, Дмитровское и Можайское шоссе названы по древним русским городам. Старинные ремесленные занятия москвичей видны в названиях улиц, набережных, переулков.

Многие улицы, проспекты, площади города названы в честь основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, в честь великого вождя революции В. И. Ленина и его ближайших соратников: Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, М. В. Фрунзе, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева. Доблесть русских воинов минувших веков и героизм советского народа увековечены в названиях проспектов, улиц, бульваров. На карте Москвы запечатлены имена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Добрынина, Чапаева, Тухачевского, Буденного, Жукова, Рокоссовского, Панфилова, Зои Космодемьянской. Названия московских улиц хранят память о передовых деятелях русской общественной мысли, революционерах, писателях, ученых, художниках, музыкантах, артистах.

Дружба и братство советских народов, дух пролетарского интернационализма, уважение к выдающимся прогрессивным демократическим деятелям отмечается в таких, например,

названиях, как Киевская, Белорусская, Ташкентская улицы, бульвар Яна Райниса, улица Георгия Димитрова, площадь Ромена Роллана. В новых московских названиях отражена трудовая деятельность советского народа: Авто-

заводская улица, Колхозная площадь, улица Сталеваров.

Книга «Имена московских улиц» является хорошим справочником по топонимике столицы.

А. ВОМПЕРСКАЯ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответ. См.: 1976, № 2, стр. 144.

II. В основе предложенного для анализа отрывка из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» лежит сравнение. Причем две первые строки построены по одной и той же синтаксической модели (*синтаксический параллелизм*):

Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца.

Обращает на себя внимание *углубление сравнения, осложненное градацией по нисходящей* (образ света, который традиционнопозитически объединяется с радостью, счастьем): *Мой век — что день... // ...что ночь...*

Образный ряд *объектов сопоставления*: день, ночь — общеязыковые *антонимы*, которые в данном случае объединяются на основе сходства — по признаку отсутствия того именно, что делает их привлекательными: *день без солнышка — ночь без месяца*.

Вся вторая часть отрывка противопоставлена первой: «А я, млада-младешенька, Что борзый конь на привязи, Что ласточка без крыл».

Образный ряд первых двух стихов соотносится с образным рядом второй части отрывка. Этот изобразительный прием носит название — *семантический параллелизм*. В самом деле, перед нами та же закономерность, только выявленная на основе нового признака. Если в первой части отрывка в центре образно-экспрессивного строя было соотношение *свет — темнота* (мой век — что день без солнышка, ...что ночь без месяца), то во второй части — центральный образ *свобода — неволя* (а я/.../Что борзый конь на привязи, Что ласточка без крыл).

Драматическая напряженность сопоставления снова (как и в первой части) усилена *градацией*: если «борзый конь на привязи» — только неволя, то «ласточка без крыл» — не только неволя, но и неминуемая гибель,

В последних стиховых строках мы сталкиваемся с *традиционно-поэтической символикой*: борзый конь, а тем более, птица (ласточка) — *символы* свободы, воли.

Трагическое звучание приобретает последняя, заключительная часть отрывка: «А я, млада-младешенька /.../ Что ласточка без крыл» еще и потому, что сохраняется связь с фразеологическим словосочетанием «подрезать крылья» (в переносном смысле), обозначающим «лишить кого-нибудь сил, возможности и способности действовать».

Печать *народно-поэтического образного строя* несет не только ритмо-мелодическая организация поэмы, но и отдельные образы, например, *постоянные эпитеты* (борзый конь), *усеченные формы удвоенных прилагательных-определений* (млада-младешенька, ср. красна девица), характерная для народной речи аффиксация: *век без солнышка, млада-младешенька*.

Между первыми двумя стиховыми строками и двумя последними (1, 2 и 4, 5) существует зависимость, которая носит название *семантического параллелизма*, выделенного и *анафорой*. Первые два стиха объединены анафорой *Мой век...*, последние — анафорическим сравнительным союзом *что...*

«*Без крыл*» — форма родительного падежа множественного числа от имени существительного *крыло* — *крыла* (вместо стилистически нейтрального *крылья*).

Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его.

В. Г. Б е л и н с к и й. Стихотворения М. Лермонтова

75-летие со дня рождения С. И. Ожегова

9 декабря 1975 года в Институте русского языка АН СССР состоялось расширенное заседание сектора культуры русской речи, посвященное 75-летию со дня рождения Сергея Ивановича Ожегова (1900—1964).

Заседание открыл заведующий сектором Л. И. Скворцов. Он сказал: «Имя профессора С. И. Ожегова неразрывно связано с советской филологической наукой, является ее гордостью. И в то же время оно принадлежит к счастливому кругу научных лингвистических имен, которым суждена долгая жизнь и широкая известность далеко за пределами специальной филологии». Научные интересы С. И. Ожегова были многообразны. История русского литературного языка нового времени, вопросы лексикологии (связанные, прежде всего, с развитием словарного состава русского языка советской эпохи), теория культуры речи и ее конкретно-научная реализация, работа по составлению словарей — это далеко не полный перечень основных лингвистических проблем, в русле которых

ученый вел свои изыскания. В основе его работы всегда было чувство современности, способность видеть перспективы развития науки и глубоко понимать ее общественное значение. И нет ничего удивительного в том, что однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (Ожеговский словарь, как его обычно называют) стал истинной культурной ценностью народа (вышел 11-м изданием в 1975 году).

О С. И. Ожегове — лексикографе, о его научной судьбе рассказал директор Института русского языка АН СССР член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, который подчеркнул: «Однотомник Ожегова в настоящее время в русской лексикографии — явление уникальное. Он широко известен не только у нас в стране, но всюду, где изучается русский язык, на всех континентах Земли... Словарь С. И. Ожегова, я думаю, останется вечным памятником русского языка своего времени». Ф. П. Филин рассказал об участии С. И. Ожегова в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова (1935—1940). Работа над словарем была весьма нелегкой. Авторскому коллективу Словаря (а в него помимо Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова входили такие замечательные языковеды, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ла-

рия, Б. В. Томашевский) пришлось провести большую черновую лексикографическую работу: не было необходимой картотеки. И если теоретические основы Словаря вырабатывались коллективно (особая роль в этом принадлежала Д. Н. Ушакову), то фактическим организатором всего дела стал С. И. Ожегов. Ему принадлежит большая заслуга в том, что Словарь был составлен довольно быстро и вышел из печати.

Доктор филологических наук Р. М. Цейтлин прочитала выдержки из письма С. И. Ожегова о том, как он сам понимал сущность лексикографического труда: «Работа по созданию словаря, и особенно словаря нормативного характера, требует энциклопедичности лингвистических знаний, так как приходится обращаться к решению вопросов во всех сферах современного языка, не только в сфере лексико-фразеологической, семантической и стилистической, но и в области грамматики, акцентологии, орфоэпии. Необходим широкий историко-филологический кругозор». Именно таким ученым — разносторонне образованным, обладающим огромными специальными знаниями, знатоком и ценителем истории своего народа и его культуры — был Сергей Иванович Ожегов.

Член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов поде-

лился своими воспоминаниями о С. И. Ожегове — ученом и человеке, рассказал об их совместной работе над словарем-справочником «Русское литературное произношение и ударение». С. И. Ожегов принимал участие в разработке самого типа словаря (а это было нелегким делом, так как подобная работа на материале русского языка проводилась впервые), а также занимался словником и грамматической информацией.

Интересные факты о работе ученого над однотомником привели Р. М. Цейтлин и редактор издательства «Советская энциклопедия» И. К. Сазонова. Они рассказали, как тщательно С. И. Ожегов отбирал материал и работал над словарной статьей, насколько внимателен был к замечаниям и с какой деликатностью отвечал на письма, приходившие к нему как автору Словаря.

Имя ученого неразрывно связано с вопросами культуры речи. С. И. Ожегов много сделал для того, чтобы культура речи выделилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. По его инициативе создан сектор культуры русской речи в Институте русского языка АН СССР. Под его редакцией вышли шесть из восьми выпусков сборника «Вопросы культуры речи». Вклад в науку о русском языке, который внес этот сборник,

несомненен. Профессор Московского университета В. П. В о м п е р с к и й отметил, что восьмитомник представляет собой одно из самых интересных явлений послевоенной русистики: в нем фундаментально разрабатываются проблемы нормализации литературного языка и культурно-речевого строительства.

С. И. Ожегов — талантливый организатор науки. О его деятельности в качестве руководителя сектора культуры русской речи (до 1962 года сектора современного русского литературного языка и культуры речи) рассказал доктор филологических наук С. И. К о т к о в.

Доктор филологических наук Ю. А. Б е л ь ч и к о в отметил, что С. И. Ожегов сочетал в себе качества лингвиста академического склада и ученого, чья научная деятельность была постоянно обращена к практическим потребностям общества. Об этом свидетельствует тот факт, что он был тесно связан с печатью, радио

и телевидением. Интересно, что С. И. Ожегов — «автор» ряда новых, казалось бы, глубоко бытовых наименований, например, названия магазина «Российские вина» и мучного изделия «Хрустящие хлебцы».

Все выступавшие на заседании были лично знакомы с С. И. Ожеговым, и с большой теплотой говорили о его человеческих качествах. Доброжелательный и деликатный в обращении с людьми, обладающий природным обаянием и наделенный чувством юмора, Сергей Иванович неизменно располагал к себе людей. Вместе с тем С. И. Ожегов был тверд в отстаивании своих научных убеждений и принципов.

Вся научная, общественная, педагогическая деятельность С. И. Ожегова неразрывно связана с жизнью нашей страны, поэтому она оставила глубокий след не только в истории науки о русском языке, но и в истории культуры советского общества.

С. И. ВИНОГРАДОВ

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, № 1, 2

Второв — отчество от непервовного мужского личного имени Второй (название детей по порядку их рождения

было нередким в старину: Первой, Третьяк, Десятой и т. д.). Из формы Вторуша, производной от этого мужского личного

имени, также возникло отчество, ставшее фамилией — **Вторушин**.

Выгодский (Выготский) — первоначально означало прибывшего из местечка Выгода (русское, польское, украинское 'удобство, польза'). В топонимах это слово означало местность, удобную для поселения. На Украине (1969 год) 11 селений с таким названием (характерно, что все они между Ивано-Франковском, Житомиром и Одессой). Таким образом, фамилия не происходит непосредственно из русского нарицательного слова *выгода*.

Выростов — отчество, связанное с именованьем *вырост*, как в XVIII—XIX веках на Дону называли казака 17—19 лет; прилагательное *выростов* означало 'сын выроста'.

Гагарин — фамилия очень ранняя, еще боярская — от князя Михаила Голибековского, по его нецерковному имени Гагара (начало XV века); известен паломник — Василий Гагара; диалектное *гагара* имело различные переносные значения (первично — 'морская птица'); 'хохотун, зубоскал'; 'неуклюжий, длинный'; 'длинношей'. Когда Ю. Гагарин полетел в космос, один из потомков бывших князей Гагариных за океаном объявил его родственником. В действительности же, Ю. Гагарин — потомок княжеских крепостных: до падения крепостного права крепостным запрещалось иметь собственную фамилию; после 1861 года многим тысячам крестьян центральных губерний (Рязанской, Смоленской и других), где разветвленный род Гагариных имел огромные владения, записана фамилия их бывших владельцев.

Галанин — отчество от

уменьшительной формы Галани из канонического мужского личного имени Галактион (греч. 'молочный').

Галимов — отчество от татарского мужского личного имени Галим (из араб. Алим 'ученый').

Галямов — отчество от прозвища из русского диалектного *гальям* 'длинный, долговязый' (славян.; сравните болгар. *голям* 'большой'; в восточной Болгарии есть фамилия Голямов, в западной Болгарии — Големов); нарицательное известно в вятских говорах; фамилия документирована и за Уралом — в Курганском округе 1887 года (село Смолино), прямо указывая маршрут расселения с русского Севера.

Гандыбин — отчество от прозвища Гандыба. Во многих диалектах *гандобить* 'копить, сберегать', но и 'делать медленно или плохо'; фамилия документирована 1897 годом — село Репино, Меленков. уезда Владимирской губернии; 1917 год — Ртищевская волость Пензенской губернии.

Герцен — фамилия выдающегося русского писателя и политического деятеля (1812—1870). Брак его отца, крупного барина И. А. Яковлева с немецкой девушкой не был церковным, поэтому отец не мог передать сыну свою фамилию и дал ему фамилию Герцен от немецкого Herz 'сердце'; фамилию Герцен и в наше время носят его потомки (например, крупный хирург).

Гладышев — отчество от нецерковного мужского личного имени Гладыш (есть и такая украинская фамилия). Имя у русских документировано 1495 годом (Тупиков). Примеры дал и С. Б. Веселовский (смотрите его «Ономастикон», М., 1974); но все три предлагаемые им этимологии, относя-

пняся к растениям, посуде и т. п., не дают оснований объяснить происхождение имени. Наричательное *гладыш* — польское 'белоручка, франт', русское диалектное (вятское) 'имеющий холеный вид, здоровяк'. В документах фамилия известна с XVII века (Тупиков).

Гмырин — отчество от прозвища Гмыря; есть и украинская фамилия Гмыря; *гмыря* 'медлительный, мешкотный'.

Гнат — отчество от формы Гнат из канонического мужского личного имени Игнатий > Игнат.

Говендяев — отчество от прозвища Говендяй, в основе которого польское *гавенда* 'разговор, беседа, рассказы'. Старинный формант *-ай*, как в *завсегдагай, краснобай, растегай, ратай, соглядагай, урожай* и другие. Написание с *о* в первом слогe возникло ошибочно в результате неразличения при произношении безударных гласных *а* и *о*. Возможно иное происхождение. Было общеславянское слово *говендо* 'бык'. Отсюда русское *говядина*, болгарское и сербскохорватское *говедо* 'крупный рогатый скот' и 'скотина'. Слово *говендай* могло служить прозвищем 'скотина' или обозначением скотника. В письменных памятниках времени возникновения русских фамилий этого слова не найдено.

Гордеев — отчество от русской повседневной формы Гордей из канонического мужского личного имени Гордий (фригийского происхождения, значение которого неизвестно), к русскому *гордый* не имеет никакого отношения.

Горохов — отчество от нецерковного мужского личного имени Горох. Например, в Новгороде 1582 года — дети помещика Андрея Семичева:

Редька, Капуста, Горох. ...С XVI века документирована фамилия Горохов, при Петре I в Петербурге служил иноземец Гаррах, потомки которого стали Гороховы; улица, на которой он жил, — Горохова улица, позже Гороховая).

Горюнов — отчество от именования Горюн, возможного в различных значениях: 'горюющий, горемыка, имеющий горькую судьбу', но и означало жителей Путивльского уезда Курской губернии, так что вполне возможно *горюнов* — сын не Горюна (прозвище личное), а *горюна* (прозвище жителей).

Гриньков — отчество от уменьшительной формы Гринько из канонического мужского личного имени Григорий (через промежуточную форму Гривя).

Гудзий — фамилия украинского происхождения; в основе — украинское *гудзь* 'шишка', а появление *-ий* не выяснено.

Дахнов — отчество от западнорусской формы Дахно, от канонического мужского личного имени Даниил.

Девятаев, Девяткин, Девятнин, Девятов — отчества от нецерковных мужских личных имен Девятай, Девятка, Девятня, как именовали девятого ребенка (сравните фамилии: Первов, Второв, Третьяков, Пятов, Шестаков и другие); примеры имени многочисленны в документах с 1492 года (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903).

Дедов — притяжательное прилагательное от слова *дед*. Могло стать фамилией из отчества от прозвища *Дед* (независимо от возраста) или от диалектного *дед*, в уральских говорах 'знахарь'; имя в до-

кументах неоднократно встречается с 1495 года (Тупиков); слово литературного языка могло стать основой именовании ребенка *дедов*, если его воспитывал не отец, а дед.

Демидов — отчество от просторечной формы Демид из канонического мужского личного имени Диомид.

Деревягин — отчество от прозвища Деревяга (как мужское личное имя известно с 1495 года — Офромейко Деревяга (Тупиков), позже — по бытине об осаде Соловецкого монастыря, XVII в.); прозвище — из диалектного *деревяга* 'чурка, обрубок', могли дать за деревянную ногу или в качестве насмешливой оценки.

Дерюгин — лежащее в основе *дерюга* означало 'грубый холст', переносно — вообще плохую одежду.

Десятюв — отчество от нецерковного мужского личного имени Десятый, как называли десятого ребенка в семье (см. и Девятаев).

Дианов — отчество от мужского личного имени Диан; в «святцах» его не было, оно — либо изменение капонических мужских личных имен Дий, Дион, либо краткая форма канонических мужских личных имен Гордиан, Клавдиан и других, либо форма нецерковного русского мужского личного имени Дей, Деян.

Добин — форма связана с общеславянским словом *доба* 'польза', в севернорусских диалектах оно еще существовало в XIX веке, в литературном языке о нем напоминает производное слово *удобный*.

Долгов — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Долгой в значении 'длинный, высокий' (аналогично Толстов, Живов, Седов из Толстой, Живой, Седой); в документах XVI—XVIII веков встречается неоднократно именование Долгово — первоначально в значении 'сын Долгого', так возникла дворянская фамилия Долгово (аналогичны Хитрово, Дурново и др.). В Зауралье и Сибири распространены и фамилии: Долговых, Долгих.

Долгопольский — первоначально относительное прилагательное, которое означало приезжего из села Долгое поле, фамилия возникла в западных частях Украины (Полесье, Подолия, Закарпатье).

Доможиров — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Доможир; фамилия (или еще отчество) встречается в документах с 1495 года (Тупиков); фамилия донесла старинное русское слово *доможир* 'домовитый хозяин' (другое значение 'домосед'), записанное и в XIX веке в северных говорах. Наличие этой фамилии в Зауралье (несколько сотен человек в Белозер. волости Курганского округа, 1887 г.) указывает маршрут расселения с русского севера.

Дорин — отчество от уменьшительной формы Доря из канонических мужских личных имен Дорофей или Доримедонт 'начальник копьеносцев'.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

Ответ. См.: 1976, № 2, стр. 51.

I. В приведенном отрывке из стихотворения С. Есенина *змейно* — поэтическое новообразование, лексико-грамматическое значение которого выясняется в контексте всего произведения. Наречие *змейно* («...Кудри черные змейно трепал ветерок») может быть мотивировано соотношением *змей/змеиться* — «извиваться, прихотливо изгибаться».

II. Прилагательное *лонных* («...сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных...») образовано от имени существительного *лоно* — поэтич., устарел., — которое могло обозначать и «поверхность», «грудь», и «глубину», «недра», «глубь».

Лоно (и в том и в другом значении) было чрезвычайно употребительно в языке художественной литературы XIX века, особенно в поэтическом стиле, вот несколько примеров:

Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?

В. А. Жуковский. Море

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

В первом случае *лоно* обозначает глубину, а во втором — поверхность. В переносном употреблении *лоно* могло обозначать «прибежище, приют», например:

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя,
Храни меня, мой талисман.

А. С. Пушкин. Талисман

В современном русском языке сохранилось преимущественно в связанном словосочетании: на лоне природы — «на чистом воздухе, среди природы». *Лонных* образовано от *лоно* в значении «недра, земные глубины».

III. Прилагательное *стозвонных* («Я хотел бы затеряться В зеленях твоих стозвонных») — типичный поэтизм, окказиональное новообразование, мотивированное словосочетанием *сто звбнов*.

IV. Имя существительное *огненность* («Как бабочка — я на костер Лечу и огненность целую...») образовано от прилагательного *огненный* посредством суффикса *-ость*, характерного для имен существительных со значением абстрактного «овеществленного» качества.

V. Имена существительные *солнь* и *стыть* («Цветы людей и в солнь и в стыть Умеют ползать и ходить») образованы безаффиксным способом: *солнь* от имен *солнце* — *солнечный*, *стыть* от глагола посредством субстантивации. В данном художественном контексте *стыть* — 'лютый холод, стужа'. Именно вся поэтическая ткань произведения определяет значение этих окказионализмов: *в солнь и в стыть* — 'в зной и в стужу'. Подробнее об этой словообразовательной модели Вы можете прочитать в статье В. В. Лопатина «Синь, упавшая в реку» (Русская речь, № 3, 1970).

Ответ. См.: 1976, № 2, стр. 144.

III. Все отрывки из поэмы В. А. Жуковского «Иванов вечер» построены по принципу *синтаксического параллелизма*. С этим изобразительным приемом мы уже сталкивались при анализе поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

В поэме Жуковского «Иванов вечер» очень интересны разнообразные *градации*.

Так, в поэме четко выделяются ряды однородных членов, расположенных в определенной («восходящей») градации. Первые ряды, расположенные непосредственно вслед за субъектом-подлежащим, выражают согласованное обособленное определение, состоящее из двучленного ряда: «И Смальгольмский барон, *поражен, раздражен...*» «И Смальгольмский барон, *изумлен, поражен...*»

Второй ряд, непосредственно следующий за первым, состоит из трех глагольных сказуемых, расположенных в порядке последовательного усиления признака: «И Смальгольмский барон, /.../ *И кипел, и горел, и сверкал...*»; «И Смальгольмский барон /.../ *И хладел, и бледнел, и дрожал...*».

В порядке нарастания признака располагаются не только простые глагольные сказуемые, но и «осложненные»: «Он *нахмурился глядел, Он как мертвый бледнел, Он ужасен стоял при луне...*» В системе *градации* располагаются знаменательные слова, выполняющие в данном контексте роль связки, при одной и той же, повторенной присвязочной части: «Я *не властен* прийти, Я *не должен* прийти, Я *не смею* прийти (был ответ)».

Повтор как средство выразительности используется Жуковским в поэме «Иванов вечер» чрезвычайно широко, как уже видно даже из приведенных цитат. Назначение всех повторов данного отрывка одно: усилить эмоциональность, выразительность текста.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

❶ ШАХМАТЫ

Читатель А. Н. Петров из Новосибирска интересуется происхождением названий шахматных фигур, основных ходов в шахматах, а также самого слова *шахматы*.

Игра в шахматы возникла в Индии в глубокой древности (VI век до нашей эры) и представляет собой усовершенствование одного из типов старой шашечной игры. Известный английский востоковед XVI века Томас Хайд в книге «О восточных играх» («De ludis orientabilis») впервые высказал мысль о том, что Индия была колыбелью шахмат. Как сообщается в древнеиндийском (санскритском) литературном произведении «Амаракоша», шахматы копировали древнеиндийское разделение войска на четыре ряда: 1) колесницы, 2) слоны, 3) конница, 4) пехота (не считая короля и его министра или полководца — ферзя) и были военной игрой. Отсюда и древнеиндийское название шахмат — *чагуранга* «четыре ряда» (персидское название — *шэгрэнг* — заимствование из древнеиндийского через арабское посредство).

В игре участвовало четыре человека (по два с каждой стороны), причем правила игры существенно отличались от современных: слон ходил лишь на третье поле вкось, ферзь — на второе, рокировки не было. Современные правила разработаны во Франции в XV веке. Древние правила игры в шахматы до сих пор сохраняются в некоторых восточных странах. В японских шахматах, например, каждая сторона имеет по 20 фигур, которые при определенных условиях переходят одна в другую; побитая фигура противника не снимается с доски, а превращается в свою.

Из Индии игра попала в Персию, которую вскоре завоевали арабы. Известный персидский поэт Фирдоуси в «Шахнаме» подробно рассказывает о появлении шахмат в Персии в 551 году до нашей

эры. Индийские послы приехали к персидскому шаху и под страхом войны предложили ему разгадать секрет игры в шахматы; секрет был разгадан, но персы попросили индийцев разгадать секрет их национальной игры «нард», очень похожей на шахматы.

В Европе испанцы получили шахматы от мусульманских завоевателей (арабов), итальянцы — от византийцев, а от итальянцев эта игра попала во Францию, Англию и в скандинавские страны. Данные истории и археологии позволяют полагать, что в Россию игра в шахматы проникла не позже X века, причем заимствована непосредственно у восточных народов. Существует гипотеза историков М. К. Гоняева и И. Т. Савенкова о так называемой «транзитной передаче» шахматной игры от хазар русским. В период между VIII и X веками на пути восточных славян в страны Средней Азии, Иран и на арабский Восток лежал Хазарский каганат. А первые находки шахматных фигур на территории Древней Руси относятся к X—XI векам, они были обнаружены при раскопках хазарской крепости Саркел и возникшего на ее месте русского поселения Белая Вежа. Эти данные позволяют считать вполне правдоподобной гипотезу Гоняева и Савенкова. Не подлежит сомнению и тот факт, что задолго до монголо-татарского нашествия шахматы получили на Руси заметное распространение (И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1975, с подробной литературой вопроса).

Игру в шахматы называли разными древнейшими русскими терминами — *заступ*, *тавлеи*, *шахматы*, *шашки*, *пешьцы*, *шахы*. На Руси эта игра имела своеобразные правила. Например, ферзь мог продвигаться по доске, как конь (этот ход назывался «ферзь всяческая»), а в начале игры одновременно могли идти две пешки. В последние годы советские археологи находят шахматные фигуры, относящиеся к XI—XII векам. Крупнейшая в мире археологическая коллекция шахмат найдена новгородской экспедицией Института археологии АН СССР в слоях XII—XV веков. Изучению древнейшего периода в истории шахмат может во многом способствовать анализ шахматных эпизодов и мотивов в народном эпосе, особенно в былинах. Так, в былине о Добрыне Никитиче читаем: «Подернули столы белодубовые, Раздернули *тавлеи* волящеты. Первую *тавлеюшку* царь ступил, Другую *тавлеюшку* Добрыня Никитич млад, Третью *тавлеюшку* царь ступил, Четвертую Добрыня Никитич млад: Больше царю ступить некуда, Та игра была поиграна». В былине о Михайле Потыке говорится: «Как тут они наставили Дощечку ту *шахматну*, Начали они по дощечке ходить-гулять».

В XVI—XVII веках игра в шахматы в России становится особенно популярной в среде ремесленников, торговых и служилых людей, а также у бояр и русских самодержцев.

Название *шахматы* восходит к арабскому техническому термину игры *эш шах мат* «король умер». Как известно, главная фигура в этой игре — король (перс. *шах*). Арабско-персидское слово *мат* «умер» выступает в таком слове, как *мавовый* «поблекший (о цвете)».

Персидское название второй по значению фигуры на шахматной доске — *фарз*, *фирз*, — буквально «советник, министр, генерал», в латинском получило форму *farzia*, *fercia* (русское *ферзь*).

Интересно, однако, что уже в латинских рукописях, особенно в глоссариях (словарях), слово *ferzia* обычно уравнивается по значению с *regina* «королева». Начиная с древнерусского периода и вплоть до начала XX века слово *ферзь* в русском языке могло быть женского рода (одним из последних примеров является такое употребление в произведениях А. Грина). В русских (пермских и сибирских) диалектах слово *шашка* означает «любовница» (очевидно, это слово восходит к термину *шах* или древнерусскому названию шахмат — *шахы*). По другой версии, название *королева* связано с тем, что в древнем персидском варианте игры пешка по достижении восьмого квадрата становилась *фарзин* (советницей, министершей), то есть соответствовала в этом случае *дамке* (ср. выражение *пройти в дамки*).

Слон у персов носил название *пил*, у арабов *фил* или с артиклем *аль-фил*, откуда такие латинизированные формы, как *alphilus*, *alrhinus*, итал. *alfiere*. Это слово во французском на основе народной этимологии было истолковано как *officier*, откуда и название *офицер* (наряду с этим во французском сохраняется также название *fol* или *fou* — «офицер»). В немецком эта фигура метафорически называется *Läufer* «бегун», а в английском *bishop* «епископ» (по внешнему виду верхняя часть фигуры напоминает епископский головной убор — митру).

О происхождении названия *тура* есть разные точки зрения. Одна из них принадлежит известному востоковеду Дёрферу («*Zeitschrift für slavische Philologie*», 1960, 29), который убедительно показал, что русское слово *турá* имеет тюркское происхождение. Так, от тюркского корня *tur* «стоять, противостоять, выстоять» образовано существительное *tura* (чагатайское, монгольское и др.) «цитадель, укрепление». Интересно, что этот же корень лежит в ос-

нове названия финского города *Турку* (бывшей столицы Финляндии). Такое толкование происхождения слова *тура* имеет то преимущество, что объясняет особенности ударения в русском слове (на последнем слоге).

В английском эту фигуру называют *castle* 'башня' (хотя одновременно существует и название *gosc*, связанное, как считают, с древнеиндийским *ратха*). Древнеиндийская шахматная фигура колесницы своим внешним видом и названием (*ратха*) напомнила народам, жившим к западу от Индии, о гигантской птице «рох» — неперменном персонаже их народного творчества. В европейских языках по народной этимологии это слово было осмыслено как франц. *gosc*, англ. *gosc* «скала, утес», а затем ассоциировано с военным укреплением, башней (франц. *tour*, итал. *torre*). Эта фигура еще в Древней Руси называлась *ладьей* и продолжает так называться в современном русском языке (древнеинд. *рокам* 'ладья, корабль'). Возможно, однако, что наименование ладьи (туры) в некоторых европейских языках (англ. *gosc*, нем. *Röchen*, итал. *gosso* и др.) восходит к древнеиндийскому слову *рух* 'солдат, боец'. Отсюда название одного из главнейших шахматных передвижений — *рокировки* (одновременный ход короля и ладьи — ладью передвигают к королю, а короля переносят через ладью и ставят на ближайший к ней квадрат).

Происхождение названия *конь* понятно: оно олицетворяет конницу (немецкое метафорическое название *Springer* 'прыгун', но англ. *knight*, нем. *Ritter* 'рыцарь' — по названию не самого коня, а всадника).

Термин *гамбит* (жертва фигуры или пешки в начальной стадии партии с целью получить позиционное преимущество) был заимствован в испанский язык (исп. *gambito*) из арабского *джанби* 'боковой' от *джанб* 'край', откуда *джанаба* 'он отодвинул'. Вряд ли достоверным следует считать распространенное мнение о том, что слово *гамбит* произошло от итальянского *gambe* 'нога' в выражении *dare il gambetto* 'подставить ножку'.

Русское название *пешки* фактически означает 'пехотинец' (*пеший, пешком*). Английское название пешки — *pawn* (из лат. *pedo* 'пехотинец'). В немецком *пешка* называется *Bauer* 'крестьянин' (по старым представлениям, человек низшего сословия).

Название *пат* (положение, когда, не находясь под шахом, король не может продвинуться ни на одно соседнее поле, не оказавшись под ударом фигур другой стороны) происходит от исп. *pato* 'равный', итал. *pari i patta* 'в одинаковом положении, ничейный'.

Наконец, названия *цейтнот* и *миттельшпиль* происходят от немецких слов *Zeitnot* 'недостаток времени' и *Mittelspiel* 'середина игры'. Слово *дебют* от французского 'начало' (ср. древнерусское *заступ*),

М. М. Маковский

● МОРМЫШКА

Семья Столович из Харькова пишет: «В одной статье мы прочитали такую фразу: „Рыбу ловят на мормышку“. Очень просим объяснить нам значение слова *мормышка*».

«*Мормышка*, — читаем мы в 17-томном Словаре, — искусственная приманка для рыбы, обычно отливаемая из свинца; разновидность блесны». Но не будем ограничиваться только скудным словарным определением значения слова *мормышка*, а обратимся за дополнительными сведениями к замечательной книге В. Солоухина «Третья охота» (М., 1968):

«В воде живет небольшое, округлое насекомое — мормыш. Это лакомая пища всех рыб, а особенно окуней. Так как добывать мормыша трудно, то рыбаки придумали делать подобие этого насекомого из свинца и в него же впаивать маленький, но прочный крючок. Тут и крючок, тут и приманка, тут и грузило — все собрано в одном месте, на конце тонюсенькой лесочки.

Дальнейшая эволюция пошла по двум направлениям. Во-первых, рыбаки давно отступили от формы *мормыша*, естественного насекомого, живущего в водоеме. От него осталось только одно общее название — *мормышка*. Сами же мормышки пошли все новых форм, новых размеров, новых названий. *Клопик средний*, *клопик мелкий*, *клопик тяжелый* (для большой глубины), *клопик краснецкий*, *клопик светленький* — это мормышки плоские, действительно похожие на клопа. Мормышка кругленькая так и называется *дробинка*. Некоторые окрашивают ее в черный цвет, некоторые — в красный, некоторые оставляют свинцового цвета. Мормышка *капелька*, пожалуй, самая распространенная форма мормышки. Она имеет точную форму капли. Крючок впаивается с остренького конца. Остренький кончик около крючка обыкновенно окрашивают в красный цвет. Иногда делают ее наполовину свинцовой, а наполовину одевают либо в медную, либо в серебряную оболочку, тогда она играет на разные цвета и тем самым будто бы привлекает рыб.

Ну а дальше уж от лукавого: *гробики*, *рыбий глаз*, *пшеничное зернышко*, *овсинка*, *шестигранные*, *восьмиугольные*... Я даже

встречал кривые, изогнутые наподобие дуги. Короче говоря, тут уж кто во что горазд.

Во-вторых, отступление от живого мормыша кончилось тем, что на крючок, впаянный в мормышку, стали насаживать дополнительную наживку, а именно: чаще всего и повсеместно — мотыля, очень красивого (чистого рубинового цвета) червячка, размером (если он крупный) как раз в полспички».

Народ дал этим водяным рачкам несколько названий. По способу передвижения их называют *бокoplавами*, по несколько странному виду *горбунчиками*, *мормышами*: «*Мормыш* — животное круглое с хвостиком в гнилых лужах зародившееся кое просто уполовниками, поваренками называется, и, как сказывают, в лягушку превращается» (П. К. Симони. Вятский областной словарь. 1772); «Лучшая насадка на некрупную рыбу в зимнее время — мормышбокоплав, который особенно известен в Сибири, Северном Казахстане, на Урале. Добывают мормыша издавна специальным лотком со щеткой» («Сельская жизнь», 17 сентября 1972).

Слово *мормыш* было заимствовано из русских народных говоров. Так, например, во многих районах Среднего Урала это слово известно в значении 'рачок, употребляемый как приманка для рыбы' (Словарь русских говоров Среднего Урала, т. II. Свердловск, 1971). Слово *мормыш* образовано, по-видимому, от диалектных слов *морный* в значении 'худой, маленький' (ср. слова: *замореный*, *заморыш*) и *мыш* в значении 'гнус, насекомое'. Таким образом, *мормыш* не что иное, как маленькое насекомое (о бытовании слова *мормышка* в русских диалектах см. заметку В. А. Меркуловой в сборнике «Этимология. 1971». М., «Наука», 1973, стр. 183).

Если в русских народных говорах слово *мормыш* известно с двумя ударениями — на первом и втором слоге — *мóрмыш* и *мормы́ш*, то в русском литературном языке это слово закрепилось только с одним ударением на последнем слоге. Здесь, по-видимому, сыграли свою роль слова русского языка на *-ыш*: *малыш*, *голыш*, *круглыш*.

Слово же *мормышка*, обозначающее рыболовную снасть, было образовано от *мормыш* посредством суффикса *-к(а)* по аналогии с другими словами русского языка на *-ка*. Было образовано и слово *мормышечник*. Так среди рыбаков называют тех, кто предпочитает ловить рыбу на мормышку.

В. Н. Сергеев

● СЕНАЖ

С. Б. Мангатов из Харькова интересуется значением и употреблением слова *сенаж*.

Слово *сенаж* появилось в русском языке сравнительно недавно. *Сенаж* — особый вид корма для скота. В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) отмечается следующее: «*Сенаж*. Подвяленная трава, хранящаяся в специальных башнях. „За последние годы вошло в практику и получило всеобщее признание такое прекрасное кормовое средство, как *сенаж* — подвяленная трава, хранящаяся в герметических башнях“ („Сельская жизнь“, 4 июня 1967)».

Однако, как свидетельствует газетный материал, первоначально для обозначения нового кормового средства использовалось вошедшее в словарный состав русского языка слово *силос* в одном из значений — «Корм для скота — зеленые части растений (ботва, листья, стебли и т. п.), приготовляемые заквашиванием» — с определениями *добротный, такой* (причем слово *силос* иногда ставилось в кавычки): «А можно ли получить добротный силос из более сухой зеленой массы? Да, можно. Такой опыт есть и у нас, и за рубежом. Как готовят такой *силос*?» («Сельская жизнь», 4 июля 1962); «Такой „силос“ содержит в два раза больше сухого вещества и особенно много провитамина А — каротина...» («Сельская жизнь», 22 августа 1964).

Позже для обозначения этого вида корма появилось сложное образование *сено-силос*: «Большого внимания заслуживает опыт приготовления так называемого *сено-силоса* из провяленных трав, скашиваемых косилками и убираемых после провяливания подборщиками-измельчителями» («Сельская жизнь», 22 августа 1964); «Сохранность такого корма (его называют *сено-силосом*) обеспечивается, с одной стороны, как и при силосовании, за счет изоляции от воздуха, с другой — вследствие того, что бактерии не могут развиваться на полусухих растениях» («Сельская жизнь», 10 июля 1965); «*Сено-силос* не мерзнет зимой так, как обычный силос, что также является большим преимуществом» («Сельская жизнь», 12 августа 1966); «В Швеции, как и в других европейских странах, на многих крупных фермах травы перед силосованием по возможности подвяливаются на лугу до 30-процентной влажности. И получают из них не обычный силос, а *сено-силос* (там же).

В газетах 1967 года впервые появляется слово *сенаж* для обозначения корма в виде подвяленной травы. Приведем лишь один пример: «Участники сессии подчеркивали, что нужно всемерно увеличивать производство сена, сено-силоса (*сенажа*), травяной муки, зеленых кормов» («Сельская жизнь», 4 июля 1967).

Как свидетельствуют многочисленные примеры, взятые нами из газет и журналов, слово *сенаж* прочно вошло в сельскохозяйственный обиход: «Из-за непогоды возрастает разрыв между косью трав и стогованием. В этих условиях особенно возрастает роль таких передовых приемов, как принудительное вентилирование, приготовление *сенажа*...» («Правда», 20 июля 1969); «Перспективными способами признаны приготовление *сенажа*, силоса из провяленных трав, химическое консервирование...» («Животноводство», 1969, № 12); «Широкое применение *сенажа* сдерживалось из-за отсутствия специального подборщика-измельчителя» («Животноводство», 1969, № 8). Приведем пример употребления слова *сенаж* с определением *клеверный*: «На основании опытов можно сделать вывод, что замена в рационе дойных коров сена, силоса и корнеплодов клеверным сенажем приводит к снижению молочной продуктивности и обеспечивает получение молока нормального химического состава» («Животноводство», 1969, № 1).

Как представляется, существительное *сенаж* является новообразованием от русской основы *сен-(сено)* с помощью суффикса *-аж*. Ср. образование *листаж* от русской основы с помощью суффикса *-аж*, а также другие образования от основ, прочно вошедших в обиход: *метраж*, *километраж*, *монтаж*, *репортаж* и др.— примеры взяты из статьи С. И. Ожегова «Существительные на *-аж* в русском языке» (сб. «Лексикология. Лексикография. Культура речи». М., 1974, стр. 86). О возможности подобных образований С. И. Ожегов писал: «...Формирование устойчивой грамматической группы существительных на *-аж* происходит уже в советское время. Грамматически это выражается тем, что *-аж* становится производительным суффиксом в русской грамматической системе (курсив наш.— С. Д.), а основы новых слов включены в русские морфологические связи» (С. И. Ожегов. Указ. соч., стр. 86). Характерным в этом отношении является появление прилагательного *сенажный*, образованного от данного существительного: «Поддерживающая сила клеток растений такой степени достигается при 35—55% влажности, что и определяет необходимость провяливания *сенажной* массы до этого предела» («Производство и использование сенажа в кормлении сельскохозяйственных животных». Киев, 1972).

С. Н. Дмитренко

● БЕЛЯНКА, ПЕСТРЯНКА

В редакцию «Русской речи» пришло письмо от постоянного подписчика журнала А. П. Переседова из Урюпинска Волгоградской области. «В современном русском литературном языке, — пишет автор письма, — отсутствуют слова для называния домашних животных по возрасту и полу. В нашей местности, да и вообще в языке крестьян, домашние животные строго различались по возрасту и полу. Перезимовавший теленок назывался *полторником*, *полторницей*, жеребенок — *стрижак*, *стрижачка*, *стригун*. Перезимовали две зимы — *третьяк*, *третьячка*, с добавлением слов: *телка*, *бычок*, *жеребенок* и мн. др.». А. П. Переседова беспокоит чрезмерное увлечение газет, радио, прессы терминологическими словами и выражениями для называния домашних животных: *овецematки*, *свиноматки*, *конематки*, *кроликоматки*, *козоматки*, *фуражная корова* и под. Это обедняет наш язык, делает его сухим и мало выразительным. Читатель просит напечатать народные названия домашних животных.

Многочисленные названия домашних животных привлекают пристальное внимание лингвистов уже давно. Лексика, связанная с домашними животными, — древняя во всех языках, как и сами животные. Эти слова показывают важнейшую закономерность в языке: чем древнее и «обжитее» сам предмет (или понятие) действительности, тем больше слов вокруг него появляется. Слова возникают как по основным, так и побочным признакам. Вот, к примеру, названия коров.

По возрасту: *летник*, *летошняк*, *летоходец*, *летошняга*, *боровчак*, *бузовик*, *кблника*, *одногравок*, *бычок* — *баранчак*, *башмак*, *бирюк*, *бирючок*, *одногравный*, *перезимок*, *подтелок* — годовалый теленок; *двузлетошник*, *бычок*, *телка* — двухлетний; *третьяк*, *гунак*, *третьяковский* — трехлетний бычок, *третьячица*, *третьячка*, *третьяковская* — трехлетняя телка; *выросток* — уже выращенный теленок; по времени рождения: *осенок*, *осентуток*, *осёныш* — родившийся осенью; *воскресеня*, *понеденя*, *середеня* — теленок, родившийся в соответствующий день недели; по полу: *летошник*, *летошница*, *летоходок*, *летоходка*, *третьяк*, *третьячица*; по виду скармливаемой пищи: *молокопоек*, *молочник*, *поенец*, *опоек*, *поюнбок*, *тёлыш*, *дососок*, *подсосок* — при вскар-

мливании молоком; *путерник, путреник* — при вскармливании пугром; *кочерыжник* — при вскармливании кочерыжками; *телец, телок* — при обычном кормлении; по цвету: *белянка, пестрянка, чернёха, жуколка* (черная), *рёдра* (белоголовая пестрая), *перистая*; по другим качествам: *лоцоха* — гладкая, упитанная; *бутус, бодалка, бодучка, бодуха, бодуля* — бодливая; *блуга, блужава* — не привыкшая к дому; *яловка, ялая, передойка, нетель, недойка, переходница, заяловелая* — яловая; *первотелок* — отелившаяся первым теленком; *другоня* — вторая корова в хозяйстве; *сутелок, сутелая, сутельная, телая* — стельная; *сквозница* — доящаяся от отела до отела; *стародойка* — доящаяся дольше обычного срока; *надойливая, безыдойная, ведерница* — обильная молоком; *недодой, недодойка* — рано перестоящая доиться перед отелом.

Столь же многочисленны названия и других домашних животных — лошадей, овец, свиней и домашней птицы.

Местные названия лошадей различаются по полу: *огёр, еббик, лоша, лошенок, жеребьяшинька* (мужского пола); *магка, кляча, жеребятница, жеребушка, кобыла, кобылка* (женского); по возрасту: *молодка* — молодая лошадь, *чарпел* — лошадь старше восьми лет; *сосун, коняженок* — жеребенок до году; *перезимок* — жеребенок до году; *лошага, лоньшага, стриган, полуторник, табуник, стрижек, однолеток, оселеток, первогодок* — жеребенок по второму году; *двузлеток, стригун, стриган, третьяга, трехлеток, трехгодок* — по третьему году; *третьяк, боронка, боронопляс* — по четвертому году; по рабочим признакам: *битюг* — тяжелоупряжная лошадь; *доброход, шагастая, сяговитая, ступистая, непритомчивая, похожая, ходкая* — быстроходная, сильная лошадь; *клятура, сколудина, сырёха, дровня, палочница, подпалок, рында, выреха, шевлюга* — плохая, старая и изнуренная лошадь, кляча; *накормок, најор* — слабосильная, ленивая лошадь; *боронка, боронщик, борончик, сошка* — молодая лошадь, приучаемая к бороне, сохе; по внешности, породности, стати: *возовитый конь* — крепкая, плотная и рослая лошадь; *маштак, машчак* — малорослая лошадедка; *скаковой конь* — быстрый в беге, с хорошей рысью; *фарь* — верховой конь; *степистая лошадь* — лошадь, у которой шея колесом; *кожанка* — исхудавшая лошадь; по нраву: *имь, имкой* — смирная, ручная лошадь; *нёвопря, нёук, заргачливый* — норовистая лошадь.

Возникшие в глубинах народного языка, названия домашних животных сохраняют всю образность и выразительность его. Само звучание многих из них, внутреннее строение подсказывают тот признак, который лег в основу их наименования: *старица* — старая овца; *последыш* — цыпленок, вылупившийся последним; *пбенец, молбчник* — теленок, отпоенный молоком; *зимарь* — поросе-

нок, оставленный в зиму для откорма; *кóрманак* — откормленный боров, и другие.

В то же время народные названия домашних животных не утрачивают специфики местной, диалектной речи, которая, как известно, всегда существует в устной (разговорной) форме. Для нее характерна не только подробная детализация названий, но и наличие вариантов. Так, в одном и том же говоре возможны: *детяница*, *детюнница* — курица, высидевшая цыплят; *борбнка*, *боронцик*, *боронник* — молодая лошадь, приручаемая к бороне; *утка*, *утиха*, *утица* и другие. Кроме того, возможно различное осмысление одного и того же слова на разной территории распространения.

Переход к общественному животноводству в колхозах и совхозах привел к существенным изменениям в языке животноводства, как, впрочем, и во всем сельскохозяйственном. Местные наименования в разных отраслях сельского хозяйства стали по всей стране заменяться на терминологическую лексику и фразеологию. Широкое обсуждение хозяйственно-экономических вопросов деревни на совещаниях, в газетах, по радио, телевидению вызвало жизненную необходимость единой терминологии. Таковы объективные предпосылки для языковых перемен.

Однако в этом процессе всеобщей терминологизации (о чем говорится в письме А. П. Переседова) есть и свои «издержки». Термины вводятся в речь и там, где они необходимы, и там, где уместнее сказать обычное, всем понятное слово. Так ли необходим, например, термин *лактация* в речи доярки, рассказывающей об успехах в своей работе в таком контексте: «От того как раздоится корова после отёла, зависит вся *лактация*» (Всесоюзное радио, 17 октября 1973, передача для работников сельского хозяйства). Не лучше было бы заменить специальное слово *лактация* всем понятным *удой*? В речи простой доярки оно выглядит претенциозно.

В литературном языке — языке художественной литературы, прессы во всех ее многообразных разновидностях — народная лексика всегда использовалась очень широко. Сюда она вводится и для передачи местного колорита, и для яркости повествования, и для преодоления словесного однообразия. Характерологические, художественные, задачи в использовании народных слов в литературном языке как бы освобождают эти слова от детального, терминологически точного осмысления. Именно из такого материала формируются и картотечные собрания, на основе которых впоследствии создаются словари литературного языка.

Т. С. Коготкова

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи для публикации в журнале должны быть представлены в двух экземплярах, напечатаны на машинке через два интервала и подписаны автором.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес и телефон.

Объем статьи не должен превышать 8—10 страниц машинописи. Все цитаты должны быть тщательно выверены автором по источникам; ссылки даются в тексте, а не в подстрочных примечаниях.

Материалы, не принятые к печати, редакция не возвращает.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОНОВ**,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
(зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА** (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 124019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/II-1976 г. Подписано в печать 22/IV—1976 г. Т-09010
Тираж 70 000 Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 5
Уч.-изд. л. 9,8 Заказ 136.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10
РПП 1. Зак. 3146.

Цена 50 коп.

Индекс 70788

Мстиславово евангелие. XII век

РУССКАЯ
РЕЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»